Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ – IV: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Тезисы докладов
IV Международной научно-практической конференции

13-14 мая 2010 года

Гродно

Республика Беларусь

Гродно
ГрГУ им. Я.Купалы
2010

УДК 321(476)
ББК 66
Б43

.

Б43 **Белорусская** политология: многообразие в единстве. Республика Беларусь в глобализирующемся мире : тез. докл. IV междунар. науч.-практ. конф. (Гродно, 13-14 мая 2010 г.). В 2 ч. Ч. 1 / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол. В.Н. Ватыль (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2010. – 255 с.
ISBN 978-985-515-270-6
ISBN 978-985-515-271-3 (ч.1)

Представлены основные направления развития отечественной политологии в ее органическом сочетании с мировой. Значительное место уделено анализу перспектив ее дальнейшего функционирования. Сборник будет полезен и интересен студентам, аспирантам, преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, представителям практической политики, всем интересующимся указанной проблематикой.

УДК 321(476)
ББК 66

ISBN 978-985-515-270-6
ISBN 978-985-515-271-3 (ч.1)

Т.И. Адуло
Институт философии НАН Беларуси, г. Минск, tadoul@mail.ru

СРЕДНИЙ КЛАСС КАК СУБЪЕКТ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

В последние годы эксперты обычно предлагают, а политики пытаются практически реализовать различные социальные проекты формирования мощного среднего социального класса как основы и своеобразного гаранта экономической и политической стабильности государства. В качестве базовой модели для обустройства национальных государств чаще всего берут модель США, используют их послевоенный опыт, когда за весьма короткий по историческим меркам срок там действительно был сформирован мощный, инициативный, материально обеспеченный средний класс, имевший постоянную работу, высокие стабильные доходы, собственный загородный дом, автомобиль и безоблачную перспективу на будущее. Что можно сказать по этому поводу?

1. Сама идея формирования мощного среднего класса (сословия) не нова. Она родилась и в той или иной мере практически воплощалась в жизнь еще в древние века. В одном из древнекитайских трактатов, сочиненных каким-то ученым мужем во Дворце наук у западных ворот в эпоху царства Ци в начале IV в. до н.э. и включенных затем в сводный памятник «Гуань-цзы», утверждалось: «Когда народу [живется] легко, тогда все люди спокойные»[1, с. 33]. Чуть позже последователь этико-политического учения Конфуция Сюнь-цзы так обрисовал возможные последствия чрезмерной имущественной поляризации общества. «Когда корзины и коробы [правителя] и дворцовые склады наполнены богатством, – писал он, – народ нищает, вот что называется «быть полным наверху и истощиться внизу». [В этом случае] государство будет не в состоянии ни обороняться от наступающих, ни само вести наступательное сражение, и можно лишь ожидать, что такое государство будет опрокинуто и погибнет» [1, с. 153–154]. Идею гармоничного взаимоотношения «высокопоставленных» и «средних» людей пытался теоретически обосновать Аристотель. Он отмечал: «...природа человека не самодостаточна, чтобы [можно было] заниматься [только] созерцанием, но нужно еще, чтобы тело было здорово, чтобы была пища и прочий уход. ...у владеющих средним достатком есть возможность совершать поступки какие должно» [2, с. 286]. В Ветхом завете взаимоотношение богатых и бедных тоже нашло отражение. В книге Притчей Соломоновых сказано: «Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их» [3]. Идея обуздания алчности человека будоражила умы просветителей. Дидро отмечал: «Чем более велик чистый доход и чем более равно он поделен, тем лучше управление. Чистая

прибыль, равно поделенная, может быть предпочтительней большей чистой прибыли, очень неравно разделенной и делящей народ на два класса, из которых один пресыщен богатством, а другой погибает в нищете» [4, с. 88]. Наконец, Великая французская революция в правовом поле разрешила эту проблему. Осененные провозглашенным революцией демократичным лозунгом «Свобода, равенство, братство!» народные массы дружно штурмовали Бастилию. Маркс и Энгельс в качестве главного субъекта девятнадцатого века признали рабочий класс. Но и они не могли обойти стороной вопрос о среднем классе. Правда, средний класс рассматривался ими лишь в плане возможного союзника пролетариата, не более того. Они считали возможным и даже нужным заключить союз со средним классом с целью более успешной борьбы с буржуазией. Более того, как отмечал Энгельс, победа коммунаров в 1871 году во многом была достигнута в результате того, что средний класс откололся от класса буржуазии и перешел на сторону рабочих. Но при этом ни Маркс, ни Энгельс, в отличие от Прудона, не считали нужным строить мелкобуржуазный социализм. Поэтому союз со средним классом рассматривался ими не как стратегический, а только лишь в качестве временного, тактического союза, не более.

2. Действительно в США в середине XX века был сформирован такой класс, стать полноправным субъектом которого было целью американцев. Но многие эксперты и аналитики не учитывают важнейших факторов, обеспечивших формирование в столь сжатые сроки материально обеспеченного социального сословия, к числу которых, несомненно, следует отнести конкретно-исторические условия и конкретные материальные ресурсы, использованные для этой цели правительством США. Отметим сразу то, что средний класс в США сформировался в чрезвычайно благоприятных для этой страны условиях – в сложившейся весьма выгодной для США послевоенной конъюнктуре на мировом рынке товаров, позволявшей США диктовать другим товаропроизводителям свои условия и получать сверхприбыли за счет разорившихся войной стран, лишь начинавших восстанавливать свои промышленные предприятия и аграрный сектор экономики; за счет неэквивалентного обмена с латиноамериканскими странами; за счет поддержанной нацией целенаправленной внутренней государственной политики, регулирующей роли государства, максимально ограничивающей рыночный механизм хозяйствования и конкуренцию, не позволявшей крупным владельцам капитала получать сверхприбыль, а наоборот, обязавших их повышать заработную плату и отчислять средства на социальные нужды нации, т.е. осознанно ограничивая возможности рыночных отношений (за счет госрегулирования и планирования); наконец, благодаря огромным капиталовложениям государства в образование, науку и наукоемкие отрасли производства, позволившим стране и впредь оставаться лидером в ведущих отраслях мировой экономики. Таким образом, экономически обеспеченный средний класс в США формировался, с одной стороны, за счет внутренних ресурсов – ограничения бо-

гатства узкого социального слоя капиталистов и, как это ни выглядит парадоксально, за счет снижения жизненного уровня части собственного населения, оказавшегося за чертой бедности; за счет развития наукоемких технологий, позволявших значительно опережать другие страны, а следовательно, сохранять старые и завоевывать новые рынки сбыта своей продукции; за счет неэквивалентного обмена с колониальными, экономически зависимыми странами.

3. Формирование мощного среднего класса не может служить аргументом в пользу концепции «растворения», «исчезновения» рабочего класса. Он не «исчез» даже в высокоразвитых государствах. Английские социологи отмечают, что с 1911 по 1991 гг. рабочий класс в Англии действительно сократился с 75 до 42 % занятого населения, тем не менее «он не утратил свои отличительные черты: по сравнению с высшим и промежуточным (intermediate) классами он имеет в среднем более низкие доходы и менее гарантированную занятость, для него характерны более высокий уровень безработицы и более высокая вероятность бедности, менее интересное содержание работы и худшие условия найма, более низкие шансы структурированной карьеры и достижения успеха в системе образования, более высокий уровень заболеваемости и меньшая продолжительность жизни» [5, с. 370].

4. Средний класс безусловно играет важную роль в нормальном функционировании государства. И все же, не отрицая этого факта, мы обязаны признать не менее важную роль специалистов. Обладающие знаниями, интеллектом, неуемной энергией и нацеленностью на создание принципиально новых наукоемких продуктов в различных сферах народного хозяйства, начиная от фундаментальной науки и заканчивая новейшими разработками в области медицины, именно они обеспечивают продвижение нации вперед и по своему социальному статусу с полным на то основанием занимают по сравнению со средним классом более высокую ступеньку в иерархической структуре западного общества.

Список литературы

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов: в 2 т. – М.: Мысль, 1973. – Т.2. – 384 с.

2. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 53–293.

3. Притч. 22: 22–23.

4. История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. – Л.: Наука, 1978. – 312 с.

5. Аберкомби, Н. Социологический словарь / Н. Аберкомби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер. с англ.; под ред. С.Е. Ерофеева. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: ЗАО «Издательство "Экономика"», 2004. – 620 с.

И.В. Андреев

Московская государственная академия коммунального хозяйства и строительства, г. Москва, mikhis-rektor@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В РУССКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Характеристика значимости вклада русских либеральных политических мыслителей в становление современной партологии неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Вполне справедливо при этом подчеркивалась важная роль М.Я. Острогорского, не только осуществившего обстоятельную концептуальную разработку ряда ключевых вопросов функционирования института массовых политических партий, но и, как показали недавние исследования, выступившего первопроходцем применения на нашей отечественной почве некоторых политических технологий (например, апробации американской модели первичных выборов в ходе кампании по выборам депутатов II Государственной думы в Гродно в январе 1907 г.) [1]. Вместе с тем дальнейшей разработки заслуживают партологические идеи Б.Н. Чичерина, П.Н. Милюкова, А.С. Изгоева и других теоретиков либерализма; при этом одним из перспективных направлений исследований нам представляется выявление и обобщение нового знания, полученного последними в ходе анализа *разнотипных партийных систем,* функционирующих в условиях демократических, авторитарных и тоталитарных политических режимов.

Как известно, во второй половине XIX века в мировой и отечественной политической науке происходил переход от «предпартологии» к современной партологии. Принципиальное отличие этих двух этапов развития партологических исследований состоит в следующем. «Предпартология» имела предметом своего изучения партии «раннего» (немассового) типа, причем из всей совокупности политических отношений, складывавшихся по поводу их деятельности, преимущественным вниманием исследователей пользовались отношения экзогенного (внешнего) типа, т.е. отношения партий с другими элементами политической системы, а также с теми или иными социально-классовыми группами. Современная же партология выросла на основе изучения современных массовых партий и всех типов политических отношений, складывающихся по поводу их деятельности – как экзогенного, так и эндогенного (внутреннего, т.е. связанного с изучением структурных компонентов партийной организации). Следует отметить также, что, поскольку становление современной партологии совпало по времени с периодом быстрого развития социологической науки, то в рамках партологических исследований в несравненно больших масштабах, чем прежде, стали применяться социологические методы сбора и обработки информации.

На первый взгляд, Б.Н. Чичерин являлся типичным представителем «предпартологии», поскольку именно в рамках парадигмальных схем этого этапа была написана его работа «О народном представительстве» (1866 г.), а партологические построения в третьем томе «Курса государственной науки» (1898 г.) выступали «в первом приближении» всего лишь в качестве «вторичных» интерпретаций оригинальных выводов одного из бесспорных основоположников современной партологии Дж. Брайса.

Между тем мы полагаем, что может быть отнесен к числу родоначальников современной теории политических партий и Б.Н. Чичерин как автор интереснейшей, удивительной по яркости предвидения концепции эвентуальной политической системы, потенциально способной прийти на смену «традиционным» демократическим и авторитарным режимам; в современной политической науке эта система обозначается как тоталитарная, а сам мыслитель именовал ее «всеохватывающей машиной» [2, с. 514] – термином, являющимся, по существу, калькой с латинского *totalitas* – полный, всеобъемлющий.

Б.Н. Чичерин отметил, что «всеохватывающая машина» может не только стать принципиально новым типом политической системы, но и продемонстрировать невиданный ранее характер партийной деятельности. В частности, он провидчески указал на такие общепризнанные впоследствии научным сообществом черты тоталитаризма, как безраздельное доминирование в системе властных отношений «радикально-социалистической» партии, принудительное навязывание обществу партийной идеологии, обусловленная однопартийным характером политической системы тенденция к установлению режима личной власти и др. Мыслитель отметил и существенно иные, по сравнению с традиционными партиями, особенности «радикально-социалистической» партии, которая отличается от них не только своими «внесистемными» программными установками, но и доведенными до высшей степени организованностью и идейным фанатизмом, обусловливающими ее повышенную политическую конкурентоспособность; нетрудно заметить, что Чичерин «предвосхитил» здесь, если можно так выразиться, некоторые существенные черты разработанного В.И. Лениным несколькими годами позже проекта партии «нового типа».

Впоследствии различные аспекты деятельности большевистской партии – как на этапе ее борьбы за власть, так и в качестве центрального компонента «советской» политической системы – получили отражение в работах П.Н. Милюкова и А.С. Изгоева.

М.Я. Острогорский свою репутацию пионера современной партологии создал исследованием конкурентного типа партийных систем на материале США и Великобритании. Впрочем, и в данном случае нам представляется заслуживающей внимания и проверки гипотеза А.Н. Медушевского, полагавшего, что одной из задач исследовательского проекта Острогорского была попытка путем анализа западных политических партий ответить на вопросы, поставленные политической практикой России с её традициями народнических и марксистских подпольных организаций [3, с. 115].

П.Н. Милюков был одним из первых представителей современной партологии, давших глубокий анализ партийной системы, характерной для авторитарного политического режима. Будучи в период 1906 – 1917 гг. свидетелем попыток царской администрации сконструировать различные модели «партии власти», он выявил и систематизировал ряд существенных признаков этого феномена (в значительной степени принудительный характер членства; жесткая зависимость электоральных достижений от массированного применения «административного ресурса»; обусловленная постоянным следованием в фарватере указаний исполнительной власти размытость идейно-политического имиджа и др.). П.Н. Милюков совершенно верно прогнозировал, что деятельность «партии власти» является одним из важнейших факторов подрыва легитимности законодательной ветви власти, что таит в себе серьезную угрозу неконтролируемого развития эвентуальных политических кризисов – предвидение, полностью подтвердившееся после Февральской революции. Нам представляется, что опыт партийного строительства на постсоветском пространстве слишком часто сигнализирует об актуальности выводов патриарха русской либеральной теории и практики...

Можно констатировать, что одной из специфических особенностей русской либеральной партологии второй половины XIX – первых десятилетий XX вв. был интерес ко *всему спектру* партийных систем. Уже в этом отношении сообщество русских либеральных мыслителей занимало весьма примечательное, может быть, в какой-то мере даже уникальное место в мировой политической науке. А принимая во внимание и масштабность осуществленных Б.Н. Чичериным, М.Я. Острогорским, П.Н. Милюковым эмпирических исследований, глубину их теоретических выводов и силу политического предвидения, следует без колебаний признать достигнутые русской политической мыслью в этой области результаты еще одним аргументом в пользу вывода о существенном характере её влияния на становление и развитие современной теории политических партий.

Список литературы

1. Андреев, И.В. Гродненские эпизоды политической биографии М.Я. Острогорского / И.В. Андреев // Регионалистика: сб. науч. тр. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: Т.И. Адуло [и др.]; науч. ред. В.Н. Ватыль. – Гродно: ГрГУ, 2009.

2. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки / Б.Н. Чичерин. – М., 1898. – Ч. 3.

3. Медушевский, А.Н. М.Я. Острогорский и политическая социология в XX веке / А.Н. Медушевский // Социологические исследования. – 1992. – № 8.

М. Аныл

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск,
muratanil61@hotmail.com

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И НЕОИМПЕРИАЛИЗМА

После распада СССР из-за идеологических дискуссий в постсоветском пространстве, посткоммунистические страны стали забывать о той роли, которую они играли на мировой арене в антиимпериалистической борьбе. Антиимпериалистические социально-экономические системы создали реальную возможность для претворения в жизнь идеала государства для народа.

В результате культурного обмена экспансия империалистических ценностей в культуре достигла самой высокой точки в постсоветском пространстве. На фоне затаившихся обид на собственную историю пустая империалистическая пропаганда была воспринята новыми поколениями как благо. Всем известно, что непомнящий, не знающий или не понявший свое прошлое человек подрывает основы будущего развития общества. История Советского союза, как бы к ней не относились, остается историей тех народов, которые входили в состав СССР.

Посткоммунистические страны в результате трансформационных процессов столкнулись с большим количеством проблем. Многие политические идеалы потеряли свое значение. Засилье материальных ценностей оттеснило на задний план идеалы социальные. Лучшие достижения социализма были забыты.

В этом процессе Беларусь находилась в другом положении. Интеграционные процессы являются одной из наиболее актуальных проблем Беларуси. Говоря о Беларуси, Президент республики Александр Лукашенко резюмирует: «Мы строим сильную процветающую Беларусь-государство для народа» Эти слова внушают надежду на то, что Республика Беларусь никогда не будет служить площадкой для империалистических игр.

Независимая Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство. Основным приоритетом для нынешнего белорусского руководства является построения государства для народа.

В советские времена многие материально жили пусть скромно, но не бедственно. В общих чертах, государство фактически гарантировало приемлемый уровень дохода человека. Но в 1990-е гг. в тяжелом положении оказалось сельское хозяйство, и в первой половине 90-х гг. резко снизился жизненный уровень населения республики. В октябре 1990 г. Верховный Совет республики одобрил разработанную Советом Министров БССР программу перехода к рыночной экономике. Она предусматривала создание рыночных институтов, приватизацию, демонополизацию, изменение сис-

темы государственного регулирования экономики. Именно в этих условиях и разворачивался трансформационный процесс.

Конечно же, к понятию «переход» нужно относится очень вдумчиво. В последние полтора десятилетия в Беларуси различные слои общества переосмысливали неоднозначный предшествующий опыт применения марксистских моделей и обнаружили многообразие подходов к смене экономического уклада. Последнее опровергает «перестроечный» миф о том, что «иного – не дано».

Вполне очевидно, что для переживающих глубокую системную трансформацию постсоветских обществ экономические условия играли и продолжают играть определяющую роль. Но нельзя не отметить, что при стечении неблагоприятных региональных и глобальных условий проектировать новую экономическую модель очень затруднительно.

С 1991 г. – и по настоящее время в мире присутствует одна «сверхдержава» – США. Укрепляют свои позиции ТНК и ТНБ, стремительно увеличивается международное движение капитала, на поверхность всплывают экологические проблемы и феномен глобальной преступности, растут антиглобалистские настроения во всем мире, увеличивается межстрановое расслоение по уровню доходов населения и темпам экономического роста.

Современная Беларусь находится на пороге либерализации складывавшейся в ней со 2-й половины 1990-х гг. мягкой суперпрезидентской системы, как в смысле политических свобод, так и экономических. Сегодня в экономическом отношении Беларусь находится в относительно благоприятных условиях, несмотря на мировой кризис. Наличие внятной государственной политики, социальный порядок в стране, низкий, по сравнению с другими постсоветскими странами, уровень преступности, выгодное геоэкономическое положение, относительно хорошая инфраструктура-всё это увеличивает интерес к ней зарубежных инвесторов. Многие иностранные депоненты уже инвестировали в Беларусь. Отметим хотя бы компании ТНК и «Кока Кола Бевриджиз Холдинг III Б. В». (США); фирмы «Double Star International Ltd». (США), «Макдональдс Рестронтс Оперэйшнс, Инк». (США); корпорации «Бостон Трейд Коннекшнз Инк». (США), P&G(США), ChevronTexaco Corp. (США), British American Tobacco Plc(Великобритания); фирмы «Фрезениус Бетайлигунгсгезельшафт ГмбХ» (Германия), «Vicos Nahrungs Mittel GmbH» (Германия); компании «Джей энд Дабл Ю Сандерсон Лтд» (Великобритания), «SB Telecom» (Район Южного Греческого Кипра), «Эмекс Энтерпрайсес Лтд.»(Багамские о-ва), Royal Philips Electronics (Великобритания); ООО «Maersk Medical A/S»(Дания) и.т.д.

Таким образом, постсоветское пространство и Республика Беларусь, в частности, становятся зоной острой конкурентной борьбы между основными финансово-экономическими центрами современного мира. Причем происходит это в условиях, когда в противовес неоимпериалистической глобализации мировой экономики и политики, в мире шириться анти- и альтерглобалистское движение.

В.Е. Астаповский

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

СУЩНОСТЬ ФОРМ И МЕТОДОВ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

Политическая идеология, как ориентированный на практическую реализацию комплекс идей, система взглядов на власть, государственное устройство и способы их регулирования может рассматриваться в качестве определенной формы интеграции политического сознания на уровне групповых, классовых, национальных и межнациональных интересов.

Идеологическая работа вместе с государственной системой непрерывного образования призвана вовлечь человека как главное действующее лицо в экономические, политические и культурные процессы.

Важнейшими задачами идеологической работы должны стать формирование у граждан нашей республики чувства ответственности за судьбу своего государства, демократии и правосознания, активистской политической культуры.

Идеологическая работа есть форма человеческой деятельности, творческая и физическая, руководящая и исполнительная, содержанием которой является разработка идеологических концепций их систематизация и нормативно-правовое закрепление, доведение их до сознания всех категорий граждан с помощью различных форм и методов.

Форма идеологической работы – это система организации, внутренняя структура, определенный порядок ее проведения.

Метод идеологической работы – это способ передачи слушателям определенных знаний и их усвоения.

Формы и методы диалектически связаны между собой. С помощью методов идеологической работы наполняются конкретным содержанием, в свою очередь формы влияют на качество самих методов.

Все формы и методы идеологической работы по отдельности имеют определённую направленность, но наиболее эффективными они становятся тогда, когда находят своё комплексное применение, взаимно дополняя друг друга с учетом специфики аудитории.

Формы проведения идеологической работы подразделяются на активные и пассивные, но главное при этом не в самой форме, а в методах ее проведения.

Методы идеологической работы направлены на активизацию внимания и мышления людей, повышение их интереса, познавательной активности.

Методы можно классифицировать: по источнику приобретения знаний; умений и навыков – словесный, наглядный и практический; по степени активности слушателей в процессе познавательной деятельности – информационный, пропагандистский, проблемный и исследовательский.

Превращение теоретических знаний, взглядов и настроений людей в убеждения происходит в ходе идеологического воздействия.

Этому призваны служить такие виды идеологической работы, как пропаганда и агитация. Важнейшими проводниками пропагандистской деятельности являются средства массовой информации и деятельность идеологических работников. Одной из важнейших форм устной агитации является деятельность «информационных групп» непосредственно в трудовых коллективах и по месту жительства граждан. К информированию населения привлекаются лучшие силы: люди должны из первых рук получать информацию о важнейших событиях, направлениях деятельности руководства района, области, республики.

К активным методам идеологического воздействия можно отнести: убеждение, внушение, использование положительного примера, опыта с целью подражания, постановку проблемных вопросов и др.

Убеждая, мы стремимся дать человеку знания о реальных событиях, процессах в обществе, раскрыть их сущность, связи и закономерности, сформировать у него соответствующие ценностные ориентации. Внушение – это метод психологического воздействия на чувства, а через них на сознание индивида как указание к действию.

Среди активных форм включающих такие методы, как проблемный метод практических занятий, диалог, отводится дискуссии.

Дискуссия – это обсуждение проблемы с целью поиска правильного ее решения. Предметом дискуссии, как правило, являются основные направления внутренней и внешней политики государства. Дискуссия всегда сопровождается полемикой и спором. В процессе дискуссии, полемики важно сформировать у ее участников культуру поведения, научить их уважать мнения, взгляды и точки зрения своих товарищей, дать аргументированную критику идейным противникам. Выигранная полемика по уровню идеологического воздействия значит больше, чем лекция и беседа.

Сложной формой идеологической работы является изучение мнения членов трудового коллектива перед принятием управленческих решений. Речь идет об идеологической экспертизе управленческих решений.

Важными формами идеологической работы также являются – наглядная агитация, массово-политические мероприятия, работа общественных объединений и др.

Названные формы, методы не исчерпывают всего многообразия способов активизации познавательной деятельности, в идеологической работе должен учитываться весь сложный механизм отношений человека и общества для реализации идеологии белорусского государства.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В редакции Решения республиканского референдума 17 октября 2004 года. – Минск: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. Государство для народа: документы и материалы Третьего Всебелорусского народного собрания, 2 – 3 марта 2006 г. / редкол.: А.Н. Рубинов [и др.]. – Минск: Беларусь, 2006. – 463 с.

3. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: материалы постоян. действующего семинара руководящих работников респ. и мест. гос. органов / редкол.: О.В. Пролесковский [и др.]. – Минск: Акад. упр. при Президенте РБ, 2003. – 191 с.

Ю.А. Астроўскі

Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы, г. Гродна,
j.astrouski@gmail.com

ГЕНЕЗІС ПАРТЫІ ЗЯЛЁНЫХ У ФРГ

Рэальнай асновай для з'яўлення Зялёных стаў крызіс, які нарастаў ва ўмовах развітога індустрыяльнага грамадства ва ўзаемаадносінах паміж чалавецтвам і акуружаючай прыродай. Імклівы рост вытворчасці, асабліва ўзмоцнены ў 1950–1960-х дыктаваўся, у першую чаргу, інтарэсамі «эканомікі дзеля эканомікі» (атрыманні максімальнага прыбытку) або жа палітычнымі меркаваннямі (павелічэннем магутнасці дзяржавы). У аснове ўсеагульнай гонкі ляжалі «вытворчасць дзеля вытворчасці» і «спажыванне дзеля спажывання». «...Прадпрыемства, незалежна ад яго формы ўласнасці, заўсёды будзе імкнуцца павялічыць свае прыбыткі, не зважаючы на знешнія выдаткі (інфраструктуру, паслугі, шкоду, разбурэнне і рамонт), якія яно само не павінна несці, – тлумачыў французскі тэарэтык зялёных Андрэ Горц. – Разрыў паміж рашэннямі аб вытворчасці, спажыванні і грамадскіх выдатках спараджае на ўсіх узроўнях тэндэнцыю да максімальнага павелічэння: вырабляецца максімальная колькасць індывідуальных запатрабаванняў, якія задавальняюцца з дапамогай максімальнай колькасці тавараў...».

Вынікам гэтага курсу сталі небяспечнае для жыцця і здароўя людзей забруджванне вады, паветра і глебы прамысловымі і бытавымі адыходамі, знішчэнне шматлікіх натуральных рэсурсаў, узнікненне шэрагу эфектаў, пагрозлівых падтрыманню экалагічнай раўнавагі ("парніковы эфект», змена глабальнага клімату, скарачэнне азонавага пласта, катастрафічная эрозія глеб і інш.), разбурэнне прыроднай і біялагічнай разнастайнасці як асновы жыцця на планеце. «Экалагічны крызіс, з якім мы сёння сутыкаемся, – пісаў амерыканскі экалагіст Мюррэй Букчын, – у канчатковым выніку, ставіць пад пытанне здольнасць Зямлі да падтрымання развітых форм жыцця. Сучаснае грамадства літаральна знішчае ўсю працу, прарobленую арганічнай эвалюцыяй».

Наступствы экалагічных праблем выклікалі ўсю большую незадаволенасць сярод самых шырокіх пластоў насельніцтва, асабліва тых, хто не

меў магчымасці кампенсаваць іх за рахунак сваіх высокіх прыбыткаў. Ужо ў 1960-х асобныя даследнікі і публіцысты ў розных краінах свету сталі зважаць на ненармальнасць становішча рэчаў. У ЗША, Заходняй Еўропе, Японіі і іншых развітых індустрыяльных спольнасцях у канцы дзесяцігоддзя з'явіліся першыя ініцыятывы і аб'яднанні грамадзян, незадаволеных разбурэннем асяроддзя іх пасялення (будынкі шкодных для здароўя прадпрыемстваў, электрастанцый, транспартных аб'ектаў і г.д.). Сутыкнуўшыся з нежаданнем фірм, карпарацый і дзяржаўных бюракратый улічваць іх патрабаванні, удзельнікі ініцыятыў паступова прыходзілі да думкі аб неабходнасці аказаць ціск на працэс прыняцця рашэнняў у грамадстве.

Глыбокая крытыка наяўнай сістэмы вытворчасці, спажывання і спосабу жыцця ў цэлым, з якой выступілі прыхільнікі экалагічнага падыходу, прыцягнулі да яго ўвага «новых левых» – спадчыннікаў моладзевага пратэсту 1968. Шматлікія з высноў і нават рэкамендацый эколагаў былі блізкія прадстаўнікам бунтуючага пакалення з іх адмоўным дачыненнем да дзяржаўнай бюракратыі, канцэрнам і сістэмы спажывання. Нярэдка менавіта «новыя левыя» стаялі ў вытокаў экалагічных груп і ініцыятыў. Вялікую вядомасць і значны аўтарытэт сярод зялёных набылі леварадыкальныя тэарэтыкі, якія звярнуліся да экалагічных пытанняў. Яны абгрунтоўвалі ідэю «стварэння шырока разгалінаванай сеткі дробных і сярэдніх прадпрыемстваў – вытворчых і рамесных кааператываў, – кантраляваных і падтрымоўваемых суполкай, у якой яны размяшчаюцца» і прыстасаваных да патрэб, сапраўды выяўляемых насельніцтвам» (А.Горц).

Падчас супрацьстаянняў экалагічнага руху з уладамі, сталі ўзнікаць аб'яднанні грамадзянскіх ініцыятыў у вобласці абароны навакольнага асяроддзя. У ФРГ федэральны саюз падобных груп і аб'яднанняў паўстаў у 1972; у канцы 1970-х ён выставіў праграму патрабаванняў, нацэленую, у самых агульных рысах, на стварэнне новага, справядлівага і гуманнага грамадства.

Першая партыя «зялёных» была заснаваная ў маі 1977 года ў Ніжняй Саксоніі. У 1978-79гг. ствараюцца партыі ў Гессене, Бадэн-Вюртэмберзе, Баварыі, Брэмене і Гамбурзе. 13 студзеня 1980 года на ўстаноўчым зборы ў Карлсруэ была заснавана федэральная партыя «зялёных» і прыняты статут, паводле якога яе вышэйшым органам з'яўляецца з'езд, які павінен склікацца не радзей аднаго разу ў год. У інтэрвалах паміж з'ездамі апаратыўнае кіраўніцтва здзяйсняюць федэральны камітэт, куды ўваходзяць прадстаўнікі зямельных аб'яднанняў, а таксама федэральнае кіраванне, на чале якога стаяць тры раўнапраўных сустаршыні.

Як адзначалася ў прэамбуле статуту, мэтай дзейнасці «зялёных» з'яўляецца пераадоленне кароткатэрміновых умоў, пры якіх кароткатэрміновая арыентацыя на эканамічны рост, мае перавагу перад экалагічнымі, сацыяльнымі і дэмакратычнымі запатрабаваннямі жыцця чалавецтва. Шлях да гэтай мэты ляжыць праз ператварэнне эканамічнага, дзяржаўна-палітычнага і культурнага жыцця грамадства.

У сацыяльнай сферы праграма «зялёных» уключае ў сябе патрабаванні дэмакратызацыі сістэмы адукацыі, забеспячэнні поўнай занятасці, раўнапраўя мужчын і жанчын, немцаў і замежнікаў, якія жывуць у ФРГ, правы на страйк, аховы мацярынства і дзяцінства, паляпшэнні пенсійнага забеспячэння і сацыяльнага страхавання.

Прыняўшы праграму партыі, «зялёныя» уключыліся ў палітычнае жыццё ФРГ, вырашыўшы пачаць барацьбу за прадстаўніцтва ў бундэстазе. З гэтай мэтай у чэрвені 1980 года на III з'ездзе ў Дортмундзе яны прынялі адзіную платформу «зялёных» для ўдзелу ў выбарах у парламент. Дакумент уключаў вельмі агульныя становішчы праграмы партыі і не даваў адказаў на шматлікія праблемы, якія хвалявалі выбарнікаў у першую чаргу (беспрацоўе, інфляцыя).У 1983 году «зялёныя» прайшлі ў Бундэстаг, набраўшы 5,6 % галасоў. У гэтым жа годдзе была абвешчаная праграма еўрапейскіх зялёных з асноўнымі становішчамі аб міралюбнай палітыцы з прадухіленнем ядзернай вайны, а таксама паляпшэннем навакольнага асяроддзя.

Паступова нямецкія зялёныя сфармулявалі «чатыры слупа» сваёй палітыкі. Прыкладна тыя жа прынцыпы прынятыя зялёнымі партыямі ЗША і Канады. На сёння партыі зялёных па ўсім свеце адданыя наступным «слупам»: экалогія (часам «экалагічная мудрасць» або «экалагічная ўстойлівасць»), сацыяльная справядлівасць (часам «сацыяльная роўнасць і эканамічная справядлівасць»), нізавая дэмакратыя, адмова ад гвалту.

У васьмідзесятыя гады зялёныя на розных выбарах атрымоўваюць месцы не толькі ў нямецкім парламенце і парламентах федэральных земляў, але і ў Еўрапарламенце. У 1987 году на нацыянальных выбарах зялёныя набіраюць 8,3 % галасоў – як адказ на чарнобыльскую катастрофу.

Партыя зялёных працягвае займаць цвёрдую антываенную пазіцыю, выступае супраць абмежаванняў на іміграцыю і аборты, абараняе правы геяў і лесбіянак. Зялёныя выступаюць за дэкрыміналізацыю ўжывання марыхуаны і за развіццё таго, што яны завуць «анты-аўтарытарныя» практыкі выхавання і школьнай адукацыі. Партыя таксама працягвае ўдзельнічаць у акцыях грамадзянскага непадпарадкавання, асабліва часта ўваходзячы ў сутыкненні з паліцыяй на дэманстрацыях супраць ядзернай зброі і атамнай энергетыкі.

У 1989 году мэрам Франкфурта быў абраны сябар рэвалюцыйнай маладосці Йошкі

Фішэра, лідэр французскіх студэнцкіх выступаў, грамадзянін Францыі і Германіі Даніэль Кон-Бендыт. У 1994 ён стане дэпутатам Еўрапарламента, а ў 1999 годзе вяртаецца на французскую палітычную сцэну як лідэр французскіх зялёных.

У 1993 году ў Партыю зялёных Нямеччыны ўвайшла група «Саюз '90», якая ўтварылася ў Германскай дэмакратычнай рэспубліцы.

1998 год прынёс Зялёным перамогу ў складзе «Чырвона-зялёнага альянсу», кааліцыі з сацыял-дэмакратамі. Лідэр Зялёных Йошка Фішэр стаў

міністрам замежных спраў. Неўзабаве разгарэўся і першы крызіс – менавіта пры «зялёным» міністру замежных спраў войска бундэсвера ўпершыню ўдзельнічалі ў аперацыі за мяжой, у Югаславіі. Партыю пакінулі некаторыя актывісты-пацыфісты, у тым ліку Бернхард Клазен.

У 2001 годзе зялёныя дасягнулі дамовы аб згортванні ядзернай энергетыкі ў Германіі. У красавіку 2005 года была зачыненая АЭС у Обрыгхайме. Пасля дэбат зялёныя пагадзіліся заставацца ў кааліцыі і падтрымліваць нямецкі ўрад канцлера Герхарда Шредера па пытанні вайны ў Афганістане. Гэта ізноў ускладніла іх дачынення з зялёнымі па ўсім свеце, але прадэманстравала, што яны былі здольныя на складаныя палітычныя ўгоды і саступкі. З іншага боку, Фішэр цвёрда настаяў на неўдзеле Германіі ў аперацыі ў Іраку.

Спіс літаратуры

1. Горц А. Экология и свобода [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступа: http://avtonom.org/old/lib/theory/gorz_ecology-freedom.html?q=lib/theory/gorz_ecology-freedom.html

В.И. Бобрович

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, vbobrovich@yandex.ru

«БЕГСТВО ОТ СВОБОДЫ» Э. ФРОММА В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В начале XX века успехи ряда развитых стран в строительстве демократии породили иллюзию, что ликвидация внешнего принуждения является необходимым и достаточным условием для достижения полной человеческой свободы. Появление тоталитарных режимов поначалу воспринималось как утверждение абсолютной власти, опирающейся исключительно на насилие и превращающей народ в жертву произвола. Однако в дальнейшем стала очевидной ошибочность этой точки зрения. Выяснилось, что миллионы людей в Германии добровольно отказывались от своей свободы в пользу фюрера, взявшего на себя ответственность за их будущее.

Известный психолог Эрих Фромм исследовал психологические механизмы уклонения индивида от свободы, проявляющегося в условиях любой, в том числе и демократической, формы правления. Данный феномен он обозначил как «бегство от свободы». В своей одноименной работе он попытался объяснить, почему для некоторых людей свобода становится бременем, от которого они поскорее стремятся избавиться, и почему

подчинение сильной власти может стать для них источником удовольствия. Каждый человек в процессе своего взросления переживает разрыв первичных связей с семьей, что делает возможным его становление в качестве индивидуальности. Вслед за этим перед ним встает задача найти новую опору в жизни, преодолеть гнетущее чувство одиночества, возникающее по мере осознания своей отдельности (самости). Решить ее можно двумя путями. Первый (его можно назвать демократическим) характеризуется стремлением человека обрести самостоятельность. Такой путь оставляет простор для самоопределения и дальнейшего личностного развития. Другой путь характерен для типа личности, который Фромм называет «авторитарной». Такой человек находит опору в связях с миром, которые, в конечном счете, уничтожают его свободу и индивидуальность.

Авторитарная личность стремится освободиться от дискомфортного для нее чувства одиночества путем избавления от своего «Я» и растворения его в какой-то внешней силе. «Этой силой может быть другой человек, какой-либо общественный институт, бог, нация, совесть или моральная необходимость. Став частью этой силы, он становится причастным к её мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего Я, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [1, с. 154]. Теперь человек избавлен от необходимости принятия решений, от окончательной ответственности за свою судьбу. «Он избавлен и от сомнений относительно смысла своей жизни, относительно того, кто «он». Ответы на эти вопросы уже даны его связью с этой силой, к которой он себя причислил» [1, с. 154].

Особое место в мировоззрении авторитарной личности занимает авторитет. Как правило, он имеет иррациональную основу и обусловлен преклонением перед могуществом. Авторитарный человек не только восхищается властью и находит удовольствие в подчинении ей, но и сам хотел бы обладать властью, чтобы другие подчинялись ему. Слепое возвеличивание лидера выполняет функцию смягчения испытываемого при этом унижения, а зачастую и ненависти. «В самом деле, – пишет Фромм, – если мой господин так удивителен и прекрасен, то мне нечего стыдиться в моем подчиненном положении; я не могу с ним равняться, потому что он настолько сильнее, умнее, лучше меня...» [1, с. 163].

Авторитарные черты личности, по мнению Фромма, проявляется в двух основных формах – в стремлении подчиняться (моральный *мазохизм*) и в желании властвовать, подчинять других (моральный *садизм*). Сущность последнего составляет ощущение полного господства над другим человеком, возможность причинять ему страдание. Психологически и тот и другой тип поведения имеет одну причину – слабость собственной личности, ее неспособность выносить «изоляцию», порождаемую индивидуальным существованием. Вместе они составляют симбиоз, при котором каждый теряет свою целостность и оба зависят друг от друга. В обоих случаях

происходит утрата своей свободы. «В одном случае я растворяюсь во внешней силе – и меня больше нет; в другом – я разрастаюсь за счет включения в себя другого человека, приобретая при этом силу и уверенность, которой не было у меня самого» [1, с. 156].

Традиции авторитаризма в России уходят корнями в глубокое прошлое. Самодержавие российских царей было для Европы олицетворением своевольного, ничем не ограниченного единоличного правления. Совершенная большевиками в октябре 1917 года революция не только не прибавила российскому обществу свободы, но и отбросила его в этом смысле на многие годы назад. Утверждение диктатуры пролетариата, а по сути диктатуры коммунистической партии, привело к закабалению всего общества. Раскулаченное и согнанное в колхозы, лишенное паспортов и земли крестьянство попало в новую, еще более жесткую зависимость от государства. Рабочий класс лишился даже тех завоеваний, которые имел до революции – права свободно передвигаться и распоряжаться своей рабочей силой, возможности требовать повышения зарплаты, права на забастовки, выходных и многого другого.

Государство активно вторгалось в сферу морального и духовного самоопределения. Борьба с религией резко ограничила свободу совести. У граждан не было свободы выбора, так как в государстве существовала только одна политическая партия, одна на всех государственная идеология, единственная разрешенная форма собственности. Отсутствовали сферы общественной жизни, где его (свободный выбор) можно было бы делать. Не было политики, как сферы выбора политических лидеров, программ, политических курсов. По сути, отсутствовала экономика, как сфера свободного предпринимательства, экономического риска, конкуренции. Под контролем была культура, как сфера свободного творчества и самовыражения художника.

В результате многолетней патерналистской политики у людей постепенно утратился вкус к самостоятельности, риску, социальному творчеству и состязательности. В постперестроечный период массы отученных от свободы, всю жизнь опекаемых государством индивидов, оказались в состоянии психологического шока. Жизнь в условиях рынка потребовала от них того, к чему они не были готовы – деловой активности, предприимчивости, ответственности. Люди остались уверенными в том, что государство обязано заботиться о его благосостоянии, предоставлять льготы, обеспечивать трудоустройство. Рыночная экономика с ее жесткими правилами вызывает отторжение и тоску по прошлому. Завышенные социальные ожидания тормозят проведение радикальных экономических реформ, препятствуют освобождению государства от несвойственных ему функций. Проводимая в постсоветских республиках экономическая политика часто нацелена на консервацию устоявшихся стереотипов экономического мышления, сохранение государственной опеки и внеэкономического принуждения.

В постсоветском обществе сохраняется стойкая ностальгия по прошлому. Граждане не понимают значимость требовательного отношения к власти, не могут дать ей объективную оценку. В последнее десятилетие в постсоветском обществе проявился растущий интерес к сталинизму, ставший своеобразным «тестом» постсоветского человека на «садомазохизм». Тоска по «сильной руке», неверие в демократию, поддержка жесткого внешнеполитического курса говорит о том, что в обществе по-прежнему доминирует авторитарный тип личности. Он легко отзывается на пропаганду идей изоляционизма и ксенофобии и плохо поддается обучению свободе.

Список литературы

1. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М., 2009.

М.С. Бодак

Брестский государственный технический университет, г. Брест, msbodak@mail.ru

ИДЕОЛОГИЯ КОНСЕРВАТИЗМА И ЕЁ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Политический консерватизм, понимаемый как намерения и действия в защиту социального статус-кво, является универсальным феноменом всякого организованного общества. Он играет исключительную роль в процессе развития общества, делая возможным разделение труда, поддержание законности и порядка, пополнение знаний, передачу опыта из поколения в поколение. По мнению известного американского политолога С. Хантингтона «людей толкает к консерватизму шок, вызванный теми или иными событиями, ужасное чувство, что общество или институты, которые они одобряют или, по крайней мере, принимают и с которыми они тесно связаны, могут вдруг прекратить существование» [3, с. 34].

Появившись в XVIII веке, консервативная идеология до сих пор не утратила своего морального и интеллектуального воздействия на массовое сознание и социальную мысль. Актуальность данного феномена для нашей страны была отмечена Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, который подчеркнул, что «...Вторая идеология, консерватизм, знакома нашим людям гораздо меньше. Хотя, отдельные его элементы от природы присущи белорусам в таких традиционных для них чертах, как «добразычлівасць», «памяркоўнасць», «талерантнасць», «разважлівасць». Это уже в кровь вошло. Наше поколение этого не знает, это не помнит, но прежние поколения жили, видимо, в условиях господства вот этого кон-

сервативного подхода в идеологии. И многие понятия сегодня не теряют своей актуальности. Надо быть хорошими консерваторами, в хорошем смысле слова. Мы ни в коем случае не отбрасываем многие идеи идеологии консерватизма» [1, с. 18].

В 1970-е гг. консерватизм получил новые импульсы для своего развития в идейно-теоретическом плане. Этому способствовал переход развитых стран Запада в постиндустриальную фазу развития, что привело к формированию в ряде стран влиятельного идеологического течения, получившего название «неоконсерватизм».

Неоконсерватизм отстаивает традиционные для консерватизма идеи: нравственного абсолютизма, отрицания мелиоризма, политического реализма, отрицательного отношения к политизации человека, приверженности локальным ценностям, антиэгалитаризма, традиционализма и другие. Если рассматривать данную идеологию в более узком смысле, то ее содержательное наполнение составляют нижеследующие идеи.

Во-первых, неоконсерваторы подозрительно относятся к планам по коренным изменениям в обществе, указывая на то, что социальные институты за многие столетия их существования накопили мудрость, позволяющую регулировать человеческие отношения.

Во-вторых, для консерваторов важно вовремя идентифицировать деструктивные силы и вести постоянную борьбу с ними, так как из природы человека вытекает, что он хорош и плох одновременно, а значит необходимо постоянно проверять его намерения.

В-третьих, с точки зрения неоконсерватизма социальные институты должны внедрять в сознание людей позитивные ценности и готовить их к добродетельной жизни, поскольку ничто не заменит нравственно-ориентированных свободных индивидов, старающихся работать вместе во имя создания общества добродетели.

В-четвертых, неоконсерваторы являются идейными детерминистами, так как в их понимании идеи определяют реальность. Идеи, выраженные в словах, составляют мировоззрение, а значит, и программируют людей на определенную деятельность. По мнению Д. Белла, в этом плане проблемой номер один современного индустриального общества являются его культурные противоречия.[4, с. 18]. Неоконсерваторы считают, что разрешить противоречия можно, восстановив мораль и традиции, возродив религиозность, развивая промежуточные структуры, отделяющие человека от государства.

В сфере экономики неоконсерваторы, предполагают оптимизировать государственное регулирование, но делают ставку на развитие свободного предпринимательства. Их взгляды нашли свое теоретическое оформление в концепции «экономики предложения». Экономика предложения делает акцент не на перераспределении, а на экономическом росте, когда целью является улучшение материального положения всех, но не в финансовой степени и не одновременно.

В социальной сфере неоконсерваторы придерживаются принципа субсидарности, который означает помощь для содействия самопомощи и частной инициативе. Согласно концепции субсидарности, по мере роста общественного богатства и благосостояния граждан, размер сферы социального обеспечения должен не возрастать, а сокращаться, чтобы человек не низводился до роли опекаемого потребителя государственных услуг.

В политической сфере неоконсерваторы являются сторонниками демократического элитаризма, подразумевающего формирование в обществе демократических элит, которые будут править и сменяться в строгом соответствии с демократическими процедурами. При этом основным качеством, которым должна обладать элита является авторитет и элита должна обеспечивать преемственность авторитета. Кроме того, подчеркивается необходимость сильного правительства, которое будет служить преградой против социальных беспорядков, инструментом социального контроля и поддержания законоправия в государстве. Не так важно устройство политических институтов, как правильная расстановка людей у власти. Гарантией против злоупотребления властью консерваторы считают качество политического руководства, когда у власти оказываются «правильные люди» – мудрые и самодисциплинированные.

В духе этих идей часто высказывается и Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. По его словам Беларусь придерживается политики сдержанного консерватизма, в силу чего при проведении реформ был выбран эволюционный путь развития.

Кроме того, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко заметил, что в малых городах и посёлках городского типа живёт более 30 % белорусского населения, а это действительно основа государства. Там, по его мнению, сохраняется наш «добрый консерватизм», который всегда спасает наш менталитет. Поэтому и была реализована Программа развития малых городов и посёлков городского типа, позволившая восстановить и модернизировать предприятия и городки на 95 %. Такая политика перекликается с идеями консерватизма напрямую, так как именно этому идеологическому течению свойственно ориентироваться на местные, региональные и национальные ценности. Так, соответственно идеалам консерватизма, общество должно состоять не из атомизированных индивидов, а представлять собой единое целое, которое сосредоточено прежде всего на локальном уровне, то есть в семье, трудовом коллективе, местных институтах власти и т.п. Социальное, групповое самосознание на местном уровне, по убеждениям консерваторов, является естественным источником стабильности, формирования патриотических чувств и сохранения традиций.

Таким образом, преимущество современной консервативной идеологии заключается, как удачно заметил К. Мангейм [2, с. 23], в том, что она единственная идеология, ориентированная на существующие в действительности факторы бытия. Это обстоятельство делает консерватизм в определенной степени полезным любому обществу.

Список литературы

1. Лукашенко, А.Г. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию: Доклад Президента Республики Беларусь на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов // Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2003.

2. Мангейм, К. Консервативная мысль / К. Мангейм // Мангейм, К. Диагноз нашего времени. – М.: Юрист, 1994.

3. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

4. Bell, D. Cultural Contradictions of Capitalism / D. Bell. – London: Heinemann, 1976.

И.В. Бойко

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Гродно, bojkoivan@rambler.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Начавшаяся в середине 80-х годов XX века социально-экономическая и политическая трансформация белорусского общества привела к существенным изменениям в религиозной жизни страны, а также вызвала оживлённую дискуссию о государственно-конфессиональных отношениях. Доминирующей становится точка зрения, согласно которой государство, сохраняя свой светский характер, может и должно опираться на духовно-нравственный потенциал религиозных организаций, сотрудничая с ними в сфере благотворительности, преодолении аморализма, преступности, наркомании, других асоциальных явлений.

За последние два десятилетия религия стала важным фактором общественной и государственной жизни. Число религиозных организаций увеличилось почти в четыре раза и составляет 157. По состоянию на 1 января 2010 года насчитывалось 3106 религиозных общин. В их числе 1509 – православных и 470 католических, Христиан веры Евангельской – 501, Евангельских христиан-баптистов – 272. Общины представляют 25 конфессий, церквей, религиозных направлений и деноминаций. Число религиозных общин продолжает увеличиваться.

На территории Беларуси действует 1315 православных церквей, 462 костела и пр. Всего по республике насчитывается 2268 действующих культовых помещений, 197 находятся в стадии строительства.

В республике действует 157 религиозных организаций: 45 религиозных объединений, 34 миссии, 40 монастырей, 15 братств, 9 сестричеств, 14 духовных учебных заведений. В религиозных организациях осуществляют свою деятельность 3106 служителей культа, в том числе 1509 православных священников и 470 католических ксендзов.

Согласно социологическим данным порядка 60 % населения испытывает религиозные потребности. Верующие в целом равномерно распределены во всех группах населения по возрасту, образованию, занятости.

Существенные изменения в политико-правовых подходах к государственно-конфессиональным отношениям, изменение политико-правового статуса религии в обществе, решив многие проблемы, породили новые, которые потенциально могут привести к конфликтным ситуациям.

В этих условиях перед государством встает задача формирования новых подходов к проблематике государственно-конфессиональных отношений и государственно-конфессиональной политики; выработки концепции государственно-конфессиональной политики; преодоления устаревших подходов в отношении органов государственной власти к религии и церкви; приведения законодательства в соответствие с современными реалиями религиозно-церковной жизни, унификации его применения.

Структурная модель государственно-конфессиональной политики может быть представлена как совокупность следующих взаимосвязанных компонентов: мировоззренческо-ценностного, нормативно-правового, институционально-организационного, функционально-деятельностного.

Мировоззренческо-ценностный компонент связан с тем, что мировоззрение выступает как обобщенный взгляд человека на окружающий мир и самого себя, что вытекает из общей картины мира и формирует жизненные позиции, убеждения, идеалы, принципы, оценки событий. Роль мировоззрения заключается в формулировании представлений о политике государства и о религиозной жизни как части объективной реальности для последующей выработки и реализации решений по конкретной деятельности в политической сфере. Мировоззрение помогает также осмыслению и переосмыслению политических идей в различных вероучениях с позиции оценки их эффективности в новых исторических и социально-политических условиях.

Нормативно-правовой компонент заключается в том, что деятельность любых субъектов является нормативно-упорядоченной. В механизме реализации государственно-конфессиональной политики нормативно-правовой компонент представлен: религиозными нормами ведущих отечественных конфессий по политическим вопросам; нормативными актами международного и межгосударственного уровня; законодательными актами государственной власти, обеспечивающими функционирование политичес-

кой сферы; иными правовыми актами и инструкциями, которые регулируют текущие политические процессы в обществе и государстве; нравственно-этическими нормами.

Институционально-организационный компонент. Реализовать основные цели государственно-конфессиональной политики практически невозможно без организационного построения системы регулирования этим процессом со стороны общества или какой-то его определенной части. Специфика политической сферы требует именно от государства осуществления управленческой и координационной деятельности. Поэтому основным институтом организации и управления в политической сфере следует считать государство, органы его законодательной, исполнительной и судебной власти.

Вместе с тем следует отметить децентрализованность системы государственного управления сферой религиозной жизни, отсутствие целостной единой политики в данной сфере. Несовершенство форм исполнительно-распорядительной деятельности. Недостаточность использования форм контроля, непроработанность механизмов его реализации.

На наш взгляд преодолению рассогласованности различных составляющих политико-правового процесса в государственно-конфессиональной политике может способствовать возрождение органа государственного управления по делам религий, наделенного соответствующими властными функциями и полномочиями.

Функционально-деятельностный компонент государственно-конфессиональной политики дает представление о практической деятельности ее субъектов и участников. Различия в целях, которые преследуют субъекты государственно-конфессиональной политики в своей деятельности, не позволяют говорить о том, что все они вместе руководствуются одними интересами, принципами и правилами, соблюдение которых гарантирует сохранение общественной системы и ее национально-специфического содержания. История подтверждает, что возможна как деструктивная деятельность государства по отношению к религиозным конфессиям, так и обратно направленное действие.

Среди приоритетов государственно-конфессиональной политики серьезным фактором, который мог бы способствовать оптимизации государственно-конфессиональных отношений, могло бы стать усиление внимания к выработке целостной концепции государственно-конфессиональной политики. Насущной является также необходимость создания государственного научно-исследовательского учреждения, где бы аккумулировались самые современные идеи в области отношений государства и религиозных организаций, которое стало бы научной базой выработки и дальнейшей реализации политики государства в религиозной сфере, центром подготовки методик и рекомендаций для работы органов, осуществляющих связи с религиозными организациями в Республике Беларусь.

Определение приоритетов государственно-конфессиональной политики требует учета всего комплекса проблем. Необходимым условием их успешной реализации является готовность государства, общества и религиозных организаций к осуществлению их в жизни. Только в результате совместных усилий государственно-конфессиональные отношения могут приобрести гармоничный характер.

Государственно-конфессиональная политика в Беларуси находится в состоянии поиска оптимальной модели, условием которой может стать как опора на национальные традиции и опыт, так и учет сложившейся современной религиозной ситуации, и нормы международного права. Общее стремление к сотрудничеству со стороны государства, религиозных организаций и граждан, на наш взгляд, может стать гарантией политико-правового обеспечения национально-государственных интересов в религиозной сфере современного белорусского общества.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В редакции Решения республиканского референдума 17 октября 2004 года. – Мн.: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». Закон Республики Беларусь от 31 октября 2002 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2002. – № 123. – 2/886.

3. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? / И.И. Пирожник [и др.] // Социология. – 2006. – №4. – С. 48.

4. Новое время. – 2005. – № 47. – С. 3.

5. Отчет о научно-исследовательской работе «Провести исследование территориальных особенностей конфессиональной структуры Беларуси и разработать электронный вариант географического атласа «Конфессии и культовые сооружения Беларуси» (заключительный) № 396/61. – Минск, 2007. – С. 32-33.

6. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2006 г. № 891 «Об утверждении Положения об Уполномоченном по делам религий и национальностей и его аппарате».

7. Земляков, Л.Е. Религиозные процессы в Беларуси. Проблемы государственно-правового регулирования / Л.Е. Земляков. – Минск: РИВШ БГУ, 2001. – 208 с.

8. Котляров, И.В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении/ И.В. Котляров, Л.Е. Земляков. – Минск: Изд-во МИУ, 2004. – 232 с.

Ю.П. Бондарь

Белорусский государственный университет культуры и искусств, г. Минск

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВ: МЕТОДЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Осуществляемые на постсоветском пространстве реформы обострили потребность в их фундаментальном исследовании, применении нетрадиционной методологии политического анализа переходных процессов. Преобразования обнаружили качественно новые тенденции и закономерности в динамике и содержании изменений в социуме, что обусловливает необходимость разработки инновационного гносеологического инструментария. На повестке дня национальной политологии – творческий поиск методов комплексного исследования политики – трендов эволюции и эффективности политических систем, демократии, событий, общественного мнения, конфликтов, политической культуры, государственного управления, механизмов изменений, поведения избирателей и институтов, иных феноменов.

Изучение работ зарубежных теоретиков, которые существенно отличаются по проблематике, гносеологическим измерениям, интерпретации взаимосвязи между нормативным и эмпирическим анализом, побуждает к размышлениям о противоречивой эволюции, специализации и дифференциации мировой политологии, степени ее догматичности и адаптивности к реалиям жизни, процессам в переходных обществах.

Для сегодняшней политической науки характерна множественность политических дискурсов, которая порождает серьезные (кризисные) проблемы в политическом философствовании: методологическую неопределенность; эмпирическую не достоверность аналитических обобщений; рутинное «пережевывание», или некритическое заимствование традиционных идей и унаследованной системы ценностей; производство призрачных (абстрактных) и не системных знаний; незавершенность предлагаемых концептов; размытость категорий (понятий) [1].

Как отмечают профессионалы, стремление к объединенной науке в нынешних условиях, возможно, все еще *остается химерой*, хотя она выглядит потенциально объединяемой [2, с. 100].

Процессы интеграции и идентификации мировой политологии связаны с преодолением существенных национальных различий в ее эпистемологии и институциональной основе, кадровом потенциале, системе ученых степеней и преподавания в университетах, специализации областей исследований, коммуникации и программах подготовки политологов,

В первой половине 1990-х г. отечественные политологи некритически воспринимали концепции демократизации, которые неприкрыто (или

завуалировано) постулируют идеи о безусловной прогрессивности и универсальности «западной» модели развития. Редко высказывались суждения об уязвимости, сомнительности и субъективности умозрительных концептуальных конструкций.

Осмысливая сегодня сущность, направления и результаты трансформации, интеллектуалы Беларуси, России, Украины и других постсоветских республик обращают внимание на несовершенство европейского и американского инструментария для исследования демократизации постсоветского социума. Становится все более явным, что методологический плюрализм в познании политических изменений в современном мире, если он плохо измеряем эмпирически, не приносит желаемые плоды – не способен удовлетворить запросы переходных обществ. Динамично преодолевается «*синдром подражания»* некогда популярным, но слабо верифицированным фактографическим базисом концепциям демократизации. Расширяется спектр изучаемых методологических проблем.

Инновационные подходы к познанию переходных политических процессов отражены в большом массиве статей, материалов дискуссий на страницах профессиональных периодических изданий, докладов на научных конференциях, симпозиумах, конгрессах российских политологов в 2000-е гг.

Методологическое и практически-политическое значение имеют исследования теории и практики принятия политических решений. Целенаправленно исследует эти вопросы российский ученый *А.А.Дегтярев*.

Профессор *С.В. Решетников* предлагает концепцию устойчивого государственно-политического развития Республики Беларусь в переходный период, включающую: систему ценностей, закрепленных в идеологии государства и формирующих базис гражданского согласия в обществе и демократической культуры; стимулирование новых форм участия граждан в общественных процессах и социального партнерства; демократизацию взаимоотношений институтов власти с гражданским обществом; повышение эффективности государственного управления; приоритетные направления социально-экономической политики [3].

Заведующий кафедрой Гродненского государственного университета, профессор, доктор политических наук *В.Н. Ватыль* подверг экспертизе опыт авторитарных модернизаций в мире – сущность, внутренние и внешние условия, характерные черты автократии как закономерного политического феномена «транзитных» обществ. Согласно его прогнозу, в обозримом будущем мы будем наблюдать новые формы авторитаризма, в которых он будет адаптироваться к нашему необычайно сложному, переходному времени [4].

Влиятельным в исследовании политических процессов и государственного управления становится направление, именуемое понятием «*политическая сеть»*. На основе конкретного эмпирического материала, профессор *Л.В. Сморгунов* проанализировал актуальные аспекты методоло-

гии политической сети, ее особенности и эффективность для принятия политической решений, взаимодействия гражданского общества и государства, сотрудничества и ответственности субъектов политики.

Можно сделать вывод, что методология анализа политических процессов в постсоветских обществах находится в стадии активного формирования. Эта стадия характеризуется неизмеримо большим, чем в 1990-е г., разнообразием тематики. Фокусируется внимание на разработке новых методик познания динамики и механизмов социальных изменений, приоритетов и эффективности государственной политики. Появились уникальные концепты исследования реформируемого социума.

Банк эпистемологии национальной науки активно пополняться инновационными идеями. Если десять лет назад, ученые недооценивали культурно-национальные и исторические особенности постсоветской модернизации, ориентируясь на постулируемые европейскими исследователями идеи о линейной направленности траекторий «демократического транзита», то сегодня ситуация в отечественной науке меняется. Наблюдаются позитивные перемены в проблематике и содержании публикаций по методологическим проблемам, уровне обоснованности инициируемых идей и парадигм, эмпирической верификации концептуальных подходов.

Возрастание интереса политологического сообщества к изучению механизмов трансформации (институтов, факторов, условий, стадий, критериев результативности преобразований, стратегии и тактики власти, качества реформ) символизирует новую, набирающую силу тенденцию. Суть ее в динамичности *методологической рефлексии ученых*, их устойчивой ориентации на формирование полноценного инструментария системного изучения переходных обществ.

Список литературы

1. Меньшиков, А.С. Как теоретизировать политику? / А.С. Меньшиков // Полис. – М., 2010. – № 1. – С. 82 – 101.

2. Клингеманн, Х.-Д. Сравнительный анализ развития политической науки в Западной Европе / Х.-Д. Клингеманн // Полис. – М., 2008. – № 3. – С. 97–117. Решетников, С.В. Концептуальные аспекты развития белорусской политологии в структуре социально-гуманитарных наук / С.В. Решетников / Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2009. – № 2. – С. 147 – 153.

3. Ватыль, В.Н. Авторитаризм развития как способ структурной адаптации к процессам глобализации / В.Н. Ватыль // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. – 2007. – № 3. – С. 115 – 118.

Т.Н. Боярчук

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, bertat@bk.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Развитие современного полиэтнического белорусского государства направлено на реализацию свободного существования этнонациональных культур. В настоящее время для Республики Беларусь характерна стабильность и бесконфликтность сосуществования представителей всех этногрупп, проживающих на нашей территории. Сохранению этой стабильности способствует государственная политика, направленная на поддержку и развитие национальных культур, что реализуется в формировании законодательной базы, которая направлена, прежде всего, на поддержку как национальных меньшинств, так и традиционных этнические групп населения Беларуси.

Важнейшей составляющей национальной политики Республики Беларусь является законодательное обеспечение соблюдения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам. Белорусское государство реализует демократические принципы национальной политики, которые нашли свое отражение в целом комплексе нормативно-правовых актов, так или иначе затрагивающих данный вопрос. К числу основных законов, регулирующих межнациональные отношения относятся Законы Республики Беларусь «*О национальных меньшинствах в Республике Беларусь», «О гражданстве»,* «*О свободе совести и религиозных организациях», «Об образовании в Республике Беларусь»* и «*О культуре в Республике Беларусь».*

В Республике Беларусь государство регулирует отношения между национальными, религиозными и другими общностями на основе принципов равенства всех перед законом, уважения их прав и интересов. Государство берет на себя ответственность за сохранение историко-культурного наследия, за свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в стране. Согласно Конституции Республики Беларусь, все граждане страны имеют равные права, в том числе и право на развитие национальных культур. Несомненно, Конституция и законодательство Республики Беларусь признают существование национальных общностей как составной части белорусского народа. В соответствии со ст. 14 Конституции «государство регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения их прав и интересов». Также статьей 15 предусмотрено, что «государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей, проживающих в Республике Беларусь».

В частности, Закон «О национальных меньшинствах» направлен на создание условий для свободного развития национальных меньшинств, а также на защиту их прав и законных интересов. Согласно данному закону каждый человек имеет право определения и сохранения своей национальной принадлежности, а также право пользоваться своим родным языком как в общении, так и в получении образования. Исторически сложившаяся этноконфессиональная и полинациональная ситуация в РБ способствует сохранению мирного сосуществования представителей различных этносов и конфессий. В настоящее время в РБ не отмечается конфликтов на этнической, национальной и конфессиональной почве. В чем несомненная заслуга проводимой государством национальной политикой, менталитетом людей, историческими традициями мирного межэтнического взаимодействия, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси.

Государственные структуры Республики Беларуси проводят последовательную политику обеспечения оптимальных условий для сохранения и развития языков и культур всех национальностей, представители которых проживают в Беларуси. Поэтому национальная политика Беларуси основана на понимании белорусского народа, прежде всего, как полиэтнического сообщества. Приоритет в деятельности государственных органов РБ (Уполномоченный по делам религий и национальностей, Отделы по делам религий и национальностей облисполкомов, Республиканский центр национальных культур) получают проекты, программы и мероприятия, имеющие межкультурный характер, направленные на осуществление и развитие межэтнического и межконфессионального диалога в РБ.

В Беларуси отсутствует межнациональная и межконфессиональная напряженность, которая могла бы привести к межэтническим и межрелигиозным конфликтам. Белорусское общество сохранило интернациональный характер, отвечающий тенденциям развития любого современного общества. Политика нашего государства направлена на сохранение и укрепление ситуации, гарантирующей социальную стабильность.

За последние 10 лет в Республике Беларусь сформировалась и эффективно функционирует государственная система работы с национально-культурными объединениями. Эта конституционно, юридически и экономически обоснованная система позволяет организовывать деятельность органов государственной власти для обеспечения свободного развития существующих в республике национальных общностей.

Функции контроля за соблюдением национального законодательства и прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, возложены на Государственный комитет по делам религий и национальностей Республики Беларусь, созданный в январе 1997 года, впоследствии преобразованный в ноябре 2001 года в Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров Республики Беларусь, а с мая 2006 г. – *Уполномоченный по делам религий и национальностей.* В структурах мини-

стерств культуры, образования, информации работают соответствующие специалисты, в обязанности которых входит оказание помощи национально-культурным объединениям республики. С 1994 года при Министерстве культуры Республики Беларусь действует *Республиканский центр национальных культур.* Благодаря функционированию данных структур проводятся культурно-массовые мероприятия воспитательного характера (семинары, фестивали, выставки, конференции по проблемам национальных культур), создаются культурно-просветительные центры в регионах, коллективы самодеятельного народного творчества. Так, самым крупным этнонациональным проектом в настоящее время является проведение Всебелорусских фестивалей национальных культур в г. Гродно.

Таким образом, стабильности развития и существования полиэтнического и поликонфессионального мира в Беларуси способствует государственная политика в сфере сохранения и развития национальных культур, посредством формирования законодательной базы, а также функционированию государственный структур, ответственный за реализацию данной сферы политики. При этом необходимо отметить, что позитивному характеру сосуществования в поликультурном пространстве Беларуси способствует менталитет белорусского народа, сложившиеся исторически межэтнические связи и отношения между представителями различных этногрупп, а также последовательная политика белорусского государства.

И.Н. Браим

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, kp@bseu.by

О МЕНТАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЭТНОСОВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

В 90-х годах минувшего столетия и в начале нынешнего века в связи с осмыслением процессов политической суверенизации Беларуси пристальное внимание ряда белорусских ученых, в том числе и политологов, привлекли проблемы этнической самоидентификации и менталитета белорусского этноса.

Для политологов проблема ментальности народа интересна, прежде всего, тем, что ее изучение и использование результатов исследования в политической практике позволяет не только рассмотреть политические процессы в их историческом аспекте, но и лучше понять проблемы нынешнего трансформационного периода в жизнедеятельности постсоветских республик, правильно определять экономическую, социальную и культурную политику, формировать взаимоотношения политических субъектов с учетом ментальных особенностей коренного этноса и этнических

групп, проживающих на территории страны. Пренебрежение в политике этническим фактором, как и игнорирование народных традиций, слепое копирование чужого опыта перехода от традиционного общества к постиндустриальному и информационному обществу народов с иной политической культурой потенциально содержит опасность дискредитации благих намерений реформаторов, снижения привлекательности экономических, социальных и политических инноваций.

В последнее время через призму национального менталитета в белорусском обществоведении делаются попытки определить или скорректировать ряд политико-культурных ценностей: сформулировать национальную идею, рассмотреть особенности патриотизма в Беларуси, возрождение традиционной культуры белорусского народа, развитие национального самосознания.

Особенности менталитета того или иного народа определяются целым рядом факторов: экономическими, социальными, политическими (внутренними и внешними), культурными, идеологическими, религиозными, биологическими, демографическими. Под воздействием этих детерминант в транзитных обществах формируется менталитет различных общественных групп. В частности, богатых и бедных, интеллигенции, рабочих, крестьян, буржуа, маргиналов, общностей с гражданской и этатистской политическими культурами, политических объединений с либеральной, консервативной, социал-демократической и коммунистической идеологическими ориентациями; сообществ, исповедующих различные религии.

Трудности исследования менталитета связаны с противоречивостью поведения людей, в наличии в этом поведении рациональных и иррациональных поступков, устойчивых и ситуативных умонастроений и действий.

В связи с переживаемым белорусским обществом трансформационным периодом хочется обратить внимание на морально-этический аспект феномена «менталитет». Именно через отношение к моральным принципам и нравственное поведение проявляется умонастроение и мировосприятие социумов. В частности, менталитет с этической токи зрения характеризуется тем, как люди относятся к другим людям, этносам, нациям, расам, к таким нравственным категориям как гуманизм, коллективизм, индивидуализм и т.п.; к моральным ценностям: свободе, справедливости, достоинству, чести и т.д. В сфере политики менталитет через этические нормы во многом определяет особенности отношения граждан к властным институтам и политическим решениям.

Надо заметить, что в освещении результатов исследований таких эмоционально уязвимых явлений как менталитет или национальный характер актуализируется проблема политкорректности. Особенно это касается обобщенных характеристик негативных сторон в мировосприятии и поведении тех или иных этнических общностей. Некорректность замечаний исследователей, особенно иной этнической принадлежности, может привести к национальным обидам и вызвать конфликтную ситуацию. Ду-

мается, что в методологическом, политическом и этическом подходах к освещению менталитета того или иного народа необходимо принимать во внимание следующее:

1. Иметь в виду то, что в менталитете каждого социума, в том числе и национального, есть позитивные и негативные черты. Речь может идти о количественном проявлении тех или иных качеств.

2. Сравнительные характеристики мировосприятия и поведения должно опираться на серьезную фактологическую базу. Особую ценность имеют данные социологических исследований, позволяющие осуществлять количественные замеры проявления ментальных черт. При невозможности осуществления количественных замеров в сравнительных исследованиях целесообразно и более этично использовать в первую очередь данные и оценки исследователей, представителей тех общностей, с которыми осуществляются сравнения.

3. Характеристика ментальности той или иной общности не обязательно должна предполагать сравнения с менталитетом других общностей. Ее можно делать и без сравнительного анализа.

4. Признавать определенную условность результатов исследования менталитета, в виду того, что во всякой общности есть люди с неодинаковым мировосприятием и поведением. Тем более что умонастроение и поведение людей изменчиво и может приобретать в определенных условиях различный, в том числе и иррациональный характер.

В.И. Бурдяк

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича, г. Черновцы, Vira_Burdjak@rambler.ru

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Республике Беларусь трансформация власти началась во второй половине 1991 г. и завершилась избранием президента в июне 1994 г. Это был период борьбы за власть и выбор типа власти. После ГКЧП, большинство депутатов Верховного Совета (ВС) Беларуси решили, под давлением оппозиции, приостановить деятельность компартии Беларуси и конфисковать ее имущество. Решение в корне изменило политическую ситуацию в стране и вызвало крах предыдущей системы государственного управления. Оно было нарушено и по вертикали, и по горизонтали. Русский ученый Е.Ю. Соловьев писал в 1992 г., что никто не предусмотрел государственно-административных последствий запрещения деятельности КПСС. «В стране, где все управленческие структуры приводились в движение не материальным интересом и даже не чиновническим корыстолюбием, а

страхом, перед партийным взысканием, дискредитация, упадок сил, а впоследствии запрещение правящей партии должны привести к полной деструкции власти. Сегодня все выглядит так, будто из политического тела выдернули нервную систему. Есть головной мозг, есть спинной мозг, есть живот и конечности, а никакие сигналы (ни указы сверху, ни слезные жалобы снизу) никуда не поступают» [1, с. 31].

Подобная ситуация сложилась и в украинском, и в белорусском обществах, и поэтому выбор формы правления и обустройства государственной власти был особенно актуальным. В Украине, Беларуси, как и во всех других постсоциалистических странах остро дискутировался один вопрос: парламентская или президентская форма правления? В то время ВС Беларуси имел всю полноту полномочий. Глава государства – Глава Верховного Совета Беларуси – был избран высшим законодательным органом страны. Правительство было подотчетным ВС. Этим и объясняется факт, что такая форма правления считалась наиболее оптимальной для Беларуси. О преимуществах парламентской формы правления свидетельствовал длительный опыт развитых стран Запада и изменения в странах ЦСЕ, который свидетельствовал, что в результате всенародных выборов в парламент, граждане сразу решали вопрос о составе и направлении деятельности и парламента, и правительства. «Такой путь формирования правительства, определяющий его подотчетность парламенту, является более демократическим, хоть определенным образом и ограничивает независимость исполнительной власти» [2, с. 28].

Другая часть белорусского общества считала, что в начале 90-х гг. переход к парламентской форме правления – заблаговременный. В частности, В.А. Мельник утверждал, что «невзирая на бесспорные преимущества и внешнюю привлекательность парламентской республики прямое перенесение ее механизмов в общество, которое еще не стало гражданским, еще не имело стойких традиций партийной жизни и еще находилось в состоянии затяжного кризиса, могло завершиться его полной дезорганизацией» [3, с. 229]. По примеру России, на постсоветском пространстве стала внедряться президентская форма правления. ВС Республики Беларусь дважды в 1993 г. голосовал за введение должности президента, чтобы изменить ситуацию двоевластия, снять массовое недовольство людей, поднять рейтинг власти в обществе [4, с. 45].

В СМИ и на митингах в 1990 г. в Беларуси остро критиковались высшие властные структуры, партийное руководство. Оценки гражданами власти указывали на значительную потерю доверия народа. В.Г. Тихиня писал, что «общество сегодня болеет. Мы близки к правовой безграничности. Как ржавчина разъедает металл, так неуважение к закону разрушает общество. Выходит парадоксальная ситуация: есть в большом количестве законы, но нет надлежащей законности. Если проанализировать анатомию правовой безграничности, то я бы отметил следующее. В первую очередь, кризис экономики и падение морали. Дальше – слабая исполнительная

власть. В связи с этим введение должности президента – средство и, по моему мнению, достаточно эффективное, усиление этой власти. В конце концов, попытка» [5, с. 102].

Общество и отдельные его социальные слои по-разному восприняли предложение политиков и ученых ввести президентскую форму правления. Лидеры всех партий считали, что все будет зависеть от кандидатуры президента, но в БСПС считали, что этот шаг обязательно вызовет конфронтацию и требования ликвидации президентства [4, с. 47]. В 1992 г. в общественном мнении Беларуси наметился позитивный подход к восприятию президентской формы правления. Логическим завершением процесса обсуждения и выбора формы правления стал переход к президентской республике. Законодательно оформила и внедрила институт политической системы – президентскую форму правления Новая Конституция Республики Беларусь, принятая ВС 15 марта 1994 г. [6, с. 24]. Впервые в ней было сформулировано положение о трех ветвях власти и разделении их полномочий (ст. 6), что радикально изменило всю систему властных отношений. Хотя на практике этого добиться тяжело. Парламентская форма правления в Беларуси не сложилась. В июле 2004 г. в докладе «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» Президент А.Г. Лукашенко официально заявил, что страна – «суверенная, процветающая, демократическая по своим, а не чужим рецептам» [7, с. 15]. Объяснение своеобразия модели народовластия особенно актуально в эпоху демократии.

Для госаппаратов эпохи глобального капитализма стабильность и безопасность – базовая идеологическая ценность. М. Фуко пишет, что «общества безопасности, складывающиеся сейчас, терпимо относятся к целому ряду разновидностей поведения, в пределах, отклоняющихся от нормы и даже антагонистичных друг другу; правда, при условии, что такое поведение оказывается «защищенной оболочкой», не допускающей таких людей и формы поведения, которые считаются неподконтрольными и опасными. И отделить такие «опасные случаи» – дело власти. Но в этой оболочке есть свобода маневра и некоторый плюрализм, к которому относятся со значительно большей терпимостью, чем при тоталитаризме. Это более ловкая и хитрая власть, чем власть тоталитаризма» [8, с. 48]. А. Горных пишет, что Беларусь – молодое, еще необразованное, в любом понимании, государство Стабильности. Специфика власти в том, что «непроницаемая оболочка», по словам М. Фуко, создается из ультрасовременных материалов – «масс-медийная оболочка надежно отделяет «инакомыслящих» от всего общества» [9, с. 66].

Список литературы

1. Россия и Запад: взаимодействие культур (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 1996. – № 6.

2. Василевич, Г.А. Проблемы создания сильной законодательной власти / Г.А. Василевич // Проблемы формирования правового государства в Беларуси: сб. науч. тр. – Минск, 1994.
3. Мельник, В.А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология / В.А. Мельник. – Минск, 1998.
4. Основы идеологии белорусского государства: учебное пособие для вузов / под общ. ред. С.Н. Князева, С.В. Решетникова. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004.
5. Тихиня, В.Г. Тернистый путь к правовому государству / В.Г. Тихиня. – Минск: Право и экономика, 1995.
6. Беларусь сценарии реформ. Европейский выбор для Беларуси / под науч. ред. Р. Вайниене [и др.]. – Варшава: Фонд им. Стефана Батория, 2003.
7. Фурс, В. «Власть народа»: современные представления о демократии и Белорусская модель «народовластия» / В. Фурс // Топос. – 2006. – № 2. – С. 15 – 24.
8. Фуко, М. Интеллектуалы и власть / М. Фуко. – М., 2006. – Ч. 3. Статьи и интервью 1970 – 1984.
9. Горных, А. Вечное возвращение по-белорусски / А. Горных // Топос. – 2006. – № 2. – С. 55 – 69.

О.Г. Буховец

Белорусский государственный экономический университет, г. Минск, kp@bseu.by

ДОСТИЖЕНИЯ И ТУПИКИ СОВЕТСКОГО ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Модернизация как многомерный процесс преобразования традиционных (т.е. основанных на аграрной экономике, с преобладанием сельского, в большинстве неграмотного или малограмотного населения) обществ в современные началась в Российской империи на несколько десятилетий позже, нежели в соседних странах западной цивилизации – Германии и даже Австро-Венгрии. Основные модернизационные инструменты – индустриализация, урбанизация, культурная революция и демографический переход – в ускоренном режиме в России начали, за исключением демографического перехода, действовать в конце XIX – начале XX вв. Однако, с другой стороны, из-за низкого стартового уровня «домашние задания» по экономическому, социальному, культурному развитию огромной страны на XX век объективно оставались заданиями повышенной сложности еще даже накануне Первой мировой войны и последовавших затем великих потрясений. Так, в частности, несмотря на высокую динамику индустриального развития, в 1913 г. на промышленность приходилось ещё только

27 % ВНП, тогда как на сельское хозяйство – 51 %. Слишком невысокими оказались и темпы урбанизации: вследствие этого доля городского населения к 1913 г. достигла лишь 15 %.

Противоречивым был и ход культурной модернизации. При всём том, что в первые десятилетия XX в. государство прилагало большие усилия для развития народного образования, в том же 1913 г. удельный вес грамотных поднялся только лишь до 54 % среди мужчин и всего-навсего до 26 % – у женщин. При этом функциональная грамотность была ещё гораздо ниже.

Поскольку демографический переход «арьергардный» фактор модернизации (производный от действия трех вышеуказанных), то в этом плане значительные системные изменения, конечно, были еще впереди. Ведь попрежнему жизнь значительной части населения (особенно сельского) продолжала протекать в рамках патриархальных составных (расширенных) семей. Они представляли собой, по сути, маленькие «абсолютистские государства», в которых женщины и дети были социально неполноценным, дискриминируемым большинством.

Взяв в 1917 г. власть и отстояв её в ходе Гражданской войны, большевики, волей-неволей, получили в качестве «эстафетной палочки» и «домашние задания» XX века по преобразованию традиционного общества в современное посредством индустриализации, урбанизации, культурной революции и демографического перехода. Да ещё и в чрезвычайно отягощённом семью годами военного и революционного лихолетья варианте.

Для выполнения их советскому государству объективно необходимо было выработать особую модель «догоняющей», ускоренной модернизации. Согласно исследованиям российских учёных А. Вишневского, Б. Миронова и др., сутью советского варианта модернизации являлось обеспечение технологического и материального прогресса страны на основе воссозданных большевистским режимом социальных институтов традиционного общества, прежде всего общинных. Особенно много проявлений общинного социального строя специалисты находят в сталинской эпохе. При том, что именно к этому времени русская православная цивилизация была окончательно оттеснена коммунистической диктатурой далеко на обочину всех сфер социальной жизни и превратилась в *субцивилизацию*.

Но отсюда и выраженная противоречивость результатов стремительной по историческим меркам советской модернизации. С одной стороны, она, сделав СССР страной по преимуществу городской, оказалась способной не только воспринять, но отчасти даже развить многие инструментальные достижения западных обществ – современные технологии, внешние формы жизни, науку, образование и пр. Наряду с этим, советская модель обеспечила также секуляризацию массового сознания, рациональную мотивацию поведения, поразительно высокую социальную мобильность, демографическую революцию и становление современного типа малой демократической семьи. Эти явления советской модели модернизации и привели некоторых очень крупных запад-

ных учёных (Р. Арон, Ф. Бродель, Дж.К. Гэлбрейт) в конце 1960-х годов к выводам, согласно которым советский и западный миры «представляют собой единую реальность – индустриальную цивилизацию». И что конвергенция между советской и западной индустриальными системами «идёт по всем основным направлениям».

Особенным образом эта вторая сторона советской модернизации дала знать о себе уже в послесталинскую эпоху. В условиях внутрисистемной «демократизации» и либерализации духовной жизни в СССР 1950-х – 1960-х гг. стало обнаруживать себя противоречие между общинно-патерналистскими социальными институтами советского государства и появившимся в результате модернизации грамотным человеком с секуляризованным сознанием, рациональным мышлением и поведением. Превращение же такого человека в массовый тип предопределило в последующем, в 1960-е – 1970-е гг. последовательную переориентацию большинства населения страны на ценности городской, в преобладающем индивидуалистической культуры.

Однако, с другой стороны, данная модель модернизации не сумела создать адекватные социальные механизмы ни для саморазвития экономики, ни для обеспечения необходимой гибкости социальной структуры, ни для функционирования институтов гражданского общества и политической демократии.

В 1970-ые – первой половине 1980-х гг. проявляется последовательное обострение указанных противоречий. Во-первых, процесс возвышения потребностей в тогдашнем советском урбанизированном социуме происходил в условиях «затухающей» динамики экономического, социального, политического развития. Во-вторых, тогда же происходит массовизация критических и негативистских установок и стереотипов в отношении институтов и персоналий власти, «геронтократии», «социалистической демократии», казённой идеологии и культуры. В-третьих, «информационные окна», появившиеся в условиях мирного сосуществования и разрядки, и позволившие населению советской страны «заглянуть» в мир за «железным занавесом», обеспечили наибольший демонстрационный эффект от его созерцания именно в 1970-е – 1980-е гг.

Перестройка, системный кризис и развал СССР, слом основных несущих опор «советской цивилизации» создали принципиально новые рамочные условия для формирования постсоветского массового сознания и культуры. Теперь уже советская цивилизация, которая господствовала в СССР и во втором мире большую часть XX века, превратилась в *субцивилизацию*. В наследовавших СССР новых независимых государствах в этот период происходит «посттоталитарная атомизация», которая выражается в разрушении, либо существенном ослаблении старых социальных, этнонациональных, социокультурных связей и идентификаций. Это дало сильные импульсы для дальнейшей индивидуализации сознания. Выступая в элементарных («классических») своих формах, она, сле-

дует подчеркнуть, привела к беспрецедентному ослаблению в постсоветских социумах межличностных связей, атрофии групповых структур и к далеко зашедшей дискредитации в массовом сознании каких бы то ни было общественных начал.

Современные постсоветские общества отличает острый кризис системы ценностей, потеря моральных ориентиров не только отдельными личностями, но и значительными социальными группами в целом. Это состояние общественно-гуманитарной наукой, начиная еще с Э. Дюркгейма, определяется как *аномия.* Ею поражены все постсоветские страны, однако *далеко не в одинаковой степени*...

В.А. Вархотова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, veralexa@gmail.com

ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИДЕИ ВЕЧНОГО МИРА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЫ XVI – XIX вв.

Проблема прекращения войн и поиска основ мира была и остается одной из актуальнейших проблем человечества. На протяжении столетий гуманисты призывали политиков прекратить кровопролития, предлагая свои проекты по установлению всеобщего вечного мира.

Их творчество привело к появлению в истории социально-политической мысли своеобразной «мирной традиции». За много веков своего существования идея мира в трудах мыслителей разных эпох эволюционировала, приобретая новые черты и содержание, отражающие культурные, исторические, политические особенности того или иного периода. Создание каждой концепции обуславливалось внешними и внутренними факторами. К первым относятся прежде всего напряженная во все времена международная обстановка, исторический контекст той или иной эпохи. Ко вторым – оригинальность и новизна содержания каждого отдельно взятого проекта, благодаря которым такой проект выделяется из потока подобных. Возникавшие в разное время проекты мира вбирали в себя наработки предшествующих поколений гуманистов и оказывали воздействие на последующее развитие идеи мира, изучение которого проясняет и общую эволюцию культуры общества.

Использование историко-политологического подхода позволяет выделить ряд этапов в развитии идеи мира в истории социально-политической мысли.

Зарождение идеи всеобщего вечного мира произошло в политических учениях эпохи Возрождения, чему способствовал ряд факторов: с од-

ной стороны, территориальные переделы и масштабные кровопролития, сопровождавшие процесс образования централизованных государств и формирования международной политической системы, с другой – становление новой гуманистической философии, для которой были характерны обращение от общих проблем бытия и познания к человеку как таковому, его внутреннему миру, утверждение ценности и уникальности человеческой жизни. Необходимо отметить, что гуманисты, выступая с требованиями всеобщего мира, в основном связывали возможности его установления с доброй моральной природой человека, но не предлагали практических механизмов прекращения войн.

По мере того как более светским и рационалистическим становилось сознание европейцев, место религии занимала наука, оформлялась международная политическая система, идея мира в XVII в. изменяла свое содержание и приобретала новые характерные черты. Теперь установление мира между людьми заключалось не только в моральной природе последних, а сводилось к разработке конкретных инструментов – договора между государствами и организации арбитражного суда для политического, а не силового решения конфликтов.

В XVIII в. дальнейшая эволюция идеи мира была связана с детальной разработкой механизмов установления последнего, уже обозначенных мыслителями предыдущего столетия. Европейские просветители обращались к разуму, логике, экономической выгоде, обосновывая необходимость и возможность установления мира. Особое место в ряду проектов мира этого периода времени занимает трактат «К вечному миру» И. Канта. Немецкий мыслитель разработал целостную систему аргументов, условий и гарантов установления мира, предложил оригинальную идею международной федерации народов (в отличие от некой надгосударственной структуры, как то предлагалось ранее), а его «прелиминарные статьи вечного мира между государствами» оказали влияние на формирование современных международных политических отношений. В целом, проекты мыслителей эпохи Просвещения составили рационально-правовую концепцию мира, поскольку возможность последнего связывали с урегулированием международных отношений на основе подчинения государств нормам права, вырабатываемым международным судом, а в обоснование его необходимости приводили доводы рационального, а не морального порядка.

Идея мира в политических учениях XIX в. отразила специфику эпохи промышленной революции и ее реалий. Можно говорить о формировании «экономической» концепции мира, сторонники которой (А. Сен-Симон, Ш. Фурье) связывали необходимость прекращения войн с тем, что только мир является оптимальным условием для развития промышленности, торговли и экономики всех стран, для материального и духовного развития человека, для социального прогресса. Основу всеоб-

щего мира социалисты-утописты находили в организации производства и распределения в интересах всего общества, а не отдельных индивидов и групп, во всеобщем сотрудничестве. Таким образом, в развитии идеи мира сформировалась новая тенденция, поскольку мыслители «уходили» от разработки инструментов мира и обращались к разработке принципов преобразования социально-экономических отношений как основе всеобщего мира.

Наконец, во второй половине XIX в. многочисленные концепции мира, разработанные гуманистами многих поколений, нашли свое отражение и реализацию в программных документах общественных движений за мир. Сформированием пацифистского движения идея мира вышла за рамки умозрительных теорий и стала частью политической жизни общества, завершив свое развитие по пути приобретения все более практического содержания. И хотя общественные организации и движения за мир не имели полномочий принимать решения об образовании «международного суда», создании «Соединенных Штатов Европы» и т.п., тем не менее, они оказали влияние на создание таких политических организаций, как Лига Наций, ООН, определив дальнейший – практический – вектор развития идеи мира.

Таким образом, использование историко-политологического подхода при изучении идеи мира позволяет, во-первых, выделить ряд этапов ее эволюции, особенности каждого из которых обусловлены социально-политическим и культурным контекстами эпохи. Во-вторых, анализируя трактаты о мире, создаваемые в разные периоды истории, можно выявить определенную преемственность «мирной традиции». Так, идея договора как способа решения спорных вопросов, впервые высказанная английским мыслителями Т. Гоббсом и Дж. Локком, до логического завершения была доведена И. Кантом в его концепции о всемирной федерации народов, основанной на добровольном разумном естественном заключении договора между государствами. Идея о том, что для установления межгосударственного мира необходима демократизация внутри каждого государства была впервые высказана Ж. – Ж. Руссо, а переосмыслена в XIX в. участниками общественной Лиги за мир и свободу. Наконец, можно выделить определенный вектор эволюции идеи мира в истории политической мысли Европы XVI-XIX вв., зафиксировать нарастание ее практической значимости на протяжении нескольких столетий: от гуманистических призывов к миру до политических проектов, от философских трактатов до программных документов международных миротворческих организаций, от разработки механизмов реализации мира до разработки принципов изменения социально-экономических отношений. Таким образом, идея мира, пройдя многовековое развитие, из сферы духовной культуры преломилась в область общественной деятельности и политической практики.

В.А. Вархотова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, veralexa@gmail.com

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ИДЕИ ВЕЧНОГО МИРА В ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ЕВРОПЫ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

В политической мысли Европы одной из самых актуальных тем на протяжении веков оставалась проблема поиска основ вечного мира. Творчество гуманистов разных эпох, посвященное разработке проектов по установлению мира, привело к формированию в истории социально-политической мысли своеобразной «мирной традиции».

Использование историко-политологического подхода позволяет выделить ряд этапов и тенденций в развитии идеи мира в истории социально-политической мысли.

Зарождение идеи всеобщего вечного мира произошло в политических учениях эпохи Возрождения. Этому способствовали, с одной стороны, войны, сопровождавшие процесс образования централизованных государств и формирования международной политической системы, с другой – становление новой гуманистической философии, для которой были характерны обращение от общих проблем бытия и познания к человеку как таковому, его внутреннему миру, утверждение ценности и уникальности человеческой жизни. Необходимо отметить, что гуманисты, выступая с требованиями всеобщего мира, в основном связывали возможности его установления с доброй моральной природой человека, но не предлагали практических механизмов прекращения войн.

По мере того как более светским и рационалистическим становилось сознание европейцев, место религии занимала наука, оформлялась международная политическая система, идея мира в XVII в. изменяла свое содержание и приобретала новые характерные черты. Теперь установление мира между людьми связывалось не только с моральной природой последних, но и с разработкой конкретных инструментов – договора между государствами и организации арбитражного суда для политического, а не силового решения конфликтов.

В эпоху Просвещения дальнейшая эволюция идеи мира характеризовалась подробной разработкой механизмов установления и поддержания мира. Европейские мыслители обращались к разуму, логике, экономической выгоде, обосновывая необходимость и возможность установления мира. Особое место в ряду проектов мира этого периода времени занимает трактат «К вечному миру» И. Канта. В целом, предложения и разработки мыслителей эпохи Просвещения составили рационально-правовую концепцию мира, поскольку возможность последнего связывали с урегулированием меж-

дународных отношений на основе подчинения государств нормам права, вырабатываемым международным судом, а в обоснование его необходимости приводили доводы рационального, а не морального порядка.

Идея мира в политических учениях XIX в. отразила специфику эпохи промышленной революции. Можно говорить о формировании «экономической» концепции мира, сторонники которой (А. Сен-Симон, Ш. Фурье) связывали необходимость прекращения войн с тем, что только мир является оптимальным условием для развития промышленности, торговли и экономики всех стран, для материального и духовного развития человека, для социального прогресса. Основу всеобщего мира социалисты-утописты находили в организации производства и распределения в интересах всего общества, а не отдельных индивидов и групп, во всеобщем сотрудничестве. Таким образом, в развитии идеи мира сформировалась новая тенденция, поскольку мыслители «уходили» от разработки инструментов мира и обращались к разработке принципов преобразования социально-экономических отношений как основе всеобщего мира.

Во второй половине XIX в. развитии идеи мира обозначилось очередное направление. Многочисленные теории об установлении всеобщего вечного мира, разработанные гуманистами многих поколений, нашли свое отражение и реализацию в программах общественных движений за мир. В частности, в программе Женевской Лиги за мир и свободу (1867) использовались идеи просветителей о демократизации общества как основе мира, о создании Конгресса с функциями международного арбитра. Таким образом, с формированием пацифистского движения идея мира вышла за рамки умозрительных проектов и стала частью политической жизни общества, завершив свое развитие по пути приобретения все более практического содержания. И хотя общественные организации и движения за мир не имели полномочий принимать решения об образовании «международного суда», создании «Соединенных Штатов Европы» и т.п., тем не менее, они оказали влияние на создание таких политических организаций, как Лига Наций, ООН, определив дальнейший – практический – вектор развития идеи мира.

Таким образом, изучение идеи мира в творчестве европейских мыслителей XVI-XIX вв., во-первых, позволяет выделить ряд этапов ее эволюции, особенности каждого из которых обусловлены социально-политическим и культурным контекстами эпохи. Во-вторых, анализируя трактаты о мире, создаваемые в разные периоды истории, можно выявить определенную преемственность «мирной традиции». Так, идея договора как способа решения спорных вопросов, впервые высказанная английским мыслителями Т. Гоббсом и Дж. Локком, до логического завершения была доведена И. Кантом в его концепции всемирной федерации народов, основанной на добровольном разумном естественном заключении договора между государствами. Идея о том, что для установления межгосударственного мира необходима демократизация внутри каждого государства была

впервые высказана Ж.-Ж. Руссо, а переосмыслена в XIX в. участниками общественной Лиги за мир и свободу. Наконец, можно выделить определенный вектор эволюции идеи мира в истории политической мысли Европы XVI – XIX вв., зафиксировать нарастание ее практической значимости на протяжении нескольких столетий: от гуманистических призывов к миру до политических проектов, от философских трактатов до программных документов международных миротворческих организаций, от разработки механизмов реализации мира до разработки принципов изменения социально-экономических отношений. Таким образом, идея мира, пройдя многовековое развитие, из сферы духовной культуры преломилась в область общественной деятельности и политической практики.

Список литературы

1. Сен-Пьер, Ш. И. Избранные места из проекта вечного мира / И.Ш. Сен-Пьер // Трактаты о вечном мире. – М., 1963.
2. Камаровский, Л.А. Успехи идеи мира / Л.А. Камаровский. – М., 1898.
3. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Трактаты о вечном мире. – М., 1963.
4. Купер, С. Деятельность европейских обществ мира (1815 – 1871) / С. Купер // Пацифизм в истории. Идеи и движения мира. – М., 2000.
5. Пенн, У. Опыт о настоящем и будущем мире в Европе / У. Пенн // Трактаты о вечном мире. – М., 1963.
6. Роттердамский, Э. Жалоба мира / Э. Роттердамский // Трактаты о вечном мире. – М., 1963.
7. Руссо, Ж.-Ж. Суждение о вечном мире / Ж.-Ж. Руссо // Трактаты о вечном мире. – М., 1963.
8. Carr, E.N. The League of Peace and Freedom / E.N. Carr // International Affairs. – 1935. – Vol. 14. – № 6.
9. Peace projects of the 18 century. – N.-Y. – L., 1973.

В.Н. Ватыль

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, v.vatyl@grsu.by

ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНФИГУРАЦИИ И ПРОЕКЦИИ

На постсоветском пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних стра-

нах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в, других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления. Различия настолько велики и беспрецедентны, что перед современным политологическим сообществом встает задача существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии.

Опыт политических трансформаций «третьей волны» отчетливо продемонстрировал, что институциональная стабилизация и режимная консолидация per se далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии. Более того, в подавляющей части «случаев» они означают прежде всего стабилизацию наличного властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся системы властных отношений, функционирования и распределения власти. В свою очередь, это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического актора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учетом имеющихся у власти административных и иных ресурсов минимизируют (как бы «в пику» формуле А. Пшеворского) неопределенность результатов осуществления формальных процедур. При этом такой режим отличает относительно слабая институализация процедуры либо нарушаются, либо оказываются фасадом «реальных» и неинституализированных властных отношений.

Поднятые проблемы режимной консолидации заставляют задуматься и о том, правы ли мы, рассуждая, в частности, о траекториях посткоммунистических трансформаций в терминах «переходности», особенно спустя полтора десятка лет после начала собственно «транзита». Куда, допустим, сегодня «переходят» Туркменистан и Белоруссия, Таджикистан и Казахстан или та же Россия? Не случайно в аналитическом лексиконе появился целый набор понятий, пытающихся отразить не «переходную», а «ставшую» природу нынешнего политического режима России, – «управляемый плюрализм» (Х. Бальзер), «электоральный (А. Шедлер), «конкурентный» (Д. Кольер и С. Левитски) и «бюрократический» (Л. Шевцова) авторитаризм, «моноцентризм» (И. Бунин) и др.

Очевидно, что эти страны уже «перешли» туда, куда в западных условиях и с учетом конкретных обстоятельств могли «перейти», Система власти в них (при том, что она недостаточно институализирована) вполне отстроена и обеспечивает достаточно стабильное самовоспроизводство; оппозиция, если не элиминирована, то не выступает в качестве влиятельного политического фактора: гражданское общество недоразвито; право функционально по отношению к самому режиму; неопределенность результатов использования демократических процедур, прежде всего электоральных, сведена к минимуму. Причем это отнюдь не означает заверше-

ния и прекращения реформ. Нет, те или иные внутрисистемные реформы могут продолжаться, но они принципиально ограничены существующими режимными рамками.

Если логика (и подтверждающая их фактура) наших рассуждений верна, применительно к результатам и итогам «третьей волны» мы имеем дело не с «переходными», а с вполне консолидированными политическими режимами нового типа, которые никак не вписываются в логику «растянутой демократизации». Просто вектор их политического развития оказался не совсем таким (а точнее совсем не таким), как предполагалось в линейной «транзитологической парадигме». Поэтому, с аналитической точки зрения, сейчас гораздо продуктивнее не рассуждать о возможностях их дальнейшего «перехода к демократии», а разобраться в особенностях уже произошедших режимных изменений. Примерно об этом и говорят С. Левитски и Л. Уэй, когда предлагают «прекратить думать об этих случаях в терминах перехода к демократии и начать размышлять о специфических режимных типах, которыми они и являются». М. Оттауэй объединяет эти режимные разновидности под рубрикой «полуавторитаризма», который он понимает как тщательно выстроенные поддерживаемые альтернативные системы, а не как неудавшиеся демократии или демократии в состоянии транзита.

В данной связи возникает серьезная проблема переделов и ресурсов институционального строительства «новых демократий». По мнению многих аналитиков, возникновение политических «гибридов» и неоавторитарных режимных разновидностей было в значительной мере обусловлено слабостью институционального дизайна и недостатками конкретного институционального строительства.

Практика демократических транзитов «третьей волны» показывает, что формальная «инаугурация» демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур «электоральной демократии», отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент «электоральной демократии» как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты «глобальной демократизации», но совершенно иной политический феномен – а именно, трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией «новой автократии».

Основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления. Тот факт, что транзит зачастую означает не «векторный» переход к либеральной демократии, а трансформацию недемократических режимов одного типа в не- (нео) демократические же режимы иных разновидностей, не просто взрывает ли-

нейную логику, но ставит перед нами сложнейшую исследовательскую задачу разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

Н.В.Ватыль
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, vatel-n@yandex.ru

ПОНЯТИЕ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ В УЧЕНИИ И.А. ИЛЬИНА

Современная политология подчеркивает особую роль элит в политической жизни государства и общества. Практика показывает, что на сегодняшний день политическая элита ни сколько не утратила своего значения в процессе принятия стратегически важных решений, выборе политического курса и формирования государственной политики в целом. Анализируя понятие политической элиты, мы обращаемся к предшествующим историческим трактовкам этого феномена, в том числе и к пониманию элиты русским политическим мыслителем философом, правоведом И.А. Ильиным (1883-1954 гг.). Сразу обозначим, что научное творчество Ильина пришлось на период, когда еще только разрабатывалась систематизированная теория элиты с соответствующим понятийным аппаратом [1, с. 10]. Поэтому сам термин «элита» встречается в текстах редко; синонимом этого термина у него выступают слова «лучшие люди» [2, с. 128], «ведущий слой» [2, с. 210], «правящее меньшинство» [3, с. 54].

Ильин в интерпретации сущности феномена элиты был близок к итальянскому социологу В. Паретто, впервые употребившему термин «элита» для обозначения группы людей, занимающих высокой положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества, полученного в силу обладания незаурядными способностями [4, с. 51]. Ильину также близка ценностная концепция испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета, полагавшего, что вхождение в элиту есть свидетельство особой личной одаренности, избранности [см. 5, с. 130]. Элита, по Ильину, это люди, национально чувствующие, государственно мыслящие, волевые, идейно творческие, несущие народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения [2, с. 210]. Мыслитель подходит к определению понятия «элита» комплексно, включая в него непосредственно политическую, принимающую наиболее важные для государства, стратегические решения, и политико-административную, осуществляющую цели и функции государства посредством исполнения обязанностей и полномочий по государственной должности, опре-

деленной в конкретном государственном органе [6, с. 364]. Ильин причислял к элите и высших должностных лиц государства, и центральных чиновников, и лидеров политических партий. Особое внимание по совокупности признаков и принципов формирования и функционирования в трудах мыслителя уделялось политико-административной элите. Это было связанно с особенностями той конкретно-исторической ситуации, в которой представители элиты должны иметь нравственное, духовное и интеллектуальное преимущество перед остальной массой народа, а также обладать наивысшим чувством ответственности за возложенную и исполняемую политическую роль в обществе. Это выражается в высоком уровне образованности, опыте управленческой деятельности, полученном вне политической сферы, развитых организаторских способностях, умении объединять людей для достижения общей цели, высокой работоспособности, целеустремленности, умении нестандартно мыслить, быстро принимать решения в нештатных ситуациях. Высоким профессиональным качествам должен соответствовать высокий духовный уровень. Представители элиты должны быть преданны национальной идее, должны честно исполнять возложенные на них обязанности, в своих действия руководствоваться интересами всех граждан, а не отдельных классов или корпораций. Помимо выявления сущностных признаков политико-административной элиты Ильин особо акцентировал внимание на принципах ее формирования и функционирования:

Открытость элиты. Элиты не должна представлять замкнутое сообщество, получить доступ в которое можно только при наличии родственных, личных связей, протектората, принадлежности к классу, крупным финансовым ресурсам. Исторический опыт показывает, что закрытая элита, которая формируется из представителей узкого привилегированного слоя, воспроизводится на своей собственной ограниченной базе, неминуемо деградирует [см. 1, с. 467]. «По своему составу она (элита) есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных» [2, с. 215]. И в то же время Ильин понимал этот термин не упрощенно. Обновление элиты происходит за счет допуска к власти лучших представителей из разных социальных слоев. «Государственная власть должна осуществляться лучшими людьми» [7, с. 286].

Ответственность элиты. Приступая к государственному управлению, представитель элиты должен воспринимать это не как получение новых привилегий, а как работу, связанную с высокой (в том числе и личной) ответственностью, «несением трудной и ответственной обязанности» [2, с. 216].

Публичность элиты. Деятельность элиты не должна носить скрытый характер, ее представители должны быть известны широкой общественности. Их действия не должны выходить за пределы их компетенции, чтобы не допустить произвол.

Легальность элиты. Элита формируется и действует только на основе норм права.

Достойный уровень оплаты. Государственные служащие должны получать жалование, соответствующее их квалификации и уровню сложности выполняемой ими работы.

Выполняя функции управления, интеграции и контроля, политико-административная элита организует граждан в пределах общего интереса на основе установленного права и создает условия для их собственного творчества. Но прежде, чем организовать граждан, элита сама должна иметь хорошую организацию, иметь единую систему ценностей, согласованную программу и единую цель. Ильин категорически отрицал всякое соперничество и конкуренцию в сфере государственного управления. «Государственная власть в пределах каждого политического союза должна быть едина» [7, с. 296]. Представители элиты не могут выражать интересы конкретной политической партии, государственного органа либо привилегированного меньшинства. Осуществляя функции государственного управления, представители элиты должны руководствоваться только одним интересом – интересом граждан данного государства.

Таким образом, анализ текстов И.А. Ильина показывает, что понятие политико-административной элиты имеет ярко выраженный нормативно-ценностный характер. При этом следует заметить, что позиция мыслителя, устанавливающая высокие нормы элите, не имеет прямых связей с политической действительностью. Современные исследования и исторический опыт показывают, что представители элиты зачастую циничны, корыстолюбивы и некомпетентны в своей деятельности. Аксиологический подход Ильина является наиболее уязвимым местом его трактовки элиты, устанавливающим нормы, которые трудно применить в их непосредственном виде к реальной элитной персоне лил группе. Сам мыслитель прекрасно видел и осозновал все недостатки, присущие современной ему элите. Поэтому одну из задач своего политического учению он видел в выявлении предпосылок и причин этих недостатков и создании проектного образа такой политико-администроативной элиты, которая могла бы эффективно осуществлять функции государственного управления.

Список литературы

1. Ашин, Г.К. Элитология: учеб. пособие / Г.К. Этин. – М.: МГИМО, 2005. – 544 с.

2. Ильин, И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 гг. В 2 т / И.А. Ильин. – М.: МП Рарог, 1992. – Т. 1. – 344 с.

3. Ильин, И.А основы государственного устройства. Проект основного Закона России / И.А. Ильин. – М., 1996. – 160 с.

4. Pareto, V. Social Writings / V. Pareto; transl. by D. Merfin. – London: Pall Mall Press, 1966.

5. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет //Вопросы философии. – 1989. – № 3.

6. Атаманчук, Г.В. Теория государственного управления: курс лекций. – Изд. 2-е, доп. / Г.В. Атаманчук. – М.: 6 омега-Л., 2004. – 584 с.

7. Ильин, И.А. Собрание сочинений. В 10 т / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.

С.В. Венидиктов

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, Могилев, sven4444@rambler.ru

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ РЕСУРС ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ БЕЛАРУСИ

Социальная значимость поведения является важнейшей чертой гражданина как субъекта гражданского общества. Показателями проявления гражданской активности служат: гармоничное сочетание частного и общего интереса при ведущем значении последнего; сознательное, добровольное исполнение гражданского долга без расчета на материальное вознаграждение. Политическая и социальная активность граждан непосредственно связаны с позицией средств массовой информации.

Эффективность общественного влияния радио и телевидения на пути к достижению высокого уровня гражданской самоорганизации и саморегуляции определяется следующими параметрами: (1) консолидация общественного мнения вокруг социально значимых проблем (СМИ во многом данные проблемы определяют и конкретизируют); (2) поиск вариантов решения проблемы с привлечением ответственных лиц (т.н. «экспертный» этап); (3) вовлечение массовой аудитории в обсуждение (исходя из собственных оценок и суждений экспертов) посредством активизации обратной связи; (4) трансляция образцов гражданского поведения, способствующих разрешению проблемной ситуации; (5) диагностика динамики гражданской активности (показателем может служить то, насколько часто общественные структуры становятся информационной доминантой в эфире, инициируя освещение значимых вопросов).

Наиболее адекватно определить степень вовлеченности в гражданскую жизнь позволяет анализ деятельности региональных СМИ, которые соответствуют диалогической модели коммуникации как наиболее продуктивной и устойчивой формы взаимодействия общества и государства. У регионального радио и телевидения есть бесспорное преимущество – близость к аудитории, осведомленность в местных проблемах, наличие возможности донесения настроений в локальных общественных структурах до адресата во властных институтах. Например, региональная телепрограмма «Прямая линия» на канале «Лад» предусматривает привлечение

специалиста в определенной тематике и телефонные обращения граждан. Проект «Тема» ТРК «Гродно» включает дискуссии по наиболее важным темам, стремясь не только информировать зрителей, но и проводить глубокий анализ происходящих в области событий. Главная цель передачи «Диалог» ТРК «Гомель» – информирование населения о решениях власти, о реализации государственных программ и изменениях в законодательстве, а также содействие решению социальных проблем. Стимулируя обсуждение социально значимых проблем в группах, СМИ содействуют развитию коммуникативной компетентности и политической культуры граждан.

При освещении жизни локального сообщества внимание СМИ в значительной степени сосредоточено на той части местной аудитории, которая активна по своим жизненным установкам, даже не будучи прямо вовлеченной в коллективные действия «третьего сектора». Это особенно важно, так как в формировании гражданского общества первоочередное значение приобретают не организации, а граждане, занимающие активную гражданскую позицию, для которых обращение к СМИ зачастую становится механизмом решения, наряду с частными, общественных проблем и конфликтов. Исследования показывают, что 42,0 % населения согласны с тем, что освещение проблемы в региональных СМИ помогает ее решению. [1, с. 21].

Наиболее приемлема в разрешении конфликта позиция открытого диалога, в процессе которого происходит «полное представление исходных позиций, точных квалификаций сути конфликта, его причин и составляющих, искомых выходов из конфликтной ситуации, сил и средств, которые надо привлечь и т.д.» [2, с. 171]. Примером может служить ситуация, сложившаяся в конце 2008 г. вокруг сооружения на месте минирынка спортивного комплекса в одном из микрорайонов Могилева. Неоднозначная реакция горожан на выбор площадки для строительства, а также отрицание необходимости нового спортивного объекта во многом были обусловлены недостаточной информированностью граждан. Обращение жителей микрорайона за помощью на региональное телевидение «2 канал» привело к возникновению диалога между властью и могилевчанами, проходившего с привлечением широких кругов общественности, спортивных функционеров, представителей малого бизнеса и др. В течение нескольких недель в эфир программы «Городские новости» на «2 канале» выходили информационно-аналитические сюжеты, направленные на освещение конфликта и объяснение горожанам сути нового проекта исходя из общегородских и национальных интересов. В итоге конфликт был разрешен, строительство спортивного комплекса продолжено, не вызывая более общественной критики. Примеров участия журналистов в роли посредников в разрешении общественных конфликтов, однако, немного. СМИ не всегда целенаправленно используют потенциал в налаживании общения противодействующих сторон, сборе и анализе информации, выявлении скрытых интересов, разработке вариантов

урегулирования и т.д. Неучастие СМИ в урегулировании конфликтов, неумение создать поле для диалога способно привести к коммуникативному кризису.

Помимо формирования активности граждан в процессе разрешения общественных конфликтов, электронные СМИ обладают возможностью создания механизма совместных действий государства и гражданского общества, а также отражения динамики стремления граждан к самореализации, выполняя функцию передачи конкретных способов деятельности, оценочных критериев и программ. В странах Западной Европы набирают силу такие формы партнерства государственной власти и гражданских структур, при которых социальные проекты не только локального, но и общенационального значения выполняются ими совместно. В Беларуси примеры подобного рода сотрудничества с привлечением СМИ пока немногочисленны. Телеканал «ОНТ» в 2002 г. для сбора средств на строительство Национальной библиотеки выступил инициатором проведения телемарафона «Построим библиотеку вместе»; в 2007 г. изменения в правила дорожного движения были внесены лишь после изучения с помощью СМИ общественного мнения. В Могилеве в 2007 г. горожане инициировали начало работ по восстановлению ратуши, завершенных уже в 2008 г. В течение этого времени городское телевидение детально информировало граждан о процессе строительства в выпусках «Городских новостей» и специальных проектах, привлекая к обсуждению историков, искусствоведов и архитекторов, способствовало активизации благотворительной акции по сбору недостающих средств. Приведенные примеры деятельности СМИ позволяют сделать вывод о том, что один из наиболее действенных способов увеличения социальной активности граждан – поднятие престижа общественно полезной деятельности. Однако подобные проекты все еще не обрели достаточной действенности: в белорусском обществе стремление к самостоятельности в принятии решений выражено слабо, т.к. отсутствует уверенность в эффективности таких механизмов. Большинство белорусов не использует своих политических прав, а в сознании еще «не отрефлексирован тот факт, что только активная включенность каждого человека в общественные процессы может повлиять на трансформацию общества в целом». [3, с. 102]

Таким образом, электронные СМИ в составе средств массовой коммуникации Беларуси занимают место одного из основных социальных институтов. О влиянии СМИ на гражданское участие свидетельствует тот факт, что диалог между государством и гражданами, происходящий в информационном пространстве, приобрел характер постоянного процесса. При этом формируется основа социальной, политической, национальной самоидентификации, создаются основы социального действия, снижается уровень общественной энтропии. Однако в настоящее время в Беларуси наблюдается расхождение между реальным содержанием телерадиовещания и степенью эффективности его влияния на аудиторию.

Список литературы

1. Арато, А. Гражданское общество и переходный период от авторитаризма к демократии / А. Арато, Д. Коэн // Гражданское общество. – М., 1994.
2. Прохоров, Е.П Журналистика и демократия / Е.П. Прохоров. – М., 2004. – 352 с.
3. Титаренко, Л.Г. «Парадоксальный белорус»: противоречия массового сознания / Л.Г. Титаренко // Социологические исследования. – 2003. – № 12. – С. 96–108.

Ж.Н. Вергейчик

Белорусский государственный университет,
г. Минск, vergeichik-bsu@tut.by

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Государственное управление является предметом изучения не только экономики, юриспруденции, кибернетики, социологии, но и политологии. Проблемы государственного управления в советский период традиционно изучались в рамках юридических и экономических наук. После распада Советского Союза в его бывших республиках стала активно развиваться политологическая отрасль знаний.

Мировой опыт развития политической науки показал, что государственное управление и государственная политика являются отраслями политологического научного знания. Это подтверждают многочисленные исследования вопросов государственного управления, проводившиеся западными политологами на протяжении всего XX столетия.

В настоящее время в исследованиях государственного управления с позиций политической науки возрастает все большая потребность. В связи с изменяющимися условиями внешней среды (взаимовлияние и взаимозависимость государств в политической и экономической сферах, усиление роли ТНК в политических процессах) происходит возрастание роли государственного управления на всех уровнях (международном, региональном и локальном), следовательно, повышается значимость научного изучения и обоснования политических аспектов государственного управления.

В белорусской политической науке исследования по проблемам государственного управления интенсивно стали развиваться в последнее десятилетие. С точки зрения методологии анализа управленческих процессов огромную значимость имеют работы представителей отечественной политологической школы (С.В. Решетников, Н.А. Антанович, Е.Ф. Гречнева, В.А. Мельник, М.В. Ильин, А.В. Панченко, Е.М. Ильина, В.В Герменчук, Е.В. Матусевич, С.Б. Лугвин и др.).

В западной и отечественной политической науке существуют определенные различия в категориальном аппарате. В русскоязычной литературе распространены термины «государственное управление», «государственная политика», «административно-государственное управление», «политико-административное управление», «политическое управление». Западная политическая наука оперирует понятиями public administration, public management (публичное администрирование, публичное или общественное управление (менеджмент)), public policy (публичная или общественная политика), что подчеркивает публичный характер государственного управления и государственной политики, прозрачность принимаемых решений, их демократичность.

Сегодня в белорусской политической науке наряду с вышеуказанными терминами используется термин «публичное управление», «публичная политика», «общественная политика» [1, 2]. Уже признается тот факт, что не только государство, государственная власть, участвует в выработке тактики и стратегии политического курса, но и общество (гражданское общество) в демократическом государстве влияет на принимаемые решения.

Политологический анализ процессов государственного управления предполагает использование общетеоретических методов исследования политических процессов (системный, структурно-функциональный, институциональный, сравнительный методы). Также в качестве наиболее динамичной методологической основы анализа политико-административных процессов можно применять модель трех измерений политики [3]:

1. Институциональное измерение (polity) – это политический строй, система государственных институтов, норм.

2. Содержательное измерение (policy) – это направления и содержание проводимой государственной политики, принятие и реализация политических программ, технология принятия политических решений.

3. Процессуальное измерение (politics) – это взаимодействие между акторами политического процесса, столкновение различных интересов, выражение (артикуляция) и реализация (агрегирование) интересов различных социальных групп и слоев населения.

На наш взгляд, государственное управление в широком смысле включает все приведенные выше три блока: институциональный, инструментальный (содержательный) и процессуальный.

Институциональный блок – система государственных органов и институтов, действующих по принципам иерархии. *Содержательный* блок включает разработку правительством государственных программ по развитию различных сфер общественной жизнедеятельности (экономическая, социальная, образовательная и т.д.), это механизм реализации и трансформации политических, законодательных решений в административные. В *процессуальном* плане государственное управление представляет собой процесс, в котором задействованы не только чиновники, политики, но и гражданское общество, выступающее выразителем интересов определенных слоев населения.

Следовательно, политико-административное управление в широком смысле, как мы считаем, – это вся система политико-административных отношений, это отношения и в сфере политики (разработка стратегии и тактики политического курса, политических программ в различных сферах общественной жизни и т.д.), и в сфере административно-государственных отношений (реализация государственной политики, политических решений, доведение информации до населения); это взаимодействие гражданского общества с государством через государственные институты. То есть в данном смысле политико-административное управление затрагивает все стороны политической системы: от формирования повестки дня политики до реализации решений, доведения их до общества.

Список литературы

1. Гречнева, Е.Ф. Общественная политика в Республике Беларусь / Е.Ф. Гречнева // Конституционный процесс и развитие политической системы общества: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 3 – 5 нояб. 2002 г. / Белорус. гос. ун-т, ФУСТ; редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск, 2002. – С. 123–124.

2. Решетников, С. В. Системный подход как методология анализа публичной политики / С.В. Решетников, Н.А. Антанович. – Минск: ИСПИ, 2000. – 106 с.

3. Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений / С.В. Решетников. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 150 с.

Н.Ю. Веремеев

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, mikalai@mail.ru

МНОГОУРОВНЕВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В современных исследованиях проблем европейской интеграции большую популярность приобрела точка зрения, в соответствии с которой ЕС рассматривается в качестве системы многоуровневого управления. С помощью понятия «управления» его сторонники попытались снять границу между внутренней и внешней политикой, между компаративными исследованиями и международными отношениями. Внимание исследователей стало смещаться с процесса интеграции на анализ возникающей политической системы, не связанной с созданием «супергосударства», что ведет к рассмотрению ЕС в качестве комплексного и динамичного институ-

та, где полномочия распределяются среди многих акторов расположенных на нескольких уровнях управления [1].

Многоуровневое управление представляет собой организацию многочисленных акторов, действующих на нескольких уровнях пространственно-территориальной организации, где государственные участники действуют как равные в комплексной, гетерогенной и многоуровневой сети. Таким образом, их суверенитет рассматривается как «совокупность символических и материальных государственных возможностей, в то время как другие участники вкладывают собственные символические и/или материальные ресурсы (например, легитимность, информацию, компетентность, организационный ресурс), которые вместе с государственными позволяют достигать совместно одобренных целей» [2, с. 254].

Определяющей чертой ЕС является появление политического образования, которое невозможно представить в рамках традиционного, вестфальского суверенитета. На европейском политическом пространстве возникает новая модель суверенитета, которая в отличие от традиционной, с ее акцентом на «власти», основывается на «управлении». При этом современные интеграционные исследования все более фокусируются на утверждении происходящей замены парадигмы государственного суверенитета новой парадигмой многоуровневого управления. Широкое распространение и популярность в политических исследованиях концепции управления («governance») определяются ее способностью объяснять роль целого ряда институтов и их взаимоотношений в процессе управления. В современной западной литературе существует целый ряд подходов к определению данного термина. Так Б. Джессоп определяет «governance» как самодостаточную организацию независимых акторов, вовлеченных в комплексные отношения взаимозависимости. При этом самодостаточность организации базируется на постоянном диалоге и коллективном использовании ресурсов для реализации взаимовыгодных совместных проектов и разрешения разногласий и проблем» [3].

ЕС состоит из различных уровней управления, которые требуют участия органов власти, негосударственных субъектов и европейских институтов для формирования так называемой «взаимосвязанной политики». Взаимосвязанная политика в системе ЕС означает разделение обязанностей между национальным и коммунитарным уровнями, что характеризует процесс формирования политики. Фактически значительная часть такого управления осуществляется путем использования сетей частных и публичных субъектов, которые находятся на разных уровнях управления. При этом исследователи все более говорят о «кооперативном государстве», или «сети формирования политики» [4]. Эти термины предусматривают осуществление управленческих функций посредством сети агентов, которые включают правительства (национальные, субнациональные и местные), частных субъектов (фирмы, группы интересов и т.д.) и представителей гражданского общества (неправительственные общественные организации и т.д.) [1]. Таким обра-

зом, «процесс формирования политики все больше характеризуется наличием транснациональных и транс-правительственных коалиций между частными, наднациональными и субнациональными субъектами, а не межправительственными переговорами и торгом» [5, с. 218].

Современные государства-члены ЕС все меньше рассматриваются как иерархичные структуры легитимной власти, а все больше как многоуровневые сети выработки политических решений, которые сотрудничают и договариваются между собой, и где субъекты государственной власти могут осуществлять свои функции лишь в сотрудничестве с частными субъектами или группами.

Модель многоуровневого управления не отрицает важность и значимость исполнительной власти государств. Однако государства, с точки зрения сторонников данного подхода, более не обладают монополией на выработку политических решений на европейском уровне. Во-первых, компетенции принятия решений скорее разделены между акторами на различных уровнях, нежели монополизированы правительствами. Это значит, что наднациональные институты (прежде всего Еврокомиссия, Суд и Европарламент) обладают независимым влиянием в выработке политического курса и не могут рассматриваться лишь в качестве агентов государств-членов. В объяснении европейского процесса выработки политики правительства государств-членов играют важную, но не уникальную роль. Здесь следует учитывать независимую роль иных акторов европейского уровня.

Многоуровневое управление в ЕС является ярким примером фрагментации внутреннего суверенитета государства. Происходит «переконфигурирование» суверенитета, в том смысле, что он является рассредоточенным среди ряда правительственных и неправительственных институтов [1]. Формальный суверенитет является разделенным между институтами ЕС и государствами-членами ЕС, а также в значительной мере совместным для них. Что касается реального, фактического суверенитета или способности государств к автономным действиям, то ни ЕС в целом, ни современные государства не имеют таких возможностей для его реализации, какими обладали национальные государства XIX века.

Таким образом, возникает представление о том, что, во-первых, правительства государств-членов располагают «совместным» суверенитетом ЕС, но при этом, не допускают вмешательства в свои внутринациональные дела до такой степени, чтобы можно было говорить об утрате государственного суверенитета или государственной автономии. А ЕС может характеризоваться как специфическая многоуровневая система управления, которая, охватывает национальные правительства и наднациональные институты, такие как Комиссия, Европарламент, Европейский Суд, Европейский Центральный Банк, и транснациональные группы и других частных субъектов в сетях управления. Во-вторых, ЕС включает разнообразие функциональных режимов с разным объемом и глубиной, что касается характера регулирования – от Европейского валютного союза до Совместного сельскохозяйственного

и экологического регулирования. В-третьих, ЕС является многоуровневым в том смысле, что наднациональные, национальные и субнациональные властные структуры регулярно взаимодействуют между собой, вырабатывая различного рода соглашения, являющиеся основой существования ЕС, регулируют принятие решений на различных уровнях.

Список литературы

1. Aalberts, Tanja E. Sovereignty Reloaded? A Constructivist Perspective on European Research / Tanja E. Aalberts // Constitutionalism Web-Papers. – 2005. – №2 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://politicologie.scw.vu.nl/wpps/web042002.pdf – Дата доступа: 09.04.2007.
2. Яровой, Г.О. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе / Г.О. Яровой. – СПб.: Норма, 2007. – 290 с.
3. Jessop, B. Governance and Metagovernance: On Reflexivity, Requisite Variety, and Requisite Irony / B. Jessop [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www/comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Jessop-Governance-and-Metagovernance.pdf – Дата доступа: 16.03.2007.
4. Кузнецова, Е. Западные концепции государственного суверенитета / / Международные процессы / Е. Кузнецова [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.intertrends.ru/eleventh/007.htm – Дата доступа: 17.02.2007.
5. Wallace, W. Europe after the Cold War: interstate order or post-sovereign regional system? / W. Wallace // Review of International Studies. – 1999. – № 25. – P. 201-223.

Л.С. Вечер
Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Становится все более очевидным, что классическая парадигма государственного управления, сформировавшаяся в эпоху доминирования в науке и социальной и политической практике механистического представления о порядке в обществе и способах его переустройства переживает кризис. В настоящее время общество определяется как поле непрерывных стремительно развивающихся инновационных изменений, на вызов которых консервативно самосохраняющейся системе государственного управления отвечать все сложнее. В этих условиях все больше требований обществом предъявляется к образованию политических и государственных деятелей, к его инновационному аспекту.

Фундаментальным принципом инновационной ориентации политического образования государственных и политических деятелей является опережающее значение науки и знания в развитии практики управления обществом.

Заказ на инновационную составляющую политического образования выражается в проблемном поле практики, воспринимается и исследуется наукой, обновляющей содержание учебных программ и образовательный процесс в целом.

Инновационный аспект политического образования предполагает обязательное единство в процессе профессиональной подготовки личностного воспитания, преподавания знаний, приобретения умений в контексте развития способности и реальной готовности к деятельности в стремительно изменяющейся среде. На этой основе формируется особый тип мышления, называемый нелинейным или синергетическим. Особенностью этого типа мышления является его сингрессивная образность, когда формирующийся в сознании деятеля образ наиболее полно несет в себе все многообразие реальных и виртуальных характеристик ситуации в их постоянно изменяющихся соотношениях.

Личностный облик кадров можно изменить, меняя мышление. «Мышление – это процесс познавательной деятельности индивида, характеризующийся обобщенным и опосредованным отражением действительности» [1].

Мышление часто развертывается как процесс решения задачи, в которой выделяются условия и требования. Задача должна быть не только понятна субъектом, но и принята им, то есть соотнесена с потребностно-мотивационной сферой личности. Мыслительная деятельность побуждается мотивами, которые являются не только условиями ее развертывания, но и факторами, влияющими на ее продуктивность. Инновационное мышление можно соотнести с творческим мышлением, характеризующимся созданием субъективно нового продукта и новообразованиями (новообразования касаются мотивации, целей, оценок, смыслов и т.д.) в самой познавательной деятельности по его созданию.

Формирование синергетического мышления сопрягается с воспитанием в деятеле мирочувствования. Традиционное мировосприятие, основанное на создаваемых в индивидуальном и общественном сознании «картинах мира» является слепком с прошлого или с конкретного момента действительности. Эти картины мира соответствуют мировоззрению, сформировавшемуся в результате обобщения утвердившихся и сохраняющихся в рамках классической механистической парадигмы философских, естественнонаучных, технических и социо-гуманитарных знаний. Эти знания в основном являются продуктом прошлого. Непрерывные изменения мира требуют не только постоянной их корректировки, но и коренных парадигмальных трансформаций.

Для познания такого мира и ориентации в векторах его движения необходимо его чувствование, которое предшествует знаниям, задает на-

правленность их продукции в творческом значении и в единении дисциплин. Чувствование обеспечивает сигнальную функцию сознания, ориентированную на происходящие изменения среды жизнедеятельности и ее образ в будущем. Чувствование мира и получение жизненно важных знаний о нем развивается под влиянием таких качеств личности, как сочувствие, сопереживание, соучастие, взаимодействие. Объективное основание для воспитания в каждом человеке этих качеств имеется. Этим основанием является информационное единство человека и природы.

Политический деятель, чувствующий мир природы, общества, других людей и себя как органичную составляющую этого мира отзывается собственной болью на боль сограждан, беды общества, страны, природы. Он чувствует приближение этих бед, и это предчувствие позволяет действовать на опережение. В таком свойстве человека находится корни и проявление высокой нравственности, социальности, патриотизма. Это необходимые политическому деятелю качества, воспитание которых является обязательным компонентом образовательного процесса.

Деятельный отклик человека на предчувствие должен быть подкреплен знанием способа предвидения и прогнозирования, т.е. объективации того, что чувствуется.

Без знания человека, его эволюционирования в трансформирующемся социальном мире государственные и политические деятели будут топтаться на месте и демонстрировать свою неспособность вести страну в будущее. Человековедение и социальная астропология являются фундаментальной основой подготовки всех категорий государственных и политических деятелей.

Знание того, как формируется будущее и что можно ожидать от него в жизни человека, могут дать политическим деятелям общая теория самоорганизации (синергетика) и теория социальной самоорганизации. Предметной областью этих теорий являются закономерности возникновения нового в природе и жизни человека в обществе. Это новое является вызовом будущего, на которое отвечает прошлое в настоящее. Прошлое в настоящем – это то, что отобрано эволюцией и зафиксировано в социальной памяти, функции которой реализует культура, история, этика, религия, язык и другие управляющие параметры. Они определяют векторы движения в будущее человека и национального сообщества и, соответственно обеспечивают возможность прогнозировать будущее.

Знания о механизмах соответствующих процессов дают динамическая социальная информатика и социальная генетика. Политическому деятелю необходимо освоить общую инноватику, социальную инноватику, инноватику социального управления и инноватику государственного управления.

Для современного политического деятеля необходимо умение осуществлять мониторинг социальных инноваций с выявлением их значения в реальной и будущей жизни общества. Процесс государственного управле-

ния в инновационном обществе неизбежно связан с рисками, производимыми как социальной самоорганизацией, так и инновационным управлением.

В процессе обучения политических и государственных деятелей важным является трансдисциплинарный и междисциплинарный подход – непрерывное обновление знаний, преподаваемых в едином предметном пространстве общественных наук, таких как политология, экономика, государственное строительство, государственное управление, государственная служба, государственная кадровая политика, социальная психология и другие.

Инновационные требования к политическим и государственным деятелям охватывают все виды профессионально-управленческого знания: структурно-функциональное и процессное знание (как строится, функционирует и развивается система управления); субъектное знание (знание об управляющих системах); объектное знание (знание состояния и специфики развития объекта управления); знание о людях управления (самоменеджмент); знание синергетических взаимодействий (управления и самоорганизации, стохастических и когерентных процессов).

Политические и государственные деятели вынуждены и обязаны опережать других людей в видении проблем, способов и технологий их решения, прогнозе рисков, опережать время и брать ответственность на себя, быть реальным лидером в системе социального управления.

Список литературы

1. Психология: словарь. – М.: Политиздат, 1990. – С. 223.

Л.В. Вонсович

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск lora_lora@tut.by

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Сменой стратегии развития человеческой цивилизации на современном этапе является переход к устойчивому развитию, переход к построению постиндустриального общества, который представляет собой длительный эволюционный процесс, требующий целенаправленной, осознанной деятельности всего человечества. Главным механизмом его реализации являются национальные стратегии устойчивого развития. С этих позиций устойчивое развитие Республики Беларусь представляется как элемент устойчивого развития мирового сообщества, а национальные цели как реализация общих

целей и задач, принципов и направлений развития в конкретных условиях Беларуси. Стратегической целью устойчивого развития Республики Беларусь является динамичное повышение уровня благосостояния, обогащение культуры, нравственности народа на основе интеллектуально-инновационного развития экономической, социальной и духовной сфер, сохранение окружающей среды для нынешних и будущих поколений.

Большое значение в реализации обозначенной выше цели играет государство, обеспечивающее воспроизводство тех социальных ресурсов, из которых оно черпает себе поддержку и создает предпосылки для расширенного воспроизводства своей деятельности, а также обеспечения стабильности всей общественной системы. Роль государства в обеспечении устойчивого развития определяется пределами его вмешательства в социальную и экономические сферы, а следовательно, особенностями его экономической и социальной политики. Достаточно актуально эта проблема стоит в трансформирующихся обществах, в которых развитие процессов политического, экономического, социального характера отличается неустойчивостью и незавершенностью, что создает условия для активизации деструктивных процессов на почве возникновения противоречий между различными аспектами преобразований. В связи с этим концептуальный выбор определенного типа социально-экономической политики может приобрести решающее значение в эволюции самого политического режима, определив успешность либо крах процесса демократической модернизации общества.

Экономическая политика Республики Беларусь ориентирована на доминирование государства в процессах трансформации, сохранение за ним важнейших отраслей экономики, проведение промышленной политики. При этом речь не идет о прямом государственном вмешательстве и наращивании государственных капиталовложений. Белорусское государство использует более тонкие инструменты косвенного воздействия на рыночные стимулы и регуляторы, требующие сокращения налогов и активное привлечение частных сбережений граждан и иностранных инвестиций, при параллельном ограничении бюрократических институтов самого государства и их преобразования в целях выполнения тех функций, в которых нуждается общество. Государство призвано обеспечивать институционально-правовую структуру экономики и выполнять следующие функции: производство общественных благ (оборона, охрана общественного порядка, общественные услуги и пр.); защита общества от внешних эффектов (охрана природной среды); регулирование естественных монополи» (энергетика, транспорт, связь); корректировка последствий социального неравенства; стабилизация экономики и поддержание экономического роста.

Реализация этих функций предполагает деятельность белорусского государства на следующих направлениях: 1) создание правовых и организационных институтов, необходимых для функционирования рыночной экономики. Белорусское государство не пошло по пути простого копиро-

вания западных институтов, полагая, что любому хозяйственному и общественному порядку присуща специфическая индивидуальность, обусловленная культурным и политическим развитием. Республика Беларусь создала свою собственную модель социально-экономического развития, которая получила название социально ориентированной многоукладной рыночной наукоемкой экономики. Такая модель имеет ряд специфических черт, отражающих историю страны, традиции народа, его менталитет с преобладанием таких черт, как коллективизм и взаимопомощь, социальная справедливость, исключающих эгоцентризм, эксплуатацию чужого труда, обвальную безработицу, резкую социальную дифференциацию населения по доходам. Белорусская экономическая модель – это эффективная экономика с развивающимся предпринимательством и рыночной инфраструктурой, действенным государственным регулированием, заинтересовывающим предпринимателей в расширении и совершенствовании производства, а наемных работников – в результатах своего труда. Она гарантирует высокий уровень благосостояния добросовестно работающим членам общества, достойное социальное обеспечение для нетрудоспособных, престарелых и инвалидов, базируется на принципах конституционных гарантий прав и свобод граждан, свободы предпринимательства и добросовестной конкуренции, выбора профессии и места работы, равенства форм собственности, гарантии ее неприкосновенности и использования в интересах личности и общества, обеспечения взаимосвязи благосостояния работника и результатов его труда, социального партнерства между государством, профсоюзами и союзами предпринимателей; 2) перестройка самого государства и его институтов на принципах демократии, доминирования закона во всех сферах с целью обеспечения политической и экономической стабильности в обществе. Эта перестройка представляет собой длительный, болезненный и противоречивый процесс, поскольку разрушение старого аппарата власти не приводит автоматически к рождению новой системы. Она ведет лишь к полной потере управления хозяйственными процессами, а образующийся вакуум способствует возрождению старых командно-административных методов управления, порождает анархию, дает простор криминальным элементам, усиливает коррупцию и углубляет экономический кризис. В такой ситуации только сильная государственная власть способна поддерживать стабильность в обществе, успешно управлять государством, обеспечивать экономический правопорядок, экономическую безопасность страны и граждан. Такая власть призвана осуществлять контроль над теми социальными противоречиями, которые несут угрозу национальному согласию и политической стабильности; 3) переход к новым формам регулирования, проведение социальной и экономической политики, призванных найти оптимальные пути для решения триединой задачи: сохранить стабильность в обществе, в котором усиливается социальное расслоение; стабилизировать экономику; обеспечить структурную перестройку и экономический рост.

Значительной составляющей деятельности белорусского государства в решении данной задачи является социальная политика. Ее функции сводятся к двум основополагающим направлениям: стимулирование направленности активности граждан и обеспечение стабильности в обществе. Решение социальных вопросов является основополагающим направлением деятельности Республики Беларусь. В стране обеспечивается рост заработной платы, повышаются пенсии, стипендии, пособия. Успешно функционирует целостная система социальных стандартов, которые определяют виды и качество важнейших социальных услуг в образовании, здравоохранении, в физической и духовной культуре, в жилищно-коммунальном хозяйстве, торговле, на транспорте, в связи, бытовом обслуживании. Эти стандарты являются своеобразной государственной гарантией для граждан Беларуси. Социальная политика белорусского государства представляется наиболее оптимальной в сложившихся условиях. Ее важнейшими приоритетами являются: здоровье личности и нации в целом; высокий, соответствующий мировым стандартам, уровень развития образования; сохранение культурного наследия белорусского народа, создание эстетических ценностей, развитие народных талантов, поиск и возвращению на Родину ценностей, оказавшихся за пределами Беларуси; благоприятное для человека состояние окружающей среды; создание условий для самореализации личности. Это предполагает удовлетворенность человека условиями труда и жизни в целом, высокий уровень обеспеченности прав и свобод граждан, уверенность в будущем, ощущение социальной комфортности и защищенности, высокую степень реализации жизненных планов.

А.С. Габрусевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, lann2000@mail.ru

ПОНИМАНИЕ ПРАВА В РАБОТАХ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Понимание права Б.Н. Чичерин развивает в естественно-правовом ключе. Он различает позитивное право и право естественное. В отличие от позитивного, естественное право выступает не в виде действующего и потому принудительного закона, а как система идеальных юридических норм, которые вытекают из разума, сознаются обществом или наукой и служат руководством для позитивного законодательства. При этом естественное право составляет содержание философии права как науки.

Б.Н. Чичерин отмечал, что право не должно ограничиваться позитивным законодательством. Последнее определяет юридические нормы, действующие в конкретном месте и времени. При этом позитивные зако-

ны являются продуктом человеческой воли и, соответственно, могут иметь недостатки. Следовательно, отмечал мыслитель, необходима их объективная оценка, которую нельзя получить ни из самого позитивного права, ни из житейской практики. Такую оценку, по мнению ученого, может дать только философия. «Нельзя разумным образом установить права и обязанности лиц, не зная, что такое право, где его источник и какие из него вытекают требования. Это начало тесно связано с самою человеческою личностью, а потому необходимо исследовать природу человека, ее свойства и назначение. Все это вопросы философские...». [1, с. 20]

Стоит заметить, что признавая естественное право, Б.Н. Чичерин отрицает существование естественных субъективных прав. На это указывал профессор Н.М. Коркунов. По его мнению, отрицание естественных прав приводит и к отрицанию самого естественного закона. Если же естественный закон признается существующим, то, соответственно, должны быть и естественные права. По оценке Н.М. Коркунова, Чичерин в своей теории доказывает вовсе не то, что естественные права не могут существовать, а лишь необходимость ограничения этих прав свободой других людей и общей пользой.[3, с. 366-367]

Следует остановиться на том, как сам Н.М. Коркунов – один из крупнейших представителей позитивистской теории права, – понимал право. Определение права как нормы свободы ученый считал индивидуалистическим направлением в правовой науке. Хотя он не принадлежал к теоретикам школы естественного права, в своих работах ученый говорил об этическом характере права. В его теории все нормы сводятся к двум основным группам – технические и этические. Технические нормы – это правила, которые указывают, каким образом необходимо поступать для достижения какой-либо одной определенной цели. Достижению же гармонии в совместном осуществлении разнородных целей служат нормы этические, которые являются обязательными.

Разновидности этических норм – нормы юридические и нравственные. Делом нравственности является оценка интересов. «Нравственные правила необходимо устанавливают различия добра и зла, того, что должно делать и чего нет...».

Однако при столкновении интересов различных людей одной оценки интересов для внесения в жизнь порядка и гармонии недостаточно. Интересам каждого индивида должна быть отведена определенная сфера, т.е. интересы необходимо разграничить. Нормы разграничения интересов определяют границу между правом и неправом и являются нормами юридическими. Таким образом, нравственность отличается от права тем, что дает оценку интересов, а право их разграничивает. Нравственные нормы устанавливают только безусловный нравственный долг, а юридические – обусловленные друг другом право и обязанность. При этом право одного предполагает соответствующую обязанность другого. Юридическая обя-

занность представляет из себя обязанность выполнять требования, обусловленные чужим правом и соблюдать границы сталкивающихся интересов, которые установлены юридическими нормами.

Продолжая рассмотрение взглядов Б.Н. Чичерина на право, следует отметить его тезис о том, что право, в отличие от нравственности, является принудительным началом. Если нравственный закон обращается только к совести, то юридический закон обеспечивается властью принудительной. «Если бы юридический закон не был принудительным, то внешняя свобода человека была бы лишена всякой защиты; она была бы принесена в жертву случайному произволу сильнейших»[1, с. 83]. Чтобы избежать физических столкновений между индивидами, необходимо, чтобы общественная власть обеспечила защиту. Только таким путем может быть установлен в обществе порядок. При этом защита составляет неотъемлемую часть права. Против такого взгляда на право выступал Е.Н. Трубецкой (русский философ, правовед, публицист, общественный деятель). По его оценке, этот тезис – ошибочный. Он подчеркивал, что принуждение не происходит из существа самого права, а обусловлено несовершенством человеческой среды, в которой право осуществляется. В идеальном обществе, по мнению Трубецкого, принуждение исчезнет, однако право от этого не перестанет существовать, а, напротив, достигнет своего совершенства. По оценке Трубецкого, данная теория смешивает право с его орудием. Несоответствие это особенно резко проявляется, когда принуждение понимается как физическое насилие. Право не является физической силой, а представляет собой норму, обращающуюся к свободной воле человека. Следовательно, сила по отношению к праву представляет внешнее явление, и ее применение обусловлено не самим правом, а ее нарушением. Трубецкой отмечает, что у Чичерина есть противоречие, которое типично для сторонников теории принуждения – автор «Философии права» признает юридическое значение норм международного права, хотя последнее вовсе не обладает силой принуждения.

Говоря о соотношении права и нравственности, Чичерин отмечал, что право и нравственность исходят из одного корня – духовной природы человека, что нравственным законом определяются только внутренние помыслы и только в этой сфере он является безусловным требованием. Главное отличие нравственности от права заключается в следующем: право определяет внешние отношения воль, нравственность же – внутренние побуждения. Право устанавливает правила для внешних действий, воздействуя на внутренние мотивы лишь постольку, поскольку они выражаются во внешних действиях. Нравственность определяет внутренние помыслы. Чичерин признает, что главное достоинство человека как разумного существа, заключается в исполнении закона не по принуждению, а добровольно. Но, по мнению мыслителя, это достоинство содер-

жит в себе и возможность уклонения. «Самоопределение к добру именно потому является выражением свободы, что в нем содержится возможность противоположного. Нравственные поступки человека вменяются ему в заслугу, потому что он мог действовать иначе. Свобода добра есть вместе свобода зла»[1, с. 145]. О недостатках подобного подхода было уже сказано выше.

В основу права Чичерин кладет понятие правды или справедливости. Справедливым можно считать то, что прилагается ко всем одинаково. Это начало исходит из человеческой природы, поскольку все люди являются разумно-свободными существами и равны между собой. «Признание этого коренного равенства составляет высшее требование правды, которая с этой точки зрения носит название правды уравнивающей»[1, с. 88]. Однако подобное равенство касается только сущности человека, как существа, которое обладает разумом и свободной волей. Равенство не распространяется на внешние определения человека и те условия, в которых он существует. Там, наоборот, господствует полное неравенство. Равенство, в понимании Чичерина, формальное, отвлеченное начало, «метафизическое требование во имя мыслимой сущности»[1, с. 89]. Свобода же неизбежно приводит к неравенству. Требование правды, таким образом, заключается в формальном равенстве или равенстве перед законом. Материальное же равенство противоречит свободе. Ученый считал, что уничтожить неравенство можно только путем подавления свободы, искоренив при этом в человеке «самостоятельный центр жизни и деятельности, и превративши его в орудие общественной власти, которая, налагая на всех общую мерку, может, конечно, установить общее равенство, но равенство не свободы, а рабства»[2, с. 259]. Соответственно, настоящая, истинная правда заключается именно в формальном, отвлеченном равенстве, в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, в равенстве прав как юридической возможности действовать. Другим непременным требованием правды является признание неравенства материального, как следствия свободного пользования и неравного приобретения жизненных благ. По Чичерину, свобода и благосостояние – понятия абсолютно разные. Человек может иметь полную свободу и быть лишенным куска хлеба.

Список литературы

1. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин Избранные труды. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

2. Чичерин, Б.Н. Собственность и государство. В 2 ч. / Б.Н. Чичерин. – М., 1882. – Ч. 1.

3. Коркунов, Н.М. История философии права / Н.М. Коркунов. – СПб., 1908.

А.С. Габрусевич

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, lann2000@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Б.Н. ЧИЧЕРИНА

Социально-философские воззрения Б.Н. Чичерина являются ярким примером продолжения традиций европейского рационализма нового времени. В этом смысле его миропонимание представляет собой наиболее разработанную рационалистическую систему взглядов в русской мысли 19 столетия. Известно влияние на формирование его взглядов философии Декарта, которого, он называл основателем современной европейской философии, в то время как Гегеля считал ее «величайшим завершителем». Большими авторитетами для Б.Н. Чичерина были также Спиноза, Лейбниц и особенно Кант, Шеллинг и Фихте. В своих философских работах он постоянно апеллирует к мнению представителей европейского рационализма.

В этом контексте понятно определение Б.Н. Чичериным места философии в системе научного знания. Говоря образно, философия для Б.Н. Чичерина это фундамент любого знания, поскольку государсвоведение, правоведение, нравственность и так далее зиждутся на философских началах. В предисловии к «Науке и религии» он говорит, что читателю его рассуждения могут показаться пустыми метафизическими тонкостями или сухою схоластикою. Однако для тех, – пишет Б.Н. Чичерин «Кому известна связь всех частей науки между собою, тот знает, что эти метафизические тонкости оказываются впоследствии исполненными жизненного значения. Они составляют необходимое условие всякого понимания. Это – тот мерцающий светоч, который непривычному глазу кажется неспособным рассеять окружающий нас мрак, но который в действительности один может вывести человека в высшую область всеозаряющей истины. Горе служителю науки, который погасил в себе этот светильник! Он осужден вечно пресмыкаться в низменностях реализма, потерявши даже память о том, что он рожден для иного знания и для иной жизни»[1, с. 23].

Такое понимание философии вытекает из гносеологии Б.Н. Чичерина, которая базируется на убеждении, что разум составляет верховный принцип бытия и мышления. Более того, за разумом признается роль не только проникающего начала, но также и начала творческого. Естественно, что основания нашего познания, по Б.Н. Чичерину, не имеют опытного происхождения. Логические категории, как и логические законы, составляют принадлежность только разума. Выводить логику из опыта – значит признать, что разум получает все извне, а сам – не что иное, как «пус-

тая коробка», в которой случайно встречающиеся впечатления связываются более или менее прочным образом в силу привычки. Это положение гносеологии Б.Н. Чичерина являлось объектом критики как дореволюционных так и советских философов. В частности Э. Радлов считал, что благодаря этому «он не сумел оценить тех хороших сторон, которые несомненно присущи позитивизму»[1, с. 477]. Однако, вряд ли это соответствует действительности. Ведь признавая первенствующую роль умозрения, рационального, логики перед опытным изучением природы Б.Н. Чичерин не считал опыт совершенно бесполезным в познании.

В «Науке и религии» Б.Н. Чичерин дает собственное понимания науки будущего «Истинная наука, которая требует полноты, – отмечает он, – должна сочетать оба противоположных пути познания. Рационализм и реализм должны соединится в универсализме. Это составляет задачу ближайшего будущего. Опыт собрал для этого обширнейший материал; философия же дает нам умозрительные законы, к которым требуется свести этот материал»[1, с. 93].

Таким образом чичеринский универсализм это своего рода строгая методология познания обеспечивающая «точность двоякого рода: точность в исследовании фактов и точность в анализе и синтезе понятий. Первое дается нам опытным знанием, второе – философией»[1, с. 93]. Как видим, об отрицании Б.Н. Чичериным опытного знания не может быть и речи.

Эффективность универсализма как методологии познания блестяще подтверждается социальной философией Б.Н. Чичерина. Правда, в работах Б.Н. Чичерина понятие социальная философия не встречается. Однако последнее не означает, что в его наследии социальная философия как таковая не присутствует. Она присутствует и при том во вполне законченном виде. По его мнению, социальная философия совпадает с социологией. «Социология ... – пишет Б.Н. Чичерин, – как отвлеченная наука, исследующая основные начала общежития, не может быть не чем иным, как философией общественной жизни, т.е. наукой опирающейся на метафизику»[3, с. 34-35].

Говоря о социальной философии Б.Н. Чичерина последнюю мы понимаем как верхний методологический этаж социологии. Предмет социальной философии это методологические, общетеоретические проблемы социального знания. С этой точки зрения важнейшим достижением Б.Н. Чичерина является его теория общества.

Во втором томе его работы «Курс государственной науки», которая носит название «наука об обществе или социология» теории общества посвящена первая книга. Здесь рассматривается понятие общества, элементы общества, юридическое строение общества и отношение общества к государству. Б.Н. Чичерин говорит, что понятие об обществе «как области отличной от государства, искони было присуще юридической практике народов... Но в науке это понятие сознано и формулировано сравнительно

недавно. Гегелю принадлежит честь философского различения гражданского общества и государства». Однако, подчеркивает Б.Н. Чичерин, научное понимание общества не до конца осознано в науке. Можно предположить, что именно это обстоятельство побудило Б.Н. Чичерина сформулировать собственное понимание общества. В основе чичеринского понимания общества лежит тезис согласно которому то, что называется обществом образуется из взаимодействия свободных единичных сил. Конкретизируя это тезис Б.Н. Чичерин пишет: «Образуя единое целое, входя в состав государства, как члены союза, граждане остаются раздельными единицами, состоящими между собой в многообразных юридических, экономических, умственных и нравственных отношениях. Совокупность этих отношений образует между ними связь, которая есть нечто совершенно иное, нежели связь государственная...» [4]. Общественная связь «заключает в себе всю частную жизнь людей, их семейные и общежительные отношения, их экономические связи, а также все сферы духовного творчества, в науке, в искусстве, наконец, нравственное влияние людей друг на друга. Сюда же относятся и все те частные союзы, в которые люди вступают во имя своих частных целей» [4].

Таким образом, согласно Б.Н. Чичерину общество возникает не в результате принципа «салатницы», а в результате действия принципа «плавильного котла». Именно в общественном «плавильном котле» частная жизнь людей, их семейные и общественные отношения, их экономические связи, их деятельность в науке и искусстве, их нравственное влияние друг на друга создают общественную систему, которая не есть простая сумма интересов и воль отдельных личностей, а нечто большее. И это большее является тем раствором который скрепляет индивидуальные интересы и придает обществу устойчивость, динамизм и способность к модернизации. Сведение частных интересов к общему знаменателю губительно для общества. Кстати, история человечества дает достаточно примеров подтверждающих универсальность философского понимания общества Б.Н. Чичериным.

Список литературы

1. Чичерин, Б.Н. Наука и религия / Б.Н. Чичерин. – М.: Республика, 1999.

2. Чичерин, Б.Н. Положительная философия и единство науки / Б.Н. Чичерин. – М., 1877.

3. Чичерин, Б.Н. Философия права / Б.Н. Чичерин / Чичерин, Б.Н. Избранные труды. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.

4. Чичерин, Б.Н. Курс государственной науки. В 2 ч. / Б.Н. Чичерин. – М., 1894. – Ч. 2. Наука об обществе, или социология.

В.У. Галубовіч

Гродзенскі дзяржаўны аграрны універсітэт, г.Гродна, Halubovich2007@tut.by)

«НОВЫЯ» НАКІРУНКІ ГІСТАРЫЧНЫХ ШТУДЫЯЎ І «СТАРЫЯ» ПРАБЛЕМЫ ПАЛІТЫЧНАЙ НАВУКІ

Два апошнія дзесяцігоддзі сталі важнай вяхой у станаўленні шэрагу накірункаў беларускай гуманітарнай навукі. Адбылося гэта ў значнай меры ў выніку пачатковай дэідэалагізацыі палітычнага жыцця ў былым савецкім грамадстве. З'яўленне «несакралізаванай» палітыкі адчыніла магчымасць для станаўлення як самой «палітычнай навукі», так і палітычна арыентаваных гуманітарных ведаў, між іншым і палітычнай гісторыі. Калі казаць пра палітычную навуку, то яна ў Беларусі фактычна была створана як інстытуцыянальна, так і прафесійна з нуля. З'явіліся кафедры, вучоныя з адпаведнымі ступенямі і званнямі. Адначасова заўважным стала кола асобаў, якіх у медыях прадстаўляюць як палітолагаў, палітычных аналітыкаў і г.д. Паралельна з афіцыйнымі палітыкамі сталі функцыянаваць легалізаваныя ці нелегалізаваныя сучасным рэжымам дзеячы, аб'яднанні ды сродкі інфармавання грамадства. Так ці іначай палітыка ў сучаснай Беларусі стала сродкам існавання не толькі для дзяржаўнай бюракратыі, як у СССР, але і крыху большай часткі грамадзянаў. На пачатку новага дзесяцігоддзя XXI стагоддзя можна не толькі прызнацца, што паліталогія ў Беларусі выкладаецца [7, с. 14], але і дадаць, што яна стала на дастаткова трывалы фундамент: амаль два дзесяцігоддзі з моманту абвяшчэння Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце 27.07.1990 г. і амаль столькі ж гадоў самастойнага палітычнага існавання Рэспублікі Беларусь. Дадамо, што для прыбалтаў два дзесяцігоддзі незалежнасці ў першай палове XX ст. сталі своеасаблівым «глытком вольнасці», падставай для іх жадання развітацца з сям'ёй савецкіх народаў у канцы 1980-х гадоў.

Паралельна са станаўленнем палітычнай навукі сваё асвятленне атрымалі многія несправядліва «забытыя» у савецкі час эпізоды айчыннай палітычнай гісторыі. Звязаць сучаснасць і мінулае – гэта задача не толькі гісторыка, але і палітолага, між тым, здаецца, ні адны, ні другія асабліва не заўважаюць адно аднаго. Растлумачыць гэта нескладана. Нам падаецца, што айчынная палітычная навука, для якой абагульненне больш уласціва, чым апісанне, павінна інтэнсіўна ўзаемадзейнічаць і дапаўняць гісторыкаў, а не толькі чакаць лепшых часоў. Складваецца не вельмі карыснае для паліталогіі ўражанне, што гісторыкі, а не палітолагі з'яўляюцца заканадаўцамі моды. Для прыкладу возьмем адносна нейтральны перыяд у гісторыі Беларусі, калі яна з'яўлялася часткай Вялікага Княства Літоўскага ў межах Рэчы Паспалітай. У апошнія гады былі падрыхтаваныя цікавыя для

палітолагаў гістарычныя даследаванні па эліталогіі, гісторыі прадстаўніцтва, гісторыі палітычнай думкі. Аднак, беларускія гісторыкі, якія звяртаюцца да гісторыі палітычнай эліты [5], малавядомыя айчынным палітолагам. Не трэба спецыяльна аналізаваць працы нашых гісторыкаў, каб заўважыць, што метадалагічна яны суадносяць свае развагі не з «апошнімі» дасягненнямі беларускай паліталогіі, а, у лепшым выпадку, з мадэлямі, перанятымі ў польскіх калегаў. У гэтым няма нічога кепскага, але паўстаюць пытанні аб тым, дзе важкае слова тых, хто побач з намі, у чым сэнс такога малапрадукцыйнага суіснавання.

Айчынная палітычная навука на ўзроўні канчатковага прадукту, пад якім мы разумеем той акумуляваны ў падручніку мінімум ведаў, які трапляе да студэнта (часам гэта максімум інфармацыі, якой грамадзянін кіруецца напрацягу дзесяцігоддзяў), не ў поўнай меры мабілізуе пазнавальныя магчымасці гістарычнай навукі. Для прыкладу, нерэальна адшукаць у найбольш папулярных і рэкамендаваных Міністэрствам адукацыі Рэспублікі Беларусь выданнях ілюстрацыі формаў дзяржаўнага праўлення і ўладкавання на «айчынных» прыкладах. Між тым, складана для гэтага знайсці больш зразумелы і вядомы кожнаму студэнту з курса айчыннай гісторыі ўзор, чым дзяржаўнае ўладкаванне Рэчы Паспалітай: і манархія, і «рэспубліка», і федэрацыя тут суіснавалі ў адной сістэме. Апошнім часам дзякуючы намаганням беларускіх гісторыкаў з’явіліся перакладзеныя працы, не заўважыць якія палітолагі проста не ў стане. Напрыклад, у 2008 г. выдавецтва «Мэдысонт» выпусціла кнігу вядомага польскага гісторыка Анджэя Рахубы «Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569-1763 гг.» [8], якая з’яўляецца лепшым у гістарыяграфіі даследаваннем акурат інстытуцыянальнага боку палітычнай сістэмы ВКЛ – дзяржавы, якая існавала на беларускіх землях найбольш працяглы час. Выкарыстанне такіх прац пры вывучэнні «Паліталогіі» дазваляе атрымаць намнога большы эфект і накіраваную на практыку метадалогію аналізу палітычных інстытутаў і працэсаў, чым чытанне падручніка, дзе даецца, мякка кажучы, «папулярная» версія парламенцкай гісторыі [7, с. 170-171]. Вынікі нашых уласных даследаванняў пераконваюць, што вывучэнне ўстановаў самакіравання і прадстаўніцтва на лакальных прыкладах не толькі мае вялікія перспектывы, але і дае каштоўнейшы параўнаўчы матэрыял для зыходніх развагаў для характарыстыкі заканадаўчай і мясцовай улады, выбарчай сістэмы [2].

Амаль не запатрабаваным у сучаснай беларускай паліталогіі застаецца велізарны пласт палітычнай дакументацыі, звязанай з функцыянаваннем дзяржаўных устаноў ВКЛ і Рэчы Паспалітай у цэлым: у першую чару, гэта датычыцца «інструкцый», якімі беларуская шляхта перад кожным соймам забяспечвала сваіх паслоў, па сучаснай тэрміналогіі – дэпутатаў. Для вывучэння гісторыі палітычнай думкі на Беларусі вялікую каштоўнасць мае нядаўна апублікаваны зборнік такіх «інструкцый», складзеных у апошняй чвэрці XVIII ст. [1].

Не так багата ў беларускай паліталогіі даследаванняў палітычнай культуры, таму нават адзінкавыя працы гісторыкаў, прысвечаныя стану грамадзянска-палітычнай свядомасці, павінны быць цікавымі для паліталагаў. Добрам прыкладам такога кшталту працы з'яўляецца даследаванне палітычных уяўленняў беларускай шляхты канца XVI – першай трэці XVII стст., праведзенае мінскім гісторыкам Паўлам Лойкам [4, с. 86-94].

Спіс літаратуры

1. Анішчанка, Я.К. Збор твораў. У 6 т. Т. 5. Абывацелі правінцыі: Інструкц. шлях. сеймікаў бел. земл. ВКЛ (Літ. правінц.) канца XVIII ст.: зб. дакум. / Я.К. Анішчанка. – Мінск: Выд. В. Хурсік, 2009. – 532 с.

2. Галубовіч, В. Соймік Гарадзенскага павета ў XVI – XVII стст. // Гарадзенскі палімпсест. 2009. Дзяржаўныя ўстановы і палітычнае жыццё. XV – XX ст. / пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Гародня, 2009. – С. 152 – 178.

3. Латышонак, А. Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Вільня – Беласток: Інстытут беларусістыкі – Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. – 368 с.

4. Лойка, П.А. Шляхта беларускіх земляў у грамадска-палітычным жыцці Рэчы Паспалітай другой паловы XVI – першай трэці XVII ст. – Мн.: БДУ, 2002. – 99 с.

5. Падалінскі, У. Палітычная эліта Лідскага павета ў апошняй трэці XVI ст. // Беларускі гістарычны агляд. – Т. 16. – Сш. 1 (30). – 2009. – С. 3 – 30.

6. Политология: учебник / С. В. Решетников [и др.]; под ред. С.В. Решетникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 528 с.

7. Рахуба, А. Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569 – 1763 гг. – Мінск: Медысонт, 2008. – 424 с.

8. Уінтэр, Гэрбэрт Р. Канфлікт і кампраміс: Уводзіны ў палітычную навуку / Гэрбэрт Р. Уінтэр , Томас Дж. Бэлоўз; навук. рэд. В. Маруцік; пер. з англ. В. Маруціка. – Мінск: Тэхналогія, 2002. – 507 с.

Я.Л. Гельберг, Т.И. Баталко, Т.Я. Виноградова

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, vstu@vitebsk.by

СТРОИТЕЛЬСТВО СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Вот уже на протяжении 11 лет Россия и Беларусь уверенно движется по пути интеграции, невзирая на трудности и недоверие скептиков. Идет поступательное формирование союзного государства, успешно решаются

задачи экономического и социального развития, принимаются союзные программы. Цель, для которой объединились наши государства, состоит в создании основы для устойчивого экономического развития стран – участниц на фоне глобализации мировой экономики и усиления конкуренции. В настоящее время и в Беларуси, и в России созданы условия для такого развития, улучшены основные макроэкономические показатели, восстановленны разрушенные в начале 90-х годов деловые связи.

Сегодня мы как никогда ранее нуждаемся в осмыслении курса истории, ее логики, ее хода. Каждый день принимаются решения, от которых будет зависеть судьба грядущих поколений. Необходимо учиться понимать друг друга, избегать поспешных суждений, обрести дух подлинной толерантности и глубокого уважения к тому, что отличается (подчас существенно) от собственных ценностных систем, привычек.

Я.С. Яскевич определяет глобализацию как философско-культурологическую интегративную концепцию, отражающую тенденции мировой истории на современном этапе. В рамках данной концепции утверждается, что современное общество – это целостный и взаимосвязанный мир, постоянно сталкивающийся с необходимостью культурного плюрализма при решении глобальных задач современности (установление международного порядка на принципах равноправия и взаимного сотрудничества); развития экономической интеграции; проблемы предотвращения мировой ракетно-ядерной войны; экологические проблемы во всех проявлениях, демографические, энергетические, продовольственные проблемы; проблема использования космоса, субглобальные проблемы социокультурного, гуманитарного ряда, сознание связанное с ликвидацией эксплуатации, нищеты и других форм социального неравенства [1, с.243].

Все перечисленное автором верно. Но такое определение глобализации – академическое. Существенным является следующие дополнения автора: «Становится ясно, что при всей уникальности и неустранимости различий между отдельными цивилизациями – западной, исламской, индийской, африканской, китайской и другими, при всех их культурном, этническом, социальном плюрализме тезис о единстве мировой цивилизации уже не кажется ложной концепцией, и рассмотрение современного мира сквозь призму евроцентристскую, рационального, западного вида отвечает духу времени и глобальному планетарному мировосприятию» [1, с. 243].

Хотелось бы в это поверить, однако, сам ход исторического процесса свидетельствует, что в настоящее время планетарного мировоспитания глобализация действительно открывает перед всеми радужные перспективы при условии когда желание обязательно станет реальным.

Главное проявление глобализации – стремление к господству на всемирном рынке, где интересы отдельных стран в расчет не принимаются. Отсюда и проблемный вопрос – *что несет глобализация: расцвет, мир, справедливость или новые социальные тупики, гнет, безысходность*? Действительно, что?

Очень важный идеологический аспект, связанный с термином «глобализация» предельно ясно выразил бывший госсекретарь США Генри Киссинджер еще в 1999г.: «Главный вызов состоит в том, что то, что *обычно называют глобализацией, на самом деле просто другое название господствующей роли Соединенных Штатов*».[3,с. 125] Угроза миру со стороны США значительно возросла. Снова, как в период «холодной войны», началась гонка вооружений.

По данным мировой печати в 2007г. военные расходы составляют астрономическую цифру – свыше 1,4 триллиона долларов, из них половина приходится на США – действительную империю зла, столько же средств, сколько было израсходовано ею в 1988 году. В этих условиях – глобализации мировой экономики и усиления конкуренции – приобретают особое значение интеграционные процессы между Россией и Беларусью. В основе Союза лежат не только социальные, культурные, экономические, но и военно-политические цели, стремление вместе разрабатывать стратегию внешнеполитической деятельности.

Международная обстановка диктует необходимость оборонного сотрудничества двух государств. Из Германии в Польшу перемещаются американские военные базы. В Эстонии, после ее вступления в НАТО, 8 военных аэродромов перешли в распоряжение альянса. Здесь планируется разместить три натовских радиолокационных поста для слежения за западными районами России. В Латвии установлен мощный радиолокатор, обеспечивающий контроль за воздушным пространством России на глубину нескольких сот километров. Беларусь является последним рубежом на пути продвижения НАТО к границам России. Поэтому развитие оборонного сотрудничества, использование геостратегических преимуществ Беларуси являются важными факторами создания системы коллективной безопасности. На территории нашей страны на боевом дежурстве в составе сил противоракетной обороны Российской Федерации расположена станция противоракетного наблюдения (СПРН) «Волга» в районе белорусского города Ганцевичи, способная отслеживать пуски МБР на всей территории Европы, а также со стороны Атлантического океана. В белорусском городе Вилейка находится отдельный радиотехнический узел связи «Антей» ВМФ России, который осуществляет управление стратегическими силами России и СНГ, Центр управления связи с надводными и подводными морскими силами России, включая атомные подводные лодки. Благодаря Беларуси, из военно-стратегической изоляции выводится и Калининградский особый оборонительный район. Балтийский флот, обеспечивающий безопасность на западных рубежах, связан с Россией жизненно важными коммуникациями (например, газопроводом), проходящими через территорию Беларуси и Литвы.Создаются межгосударственные финансово-промышленные группы (МФПГ) для реализации расчетного оборонного заказа через создание совместных предприятий.

Так, в состав МФПГ «Оборонительные системы» входят УП «Минский завод колесных тягачей», РУП «2566-й завод по ремонту радиоэлектронного вооружения», спецпроизводство УП «Минский тракторный завод». МФПГ «Электронные технологии» представляют НПО «Интеграл», ОАО «Горизонт», РУПП «Витязь» и ПО «Монолит».Геостратегическая ситуация в Евразийском регионе и военно-политическая обстановка на западном направлении таковы, что только динамическое развитие военно-технического сотрудничества в Союзном государстве России и Беларуси будет способствовать обеспечению стабильности и безопасности на нашем континенте.

Список литературы

1. Яскевич, Я.С. Основы идеологии белорусского государства. Вопросы и ответы / Я.С. Яскевич. – Минск: ТетраСистема, 2004. – С.243.

2. Паўлаў, С. «Асцярожна: глабалізм» / С. Паўлаў // Мастацкая літаратура. – 2005. – С – 125.

Ю.А. Головин

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, yagolovin@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вместе с советской политической системой была разрушена и советская система общественных наук, в том числе и три составные части марксизма-ленинизма: марксистско-ленинская философия, политэкономия и научный коммунизм. Вполне объяснимо, что представители этих дисциплин стали наиболее активными участниками формирования политологического образования в нашей стране. В Ярославской области инициатором подготовки специалистов – политологов стал профессор Янкевич Петр Федорович, заведующий кафедрой научного коммунизма Ярославского государственного университета. Благодаря его усилиям, в Ярославском государственном университете в 1991 году была открыта специальность «Политология» сначала по вечерней (очно-заочной) форме обучения, а затем, в 1992 году, и по форме очного обучения. В последствии были открыты кафедры политологии и социологии в высших учебных заведениях области: Ярославском государственном педагогическом университете имени К.Д. Ушинского, Ярославском государственном техническом университете, Рыбинской государственной авиационной академии и других.

Естественные в период становления новой специальности трудности организационного, научно-теоретического и методического характера несколько смягчались тем, что в начале 90-х годов политология как наука и учебная дисциплина стала весьма популярна, появилось много переводной политологической литературы, изданы учебники по политологии.

Первоначально основу читаемых курсов составляли наработки зарубежных политологов. Преподаватели и студенты первых наборов практически одновременно осваивали теорию политики, понятийный аппарат, изучали работы ведущих западных ученых. Интерес к политологическим знаниям, накопленных в США и странах Западной Европы подкреплялся популярными среди студентов-политологов либеральными идеями и предпочтениями. С первых лет обучения теоретический курс сочетался с формированием практических навыков политической деятельности. Большинство студентов принимали участие в предвыборных кампаниях Е. Мизулиной (Совет Федерации и Государственная Дума РФ), многие стали активистами политических партий, преимущественно либерального толка («ЯБЛоко», СПС).

Этому во многом способствовал Мизулин Михаил Юрьевич, сменивший П.Ф. Янкевича на посту заведующего кафедрой социально-политических теорий в 1994 году и одновременно декан факультета общественных наук. В этот период было подписано соглашение между факультетом и губернатором области о развитии политологического образования в Ярославской области и поддержке в трудоустройстве выпускников.

В 2000 году заведующим кафедрой социально-политических теорий стал Головин Юрий Алексеевич. Это совпало с задачами по внедрению в учебно-воспитательный процесс Госстандарта второго поколения.

В ходе освоения государственных образовательных стандартов второго поколений по специальности «Политология» удалось сбалансировать учебный план и содержание читаемых курсов, большее внимание уделяется работам отечественных политологов, исследованию политических процессов в современной России.

Организация учебного процесса в высшем учебном заведении нацелена на конечный результат: востребованность выпускников на рынке труда. Для того, чтобы создать оптимальный учебный план и определить наиболее целесообразную специализацию по нашей специальности, мы внимательно изучили как трудоустраиваются наши выпускники. Оказалось, что большинство наших выпускников работают в средствах массовой информации: телевидение, газеты, журналы, радио. Несколько меньше из числа выпускников являются штатными работниками партийных аппаратов, общественно-политических организаций, специалистами по связям с общественностью. Довольно представительным среди наших выпускников оказалось количество политтехнологов в период выборных кампаний. Вместе с тем, ежегодно около 1/3 выпускников поступало в аспирантуру ярославских вузов на различные специальности: политические, социологические, исторические и экономические науки.

Соответственно, при составлении 5-ти летнего учебного плана мы сочетаем и теоретические, и прикладные дисциплины. В учебном плане предусмотрен приоритет общетеоретических дисциплин на 1-3 курсах, и упор на прикладные дисциплины на 3 – 5 курсах. Такой подход мы полагаем более целесообразным, и в этом нас поддерживают наши выпускники. По мнению выпускников – широкая общетеоретическая база позволяет им быстро реагировать на новые потребности в политической сфере и быть востребованными.

Мы полагаем, что наши выпускники должны хорошо ориентироваться как в региональных, так и в глобальных политических процессах. Поэтому кафедра социально-политических теорий активно сотрудничает с ведущими академическими центрами России, что позволяет обеспечивать высокий теоретический и прикладной уровень подготовки специалистов-политологов. Существенным вкладом в совершенствование подготовки специалистов-политологов стало создание в январе 2001 года совместно с Институтом социологии РАН учебно-научного центра по конфликтологии. В соглашении о сотрудничестве между Институтом социологии РАН и Ярославским государственным университетом имени П.Г. Демидова определены основные направления совместной деятельности.

Деятельность Учебно-научного центра направлена на совершенствование научных исследований в области политической конфликтологии, повышение качества подготовки будущих специалистов, усиление влияния интеллектуального потенциала Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова на деятельность государственных и негосударственных учреждений в Верхне-Волжском регионе.

Учебно-научный центр по конфликтологии по своим целям и функциям является структурным учебно-научным подразделением ЯрГУ, призванным обеспечить научную разработку проблем политической конфликтологии и внедрение результатов этих исследований, а также достижений отечественной и мировой конфликтологической мысли, в учебный процесс, деятельность университета во всех ее составляющих, включая как основное направление деятельности вуза (подготовка кадров высшей квалификации), так и взаимодействие университета с другими организациями (в том числе общественно-политическими), структурами государственной власти.

Совместно с Институтом социологии РАН ярославский учебно-научный центр по конфликтологии в течение 2001 – 2010 годов проводил мониторинговые исследования социальных напряженностей в Ярославской области. Полученные в ходе социологических исследований данные позволяют выявить некоторые особенности вызревания социальной напряженности в регионе, объективные и субъективные источники потенциальных конфликтов.

Не менее важным направлением развития политологии является повышение квалификации научно-педагогических кадров. Представители

Ярославской области принимали участие во всех конгрессах российских политологов, на базе кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова действует Ярославское региональное отделение Российской ассоциации политической науки, а в 2006 году создано региональное отделение Академии политической науки, первыми академиками в Ярославской области стали Бабуркин С.А., Величко В.В., Винокуров Е.А., Головин Ю.А. Нажмудинов Г.М.

Активизация научных контактов с ведущими центрами российской политической науки и рост интереса столичных политологов к региональным проблемам свидетельствует не только о признании научно-педагогического потенциала ярославских политологов, но и обозначает назревшие вопросы развития всей российской политической науки. Это касается как сферы политологического образования, так и собственно научной области.

При Ярославском государственном университете имени П.Г. Демидова с 2008 года действует докторский диссертационный совет по политическим наукам (специальность 23.00.02). Ранее успешно действовали кандидатские диссертационные советы по научному коммунизму (советский период), политической социологии и политическим наукам.

За время работы кандидатского диссертационного совета по политическим наукам (2003 – 2007) состоялись защиты более 30 диссертаций, причем не только подготовленных в Ярославской области, но и в соседних Костромской и Владимирской областях. В докторском совете защищены диссертации по актуальным проблемам политической науки.

Таким образом, представляется, что в нашем регионе есть все условия для развития и совершенствования политологического образования: в основном сформировано научно-педагогическое политологическое сообщество, накоплен определенный опыт подготовки специалистов, бакалавров и магистров политологии, успешно работают диссертационные советы по политическим наукам. Но и успокаиваться нельзя – требования к подготовке политологов постоянно возрастают

Н.Н. Гончаров

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мировой опыт доказывает, что любое современное государство нуждается, прежде всего, в своей безопасности, как внешней, так и внутренней и во взвешенном решении задач в данной сфере. Демократические преобразования в Республике Беларусь, затронувшие все аспекты жизнедеятельности общества, объективно создали условия для всестороннего обоснованного разрешения обозначенной проблемы и функционирования

общественной системы контроля. Изменилось также понимание национальной безопасности, сущность которой в современных условиях находит выражение в обеспечении жизненно важных интересов общества, каждого его члена и государства в целом. Национальная безопасность охватывает политическую, экономическую, военную, экологическую, социальную и другие сферы. Важное место здесь занимают меры по предотвращению войн и угрозы использования силы, правильному решению этноконфессиональных и территориальных вопросов, поддержанию внутренней стабильности и устойчивости государства. Реальности современного миропорядка, усложнение взаимосвязей между странами и народами, глобализация мировых процессов, переплетение национальных и наднациональных начал заставляют по-новому проанализировать и сформулировать национальные интересы и приоритеты национальной безопасности. Необходимо иметь в виду, что процесс дифференциации национальных интересов Республики Беларусь еще не завершен, а отсюда следуют определенные сложности и трудности, возникающие при разработке и дальнейшем совершенствовании концепций национального интереса и национальной безопасности. Как правило, концепция национальной безопасности формируется в связке «государство – внешняя среда».

Исходя из этого, можно считать, что основными угрозами безопасности современной Беларуси могут быть:

• отставание в экономической и информационной сферах от индустриально развитых стран; ослабление экономической самостоятельности страны из-за нехватки энергоресурсов; блокирование доступа к мировым рынкам и передовым технологиям;

• международный терроризм и наркомафия;

• геополитическая неопределенность в масштабах мирового сообщества;

• деятельность иностранных спецслужб и используемых ими организаций;

• распространение оружия массового уничтожения и средств его доставки и т.д.

Вместе с тем, многоплановый процесс обеспечения безопасности охватывает такие уровни как личностный (личная безопасность), государственный уровень (национальная безопасность), региональный (региональная безопасность), глобальный уровень (всеобщая безопасность). Все обозначенные уровни взаимосвязаны, и отсутствие безопасности на одном из них существенно влияет или порой сводит на нет такую безопасность на других.

В условиях трансформирующегося общества, нестабильности общественного развития человеку сложно увидеть контуры будущего, найти оптимальные средства разрешения конфликтных ситуаций, познать свое истинное предназначение. Данные факторы порождают страх у человека, что в определенной степени парализует его волю, либо способствует импульсивным защитным действиям с его стороны. Это, в свою очередь, увеличивает существующие опасности как внешнего, так и внутреннего порядка.

Для разрешения этой задачи необходима теоретическая разработка проблем самореализации личностью своих индивидуальных возможностей безопасного существования и практических программ, направленных на создание соответствующих условий, как в личностном, так и в общественном масштабах. Необходима разработка комплексной программы гуманитарной безопасности, которая, с одной стороны, была бы ориентирована на ограничение и устранение социально-экономических и общественно-политических причин опасных ситуаций, а с другой стороны на повышение индивидуальных возможностей защиты от широкого спектра опасностей или их угроз.

В первую очередь следует сократить экстенсивное производство во всех сферах человеческой деятельности, которое базируется на беспределе индивидуалистического накопления и акцентировать внимание на глобальной концепции сосуществования противоположностей. Суть данной концепции находит выражение в том, что после противоборства обязательно наступает время взаимовоплощения, а не поражения одной из сторон. Механизм устойчивого мира находит выражение в непрерывной цикличности этапов, что позволяет достичь безопасности всех участников процесса, в том числе в межличностном взаимодействии. Таким образом, в модели гармоничного взаимодействия для стандартных и кризисных ситуаций, можно выделить следующие этапы:

а) конфронтационный этап, для которого характерна максимальная напряженность противоборства;

б) разрешение или урегулирование противоречия;

в) стабилизация обстановки по проблеме, вызвавшей противоборство.

Правда, третий этап может содержать в себе возможность новой конфронтации. Однако в целом цикл диалектически замыкается.

Данные положения лежат в основе методологии проектирования процесса личной безопасности. Психоанализ позволяет выявить следующее: если человек не утруждает себя познанием собственного существования, то под воздействием неблагоприятных обстоятельств, он нередко впадает в отчаяние. В этом случае унылость, зависть, злость и ненависть толкают личность к действиям, составляющим человеческое измерение опасности. Поэтому необходима морально-психологическая подготовка личности для избавления от страха перед мнимыми угрозами, от страдательности из-за мелочей и неудобств личной жизни.

Для позитивного решения этой проблемы необходим ряд условий. Во-первых, вооружение человека научным знанием о трансцендентности его существования и осознание им направлений гармоничного вхождения в жизнь. Это должно найти отражение в понимании единства природы и человечества и своей особой роли, нашедшей выражение в творческой активности. Вторым условием выступает обретение человеком навыков оптимального взаимодействия, при котором он научается профилактировать угрозы и выходить из опасных ситуаций с минимальным ущербом.

Русский писатель Л.Н. Толстой призывал к непротивлению злу не любыми, а праведными средствами. То есть не жажда мщения, а необходимость торжества сил добра порождает момент непобедимости саморазвивающегося человека. В-третьих, внутреннее самосовершенствование личности. Здесь можно воспользоваться простыми психотехническими приемами, позволяющими противодействовать психическому перенапряжению и прийти в оптимальное состояние. В-четвертых, это определение режима жизни и деятельности в соответствии с биоритмами, а также биоэнергетическая защита от негативных воздействий на личность. В-пятых, необходим пересмотр стереотипов современной жизни, отказ от тех стандартов выживания, которые навязываются СМИ.

Процесс развития сознания человека достаточно сложен и противоречив. Сознание личности представляет собой сочетание рационального и эмоционального, переплетение мировоззрения, традиций и привычек. Оно функционирует в различных формах, зависящих от характера деятельности его носителя. Для развития сознания и формирования его нового качественного уровня необходимо совершенствовать реальную жизнь. Важнейшими средствами в данном процессе должны в комплексе выступить: демократизация общественной жизни; углубление знаний и совершенствование системы обучения; развитие политической культуры; повышение нравственных начал личности и другие.

Нужна научно обоснованная концепция управления, позволяющая сформировать механизм, при помощи которого люди наиболее эффективным образом смогли проявлять свои способности, инициативу, творчество, ответственность при принятии решений.

О.Е. Гришин

ГУП МосНПО «Радон», Москва, Helg-g@rambler.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ

В условиях дальнейшего реформирования и модернизации российского государства и общества политические процессы по-прежнему требуют систематической технологизации и управления, существует необходимость в формировании блока различных знаний, средств и методов прагматического характера, основанных на достижениях смежных наук.

Изучение потенциала применения широкого ряда политических технологий необходимо и возможно для управления политическими процессами в определенных границах. Важной задачей становится реализация последовательно применяемых технологических процедур, приемов и способов деятельности позволяющих привести процесс управления к опти-

мальным количественно-качественным затратам различных видов ресурсов. Исследование современных политических технологий актуально в связи с их многообразием, спецификой и преобразующей сущностью.

Потребность в политической стабильности, механизме политического управления, способном эффективно адаптироваться к меняющимся политическим условиям выдвигает на первый план применение знаний общей методологии и конкретных политических технологий, особенно в тех случаях, когда объектом непосредственного воздействия становится сам политический процесс.

Российская политическая наука активно ведет поиск прикладной проблематики, продолжая намечать сферы приложения современных политических технологий, которые призваны встроить политологию в систему современных наук и обеспечить внедрение добытого ею знания в политическую практику. Технологическая ориентация политики и политической науки проявляется не столько в ее непосредственном взаимодействии с техническими науками, сколько в использовании присущих им алгоритмически четких стандартов практически ориентированного прикладного знания. Взаимосвязь политики и политической науки с техническими дисциплинами осуществляется не сама по себе. Она опосредована, в частности кибернетикой, системотехникой, теорией информации, которые обеспечивают разворот их проблематики на оптимизацию политической деятельности. Необходимо также учесть влияние на политическую науку современной праксиологии в виде двустороннего процесса, такого как технологизации гуманитарного знания. Современная праксиология стремится выделить позитивные принципы рациональной организации деятельности в различных сферах социально-политической практики не столько с позиций общей теории систем – биологических, социальных, технических, но и с учетом обществознания.

Технологический подход предполагает ориентацию на постижение роли принципов стандартизации рецептуры, обеспечивающих воспроизводимость результатов. Технологическое познание связано с анализом конкретных повседневных ситуаций для определения и организации сил и средств достижения результата. Система технологических знаний обеспечивает воспроизводимость получаемых результатов при условии выполнения определенной последовательности действий и использования необходимых средств деятельности. При этом пространственно-временная последовательность технологических операций определяется поставленной целью.

В основу «технологического» подхода к осмыслению сущности технологий в политической сфере можно положить следующие суждения:

• технологии в общественной сфере являются разновидностью, конкретной формой всеобщего процесса технологизации, логическим продолжением технической и технологической революции в обществе;

• они рассматриваются как особая функция социально-политического управления, как неотъемлемое звено его механизма, как комплекс соци-

ально-политических действий, как деятельность по целенаправленному преобразованию социально-политических объектов;

• такие технологии принципиально отличаются от производственных технологий тем, что системы социального порядка обладают высокой степенью свободы, а процессы функционирования этих систем не поддаются полной алгоритмизации. Конечно, социальные и политические процессы носят не хаотический характер, что предопределяет возможности конструирования и внедрения социальных, политических, управленческих и иных технологий в таких системах, но на принципиально иных установках;

• по своим инструментальным характеристикам и логике конструирования технологии в общественной сфере опираются на достижения общей теории технологии и представляют собой способ реализации людьми конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций.

Политические технологии переводят в плоскость практической политической активности теоретическое политологическое знание, позволяя тем самым использовать все многообразие политических закономерностей, ценностей, принципов, норм, факторов и т.п. при определении целей, средств и методов осуществления политики, в этом, собственно, и состоит сущность процесса технологизации политической среды.

Отправной методологической точкой рассмотрения сущности и содержания технологизации политических процессов является вывод о том, что основным вопросом теории и практики прикладной политической деятельности является ее связь с научным знанием. При этом в процессе технологизации политической сферы сливаются воедино два вида знаний. Первый генерируется в политических науках, изучающих потенциальные объекты технологизации, проходя через стадию фундаментальных эмпирических исследований и разработок. Второй, оформленный в систему правил, регулирует само конструирование и осуществление политико-технологического процесса.

Политология как полипарадигматическая дисциплина допускает конвенциональность. Дадим одно из определений политики. Политика – это сознательная деятельность в политической сфере общества, направленная главным образом на достижение, удержание, укрепление и реализацию власти: отношения между социальными группами и их лидерами по поводу государства, использования его институтов в своих интересах; деятельность в сфере отношений между государствами и их союзами (объединениями). Такое трактование термина «политика» достаточно четко определяет ее технологический характер. Политическая деятельность структурно заключает в себе цель, средства, процесс деятельности, прогнозируемый и реальный результат. Основополагающими в политической деятельности выступает сознательно принятая цель. Не всякую политическую деятельность можно назвать технологической. Главное отличие между политической деятельностью вообще и политической технологией ле-

жит в следующем: наличие опыта, знаний о том, как оптимально добиться желаемого результата и эффективное использование властных ресурсов.

Основной проблемой при изучении политических технологий, является не только определение системы понятий, учитывая плюрализм самой политологии, формулировка не может быть однозначной, но и в построении семиотической системы языковых единиц, ее семантической, синтаксической и прагматической подсистем.

Сегодня экспертное политологическое сообщество все больше интересуют технологии партийного брендинга, формирования репутационного капитала и имиджа государства, политической коммуникации, политической рекламистики, ведения политических переговоров. Технологически ориентированные знания, способы и методы в политике стали первостепенными, самостоятельными и самодостаточными. Этому способствует сформировавшийся спектр консалтинговых, информационно-аналитических и PR-структур, а также деятельность политических PR-менеджеров, политконсультантов, политтехнологов, имиджмейкеров на разных уровнях политической системы реализующих политические технологии.

А.В. Гусев

Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, г. Минск, ispi@ispi.gov.by

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С НАТО

Взаимоотношения Республики Беларусь с НАТО являются одними из самых сложных направлений белорусской внешней политики. Это связано со следующими обстоятельствами: а) геополитическое противостояние России и НАТО. Несмотря на периодические заявления об отсутствии какого-то соперничества между НАТО и Россией, на практике эти утверждения представляются голословными, о чем свидетельствуют, в частности, Косовский и Грузинский конфликты, б) стремление Республики Беларусь проводить многовекторную внешнюю политику и строительство Союзного государства России и Беларуси, в) попытка альянса втянуть страны бывшего СССР в зону своего влияния, г) реальная военная угроза со стороны НАТО для правительств, не придерживающихся откровенно западной ориентации (как в случае с Югославией).

В истории взаимоотношений Беларуси и НАТО можно выделить два основных периода: а) 1992 – 1999, б) 1999 – настоящее время.

Отношения Беларуси с НАТО начались с подключения в начале 1992 г. к Совету североатлантического сотрудничества (ССАС), который был создан в конце 1991 г. лидерами НАТО с целью адаптации альянса к новым условиям и развития сотрудничества с бывшим Восточным блоком [3]. С

того времени Беларусь принимала участие во всех ежегодных сессиях ССАС на уровне министров иностранных дел и обороны. Этот период характеризовался постепенным развитием отношений между республикой и Североатлантическим альянсом. Стратегическая задача НАТО на этом этапе заключалась в том, чтобы, воспользовавшись дезинтеграционными процессами на постсоветском пространстве, втянуть Беларусь (а также другие страны Центральной и Восточной Европы) в зону своего влияния. Все это означало бы значительное ослабление позиций России и окончательную утрату ее статуса великой державы.

Большое значение НАТО придавала выводу с территории Беларуси российского стратегического вооружения и безъядерному статусу нашей страны (получен в 1996 г.).

После избрания в 1994 г. Президентом Республики Беларусь А.Г.Лукашенко внешняя политика нашего государства получила четкие и ясные ориентиры: интеграция с Россией. В 1995 году альянс попытался затормозить белорусско-российское сближение путем привлечения нашей страны к участию в натовских программах. Так, Беларусь стала участником программы «Партнерство ради мира», а в июне этого же года впервые приняла участие в заседании ССАС в Осло [3]. Однако подписание 2 апреля 1996 года Договора о создании Сообщества Беларуси и России фактически поставили крест на планах НАТО по формированию прозападной белорусской внешней политики.

После этого практическое сотрудничество между Беларусью и НАТО развивалось формально, в большей мере из-за позиции белорусской стороны, в основе которой лежало категорическое неприятие намерений альянса по расширению на Восток. Наряду с Россией Беларусь заняла жесткую позицию в этом вопросе, на всех уровнях заявляя о том, что считает исторической ошибкой прием в НАТО новых членов из числа стран бывшего Восточного блока. Исходя из этого, Беларусь принимала формальное участие в программе «Партнерство ради мира». Однако наша страна выполнила все ранее принятые на себя обязательства и осуществила в 1996 г. вывод со своей территории ядерного оружия. В 1998 г. Беларусь открыла свое постоянное представительство при штаб-квартире НАТО в Брюсселе, продемонстрировав таким образом свою готовность к дальнейшему плодотворному и взаимовыгодному сотрудничеству.

Переломным в развитии отношений Беларуси и НАТО стал 1999 год. Подписав 8 декабря 1999 года Договор о создании Союзного государства Беларуси и России, наша страна окончательно определила свои геополитические приоритеты. Отныне отношения с Западом стали выстраиваться практически исключительно в контексте союзных интересов в области обороноспособности.

В марте 1999 года эти отношения резко обострились из-за начавшихся натовских бомбардировок Югославии. В знак протеста наша страна прекратила всяческие отношения с альянсом. В ответ она была обвинена в

нарушении демократии и подавлении свобод [3]. Впоследствии, эти обвинения стали стандартными. Особая опасность заключалась в том, что НАТО со всей отчетливостью продемонстрировала свою готовность устанавливать прозападные режимы военной силой. В условиях расширения альянса на восток и усиливавшейся антибелорусской риторики, перспективы нормальных белорусско-натовских отношений становились все более зыбкими. На первое место вышло формирование совместного белорусско-российского оборонного пространства.

Нормализация отношений Беларуси с НАТО началась только в 2004 г. с восстановления нашего участия в программе «Партнерство ради мира». Во многом этому способствовала прагматичная позиция Беларуси. Так, 10 июля 2002 года на заседании Совета безопасности Александр Лукашенко сказал, что Беларусь должна учитывать необратимость процесса расширения НАТО при формировании своей внешней политики. В итоге Совет безопасности принял ряд решений, нацеленных на углубление практического взаимодействия с НАТО в рамках Совета евроатлантического партнерства и «Партнерства ради мира» [1]. Правда, речь шла об углублении сотрудничества на так называемом техническом уровне. На политическом уровне отношения фактически оставались замороженными.

В настоящее время Североатлантический альянс – это один из главных факторов, определяющих картину безопасности в Европе и, в частности, в нашем регионе. Беларусь не может игнорировать это обстоятельство. Кроме того, после присоединения к НАТО Польши, Литвы и Латвии наша общая граница составила 1.200 километров. Все это и обуславливает то, что отношения Беларуси и НАТО должны быть отношениями конструктивного сотрудничества. Граница должна быть границей не конфронтации, а взаимодействия и добрососедства [2].

В настоящее время отношения Беларуси и НАТО развиваются по следующим направлениям: сотрудничество в области безопасности, разоружения, науки и информации [3]. Так, НАТО оказывает определенную помощь в подготовке белорусских вооруженных сил для участия в возможных миротворческих операциях в рамках «Партнерства ради мира». Выполняя подписанную в 1997 г. Конвенцию о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Оттавский договор), Беларусь при помощи НАТО уничтожила около 700 тыс. таких мин, хранившихся на ее территории. С 2001 г. наша страна приняла участие в более, чем 40 совместных с НАТО научных проектах в области телекоммуникаций, изучения последствий аварии на ЧАЭС, систем обнаружения взрывчатых веществ.

Таким образом, в настоящее время произошла нормализация отношений Беларуси и НАТО. Постепенно они принимают конструктивный и прагматичный характер. В частности, об этом свидетельствует визит в декабре 2008 года в Минск помощника генерального секретаря Роберта Симмонса [1] и визит в феврале 2009 года бывшего генерального секретаря

Х.Соланы. Большое значение имеет взаимодействие в сфере борьбы с оборотом наркотиков и торговлей людьми, предотвращения чрезвычайных ситуаций [2]. Однако дальнейшее конструктивное взаимодействие Республики Беларусь с НАТО во многом будет определяться успехом на пути заключения договора о создании системы безопасности, основанной на принципе неделимости безопасности для всех европейских стран.

Список литературы

1. Быковский, П. Беларусь и НАТО: отношения могут развиваться и дальше / П. Быковский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.dw-world.de/ – Дата доступа: 05.02.2009.

2. Кольченко, И. Географическая карта безопасности / И. Кольченко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pda.sb.by/post/37435/ – Дата доступа: 05.02.2009.

3. NATO's relations with Belarus [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.nato.int/ – Date of access: 05.02.2009.

Е.В. Давлатова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, г. Витебск, davlatova.elena@rambler.ru

СТИЛЬ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ЛИДЕРА

В нормальном, цивилизованном обществе политика осуществляется для людей и через людей. Какую бы значительную роль ни играли социальные группы, массовые общественные движения, политические партии, ее главным субъектом выступает личность. Партии, общественные и политические организации состоят из реальных личностей и, только через взаимодействие их интересов и воли определяется содержание и направленность политического процесса, всей политической жизни общества.

Лидерство – это способ организации власти в гражданском обществе с развитым политическим сознанием всех или большинства его социальных слоев. Члены гражданского общества – мыслящие участники политической жизни, поэтому они имеют возможность сознательно выбирать себе лидера. Поведение же лидера должно убеждать их в том, что его действия правильны, выгодны и полезны для общего дела.

Непосредственно политическая деятельность как стиль лидерства проявляется не только в особенностях принятия решений, но и в организации их выполнения. Стиль принятия политических решений предполагает особенность привлечения собственного творческого потенциала при использовании предпочитаемых средств и методов решения этой задачи.

Стиль принятия решения составляется из нескольких компонентов: подход к получению новой информации; характеристика мышления; предпочтение определенной величины риска; когнитивная активность, то есть способность к анализу и синтезу; информационные процессы; последовательность и способность противостоять двойственности.

Подход к получению информации о политических объектах является очень важной характеристикой лидера, определяющей остальные познавательные процессы. Здесь возможны различные варианты подходов к информации. В основном, выделяют три: склонность воспринимать лишь ту информацию, которая совпадает с собственной точкой зрения; склонность получать максимальную информацию обо всех сторонах вопроса, отсутствие боязни противоречащей его точке зрения информации; склонность получать любую, как позитивную, так и негативную, информацию о проблеме, но в сжатой, схематической форме.

В оценке стиля принятия решения политическим лидером очень важным критерием является когнитивная активность, то есть уровень дифференциации и интеграции, который характеризует информационный процесс политического лидера. Она проявляется в письменных и речевых текстах.

Когнитивная активность имеет два взаимосвязанных аспекта сложности: концептуальную и интегративную сложность. Концептуальная сложность представляет собой степень дифференциации, которую политический лидер демонстрирует при описании или обсуждении других людей, политики, идей. Чем более концептуально сложен политический лидер, и может видеть различные причины и стороны событий и явлений, тем более он склонен считаться с возможностью двойственности в окружающем мире и тем более гибок он в реагировании на объекты или идеи. Чем более концептуально прост политический лидер, тем сильнее у него тенденция классифицировать объекты и идеи с помощью полярных измерений: хорошо – плохо, или – или. Тем сильнее выражено его нежелание видеть неопределенность и двойственность в своем окружении, и реагировать однообразно на события и ситуации.

Интегративная сложность означает способность соотносить различные элементы и измерение проблемы или ситуации путем создания комбинаций, синтеза, интеграции. При различных уровнях дифференциации и интеграции в информационном процессе лидером применяются различные стратегии решения.

Таким образом, интегративная сложность является атрибутом процесса получения, интерпретации и интеграции информации.

Гибкость мышления политического лидера тесно связана с его подходом к получению информации. Если он получает широкую и разностороннюю информацию, то он оперирует более адекватными объемными образами, позволяющими мыслить большим набором категорий. В то же время жесткость мышления не редко определяется большим количеством политических стереотипов, однако стереотипность мышления не может

рассматриваться однозначно как препятствие к изменению политического курса, повороту его в иное русло. Стереотипность сужает эту способность, но все, же политик, оперирующий в основном в своем мышлении политическими стереотипами, может трансформировать свое поведение в мире, придать ему другую направленность.

Продуктивность мышления отражает способность лидера к рождению новаторских и оправданных реальностью политических идей. Не секрет, что в большинстве правительств мира политическая стратегия вырабатывается определенной группой людей. Однако политический лидер весьма часто стоит перед задачей быстрого решения, принципиально нового подхода к проблеме, без опоры на советников и экспертов. В таких ситуациях непродуктивность мышления может привести политического лидера к серьезным затруднениям и даже кризисам. При динамическом развитии политической ситуации, особенно конфликтной, неспособность к принципиально новым подходам и идеям столь же губительна, как и опора на отжившие и уже не соответствующие моменту стереотипы.

Скорость мышления политического лидера – очень существенная характеристика для выживания как его государства в момент военно-политического кризиса, так и его самого в качестве главы правительства. Конечно же, можно говорить лишь об относительной медлительности мышления у некоторых политических лидеров, поскольку тугодум просто в силу естественного отбора не может стать лидером государства.

Аналитическое мышление лидера существенно влияет как на формирование долгосрочной политической стратегии, так и на принятие экстренных решений в острых политических и международных кризисах. Способность выявить все составные элементы ситуации, их взаимосвязь, структуру в целом позволяет лидеру увидеть причинно-следственные связи в политических явлениях.

Стиль принятия политических решений строго индивидуален для каждого политического лидера. Это может быть гибкий стиль со склонностью к риску или со склонностью к осторожности; жесткий со склонностью к риску или со склонностью к осторожности; эмоционально зависимый или рациональный; творческий или стереотипный; интро- или экстравертно направленный и др.

Другая сторона стиля лидерства проявляется в его межличностных отношениях. Успех политического лидера в межличностных отношениях зависит, в том числе и от совместимости его потребностей с потребностями других партнеров по общению. Политические лидеры с сильной потребностью в личном контроле поведения других людей хорошо совместимы с теми, у которых развита потребность быть контролируемыми. Политические лидеры с сильной потребностью в эмпатии совместимы с теми, у кого есть потребность давать любовь людям. Политические лидеры с высокой мотивацией достижения совместимы с теми же, кто стремится к достижению собственных вершин.

Таким образом, психологические характеристики политического лидера, различных сторон его деятельности и общения раскрывают основные стороны актуальной проблемы. Практика последних лет показывает, что без обращения к этим глубинным слоям психологической теории личности, деятельности и общения, созданных отечественными и зарубежными исследователями, невозможно обеспечить концептуальной направленности и практической действенности политического лидерства, а значит, не может стать востребованной реальной современной практикой.

С.С. Давыденко

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, dss_47@mail.ru

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ БЕЛАРУСИ

В самых стабильных государствах происходят политические изменения под влиянием экономических, социальных, международных, факторов. Осуществляются реформы, происходят процессы институализации и в Беларуси. Задачей белорусского государства является наилучшим образом организовать властные отношения с целью поддержания порядка, обеспечения общественной стабильности, урегулирования общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности граждан страны. Основная функция государственных институтов – институциональная стабильность, способствует росту экономического и общественного капитала в Беларуси. Именно поэтому исследование процессов институализации в общественно-политическом процессе является крайне актуальной проблемой.

Институт – означает совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения. Один из основоположников теории институтов Морис Ориу, в основе понятия «институт» выделяет индивидуальное и социальное начало. М. Прело отмечает, что возникновение институтов обусловлено потребностями людей к объединению, к созданию новых структур, которые предписывают людям соответствующие нормы и правила поведения, новые ценности. Институты можно рассматривать как набор формальных правил, ограничений и механизмов их принудительного осуществления. Это согласованные правила игры в обществе, организующие повседневную жизнь. Институт как живой объект, в котором есть самоорганизация, самоуправление, характерен процесс выявления новых форм организации во взаимодействии с социальной системой или средой.

Социальные и политические институты можно рассматривать как высокоорганизованные, социальные и политические системные образования, отличающиеся устойчивой структурой, глубиной, интегрированнос-

тью своих элементов, многообразием, гибкостью, динамичностью их функций. Создавая социальные и политические институты, общество утверждает и закрепляет конкретные виды социального и политического взаимодействия в важнейших сферах и вопросах жизнедеятельности, делает их постоянными и обязательными для всех граждан белорусского государства.

Политические институты – это разновидность социальных институтов. Любое общество характеризуется наличием порядка, являющегося высшим императивом для индивидуумов и групп, обеспечивающим сплоченность, закладывающим фундамент прочности и устойчивости. Политические институты являются выражением и гарантией порядка жизни общества, выступают как комплекс принципов, норм, правил, регулирующих процессы в сфере политики. Они выступают в форме политических организаций, государственных учреждений, политических партий, общественных организаций и объединений. Важнейшие государственные политические институты – это государство, его органы: парламент, президент, правительство, суд. Социальные и политические связи, лежащие в основе институтов социальных и политических, называются институциональными, а сам процесс создания институтов социальных и политических – институционализацией.

Институционализм, как метод изучения политики, сложился в конце XIX – начале XX в. Политическая наука унаследовала институционализм от юриспруденции, поэтому начальный этап становления политической науки имеет ярко выраженный юридический аспект. Политологический институционализм основан на более широкой трактовке института благодаря идеям М. Дюверже [2, с. 58]. Институализация – это процесс формирования, создания социальных и политических институтов как устойчивых форм организации деятельности людей в обществе и государстве. Она делает поведение людей не только более предсказуемым, упорядоченным, организованным, регулируемым нормативным путем определения и закрепления социально-политических статусов и ролей, ценностей и норм, организации, контроля, но и позволяет повысить эффективность жизнедеятельности. Под институционализацией можно понимать превращение какого-либо политического явления в упорядоченный процесс с определенной структурой отношений, иерархией власти, правилами поведения. Это формирование политических институтов, организаций, учреждений. Выше приведенные понятия помогают рассмотреть институциональную среду белорусского государства и необходимые меры институционального строительства в стране на современном этапе.

В Беларуси, как и в России, СНГ, в странах Центральной и Восточной Европы активно исследуются институциональные трансформации 90-х годов XX – нач. XXI в. Особое внимание уделяется принципу разделения властей, формированию парламентов, возникновению партийных систем, трансформациям в избирательных системах, формированию норм поведения политических элит, коррупции, лоббизму.

Для эффективного государственного развития необходимо осуществлять не только, политическую, но и экономическую модернизацию. Политическая модернизация предполагает процесс институализации политических организаций и процедур, подчеркивает, что высокую адаптацию политической системы к постоянным изменениям могут обеспечить только сильные и стабильные государственные институты. Идет переосмысление экономических устоев свободного рынка, роли правительств и сложившейся системы политического и экономического взаимодействия государств. На современном этапе Беларусь проводит многовекторную политику, делая акцент на том, что с любым государством и «в отношениях с Западом оно не намерено отказываться от национальных интересов и согласно вести диалог только при уважении его суверенитета и невмешательства во внутренние дела» [1, с. 16].

Современный этап политического развития Беларуси диктует необходимость интеграционных процессов с Россией, тесного взаимодействия с государствами ближнего и дальнего зарубежья. Это обусловлено заинтересованностью в рынках сбыта готовой продукции; потребностью в топливно-энергетических ресурсах; возможностью привлечения крупных инвестиций и др. Тесное взаимодействие государств будет способствовать устойчивому росту экономического потенциала Беларуси, модернизации структуры производства и активизации рыночных реформ. В ходе интеграции формируется единое экономическое пространство, устойчивее производственно-технические связи, совместно используются ресурсы, объединяются капиталы, создаются благоприятные условия для хозяйственной деятельности. В условиях мирового финансово-экономического кризиса правительство Беларуси делает акцент на выработке согласованных мер по защите интересов национальных производителей на товарных рынках Беларуси и России. При этом общественный выбор тех или иных форм институциональных взаимодействий зависит не только от политических, экономических, но и социально-психологических факторов. Политические институты не только осуществляют распределение власти, но и оказывают огромное влияние на разработку политической стратегии. Министерствами экономик двух стран проводится работа по согласованию Совместного плана действий правительств Беларуси и России по минимизации последствий финансового кризиса, совершенствованию условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли.

С 1 января 2010 г. Беларусь, Россия и Казахстан вводят Единый таможенный тариф. С этой целью создается наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. С 1 июля 2010 г. Начнет функционировать таможенная территория трех стран. Таможенный союз станет основой для создания в будущем Единого экономического пространства [1, с. 70].

В стране взят курс на инновационную экономику, намечены задачи: расширить рынки сбыта и повысить производительность труда; обеспечить конкурентоспособность выпускаемой продукции; предоставить хо-

зяйственную самостоятельность руководителям предприятий, усилив личную ответственность за результат; сосредоточить имеющиеся ресурсы на социальной защищенности, оказывать содействие в организации малого бизнеса; поддерживать кредитными ресурсами конкурентоспособные предприятия; развивать сферу услуг; сохранить рабочие места; финансировать жилищное строительство, сохраняя тем самым строительную отрасль. Экономическая стабильность будет залогом общественно-политической стабильности.

Таким образом, любые, даже самые стабильные общества испытывают необходимость в модернизации различных сфер общественной жизни: политической, экономической, социальной. Это способствует смене устаревших организационных форм более современными. Институты государственной власти Беларуси модернизируются в соответствии с мировой практикой и с потребностями времени.

Список литературы

1. Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – № 12 от 12.2009 г.

2. Политология: учебник / С.В. Решетников [и др.]; под ред. С.В. Решетникова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2010. – 528 с.

В.В. Дмитриев

Белорусский государственный университет, г. Минск, law@bsu.by

ИДЕЙНЫЕ ПРИНЦИПЫ НОРМОТВОРЧЕСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ ОБЩЕСТВА

Современное белорусское общество в качестве политических идеалов своего развития провозгласило ценности демократии и правового государства. Основные политические идеи, раскрывающие содержание этих ценностей, такие как верховенство права, разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную, гарантирование существования многообразия политических идеологий и институтов, утверждение человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью общества и государства создают ценностную основу Конституции. Реализация этих провозглашенных принципов во многом зависит от их трансформации в правовые средства государственного регулирования общественных отношений. Исходное и наиболее важное значение в этом процессе имеет правотворческая деятельность, результатом которой

является формирование правовых регуляторов общественных отношений. Поэтому закономерно вызван интерес к вопросу, каким образом политические идеалы демократии и правового государства, закрепленные белорусской Конституцией, нашли свое отражение в правовых нормах, регулирующих реализацию механизмов правотворческой деятельности.

Трансформация указанных политических идеалов в нормативные правовые регуляторы правотворческих отношений осуществляется через идейные основы правотворчества. Последние представляют собой культурно и исторически обусловленные представления о сущности правотворчества, его целях, задачах, формах и содержании, таких, какими они предстают на самом деле или видятся в идеале. Внешней формой концентрированного выражения идейных основ правотворчества являются идейные принципы. Стоит отметить, что идейная составляющая правотворческой деятельности не сводится только к определенному кругу нормативно закрепленных идейных принципов, но охватывает широкую область правосознания, в которой нашли свое преломление различные собственно правовые, политические, религиозные, моральные, философские, идеологические и эстетические взгляды. Таким образом, идейные основы правотворчества следует понимать как непосредственное отражение идейного строя общественного правосознания.

Разумеется, далеко не все идейные принципы находят свое правовое закрепление либо воплощаются в нормах позитивного права не в полном объеме и, следовательно, не имеют охраны со стороны государственной власти. Действующие белорусское законодательство (Закон Республики Беларусь «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», далее – Закон) в качестве принципов нормотворческой деятельности называет законность и конституционность, приоритет принципов международного права, защиту прав и свобод, законных интересов граждан и социальной справедливости, гласность и научность. Последний принцип отражает стремление к наибольшей рационализации функционирования механизмов нормотворческого процесса и не вполне относится к рассматриваемым политическим идеалам общества.

Статья 7 Конституции устанавливает, что государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актами законодательства. В то же время правовые акты и или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы. Представляется, что в этих конституционных нормах, законодатель выразил содержание закрепленного в статье 7 Закона принципа конституционности. Сам этот принцип является вариацией принципа законности. Требование законности должно в равной степени предъявляться как к содержанию, так и к форме правотворчества. Требования законности, касающиеся содержания этой деятельности заключаются в соблюдении субъектами правотворческой деятельности своей правомочий в обла-

сти создания правовых норм. Деятельность правотворческих органов не должна выходить за рамки того круга вопросов, решение которых возложено на них, и должна осуществляться только в том объеме, который для них установлен. Законодательно это положение закреплено в статье 9 Закона. Вторым требованием, предъявляемым к содержанию правотворческой деятельности, является соблюдение принципа иерархии правовых норм, при котором нижестоящие нормы должны конкретизировать содержание вышестоящих норм. Это положение законодательно закреплено в статье 7 Закона и дополняется требованием о необходимой согласованности нормативных актов между собой, содержащимся в статье 9 этого же Закона. Эта же статья предусматривает в качестве одного из основных требований законности принятие (издание) нормативного правового акта в порядке и по форме, установленных законодательством. Действующее законодательство, таки образом, в достаточно полной степени отражает доктринальное понимание требования законности к правотворческой деятельности. Особенностью такого отражения является то, что сами эти требования распределены законодателем в разных нормативных актах и даже в разных статьях одного Закона.

Принцип гласности в правовой науке подразумевает сущностную характеристику качественных свойств правотворческой деятельности как важного источника социальной информации. Публичные характер этой деятельности подразумевает открытость и доступность информации о ней. Это реализуется в возможности неограниченного числа субъектов права знакомиться с содержанием этой деятельности и ее результатами, обсуждать и оценивать их, соответствующим образом на них реагировать, оказывая тем самым влияние на реализацию механизмов правотворческого процесса. Этот принцип так же нашел достаточно полное закрепление в нормах действующего права. Статья 8 Закона определяет, что гласность в нормотворческой деятельности обеспечивается информированием граждан о деятельности нормотворческих органов и должностных лиц и принимаемых ими нормативных правовых актах, а так же опубликованием нормативных правовых актов в официальных изданиях, других средствах массовой информации или доведением их до всеобщего сведения иными способами. Последнее требование повторяет содержание части четвертой статьи 7 Конституции, а обязанность нормотворческих органов и должностных лиц информировать граждан о своей деятельности корреспондирует соответствующему праву последних на получение полной, достоверной и своевременной информации, закрепленному в статье 34 Конституции. Кроме этого, гласность правотворчества, по мнению законодателя, может обеспечиваться вынесением по решению нормотворческого органа проекта нормативного правового акта на публичное обсуждение. Законодатель различает три вида такого обсуждения: всенародное, общественное или профессиональное. К сожалению, это положение Закона не нашло своего дальнейшего развития в пояснении субъектного состава каж-

дого из предлагаемых видов обсуждений и критериев, определяющих выбор проведения одного из них, установлении перечня тех вопросов, проекты нормативных правовых актов по которым могут выноситься на обсуждение, а так же определении юридической значимости принятых в ходе обсуждения предложений и замечаний, степени их обязательности для нормотворческого органа.

Часть первая статьи 8 Конституции устанавливает, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Некоторые из этих принципов названы в части первой статьи 18 Конституции. Признание приоритетного значения в нормотворческой деятельности общепризнанных норм международного права наиболее общего характера является свидетельством стремления Республики Беларусь к совершенствованию собственной правовой системы путем интеграции в нее мирового опыта развития правовой государственности. Проблемным вопросов остается отсутствие эффективных процессуальных форм, которые гарантировали обеспечение соответствия национального законодательства общепризнанным принципам международного права.

В качестве принципа нормотворческой деятельности Законом названа защита прав и свобод, законных интерес граждан и социальной справедливости. Закрепление этого принципа является следствием конституционного утверждения обеспечения прав и свобод граждан высшей целью государства. Актуальным в данном случае представляется решение вопроса о развитии правовых и политических механизмов обеспечения защиты прав и свобод, законных интересов граждан в процессе нормотворчества. Речь идет не только об усовершенствовании деятельности существующих государственных органов, наделенных такими полномочиями (судебная система, Конституционный суд, прокуратура), но и о необходимости создания новых институтов защиты прав и свобод граждан, которые законодательно были бы наделены компетенцией общественного контроля за нормотворческой деятельностью государственных органов и должностных лиц.

Р.В. Евстифеев

Владимирский филиал Российской академии государственной службы при Президенте РФ, г. Владимир, roman_66@list.ru

НОВАЯ ГЕНЕРАЦИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ И СУДЬБЫ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В XXI ВЕКЕ

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. одной из главных детерминант, определяющих течение социально-экономических и политических процессов, становится глобализация. Понимание направленнос-

ти и характера этого явления может помочь выстраиванию индивидуальных траекторий государств в общем марше человечества к будущему.

Попытки понять, куда движется мир, являются очень древней интеллектуальной игрой, для участников которой характерно признание существования у человечества общей судьбы. Этот общий вектор развития чаще всего олицетворялся в историческом развитии одной или несколькими группами людей, объединенных в народы, нации, государства. Таким образом, единая судьба человечества почти всегда виделась не суммативно, как результирующая всех путей развития различных частей человечества, а весьма избирательно, в соответствии с политическими и зачастую мифологическими и мифологизированными факторами. Однако в конце XX века феномен глобализации становится общей реальностью, влияющий на развитие всех государств.

Методологической основой рассмотрения проблем, опасностей и возможностей, которые несут в себе глобализационные процессы для современных государств, в данном докладе стала модернизированная концепция А. Тойнби («вызов-и-ответ»), сущность которой в рассмотрении глобальных процессов как своего рода вызовов национальным государствам.

Во второй половине XX века влияние глобализационных вызовов выразилось в том, что большое количество стран мира вынуждены были проводить реформы, направленные на повышение эффективности государства. Самое непосредственное в осмыслении проблем, выработке адекватного языка их описания и, наконец, в продуцировании этих изменений принимала политическая наука [1]. Сами изменения были направлены на уменьшение роли нации-государства путем передачи его функций на межгосударственный уровень и на более низкие уровни управления.

Однако начало XXI века знаменуется появлением новой генерации глобальных вызовов, которые с некоторой долей утрирования можно свести к четырем базовым угрозам. Эти вызовы можно обозначить как два неожиданных возвращения и два превращения.

Первый вызов – «возвращение истории». То есть изменение понимания сущности движущих сил историко-политического процесса и возвращение самого понимания возможности существования этих движущих сил.

Если в конце XX века большинство исследователей говорили о приходе новой (третьей) волны демократизации (С. Хантигтон), а в более радикальном варианте вообще о «конце истории» (Ф. Фукуяма), то в начале XXI века стало ясно, что никакого «конца истории» не предвидится; оценки перспектив «триумфального шествия демократии» стали более осторожными, а в публицистике вообще уже впрямую заговорили о кризисе либеральной демократии (Ф. Закария) и даже о «демократическом откате». Таким образом, речь идет о соревновании XXI века между традиционными демократическими государствами и странами, которые далеки от демократических идеалов. «Возвращение великих авторитарных держав» [2] в высшую лигу мировых политических и экономических игр является главным вызовом современной демократической модели.

Не случайно последний мировой политологический конгресс, прошедший в Японии, в Фукоуке, проходил под знаком вопроса: «Is democracy working?» («Работает ли демократия?»). Вполне возможно, что через какое-то время осознание новых глобальных вызовов позволит ответить на этот ответ следующим образом:

«Is democracy working? Certainly. But not the only one» («Работает ли демократия? Конечно. Но не только она одна»).

Второй вызов – «возвращение государства». Связан он с разрешением конфликта между эффективностью национального государства и развивающейся экономической, культурной и политической глобализацией. Дойдя до края в своем стремлении вывести из-под ведения государства как можно больше вопросов, общества наталкиваются на серьезные проблемы, разрешить которые никакие межгосударственные образования не в состоянии. Это хорошо просматривается, например, в сложностях европейской интеграции, которая, казалось, должна была стать апофеозом постмодернистского снятия государства.

Сегодня уже ясно, что либеральные принципы построения и развития государства требуют пересмотра, если не полной замены. Тем более, что к нам возвращается не совсем то государство, которое было при смерти, и которое прежде всего изучала традиционная политическая наука. Этот вызов стремительно обесценивает накопленный в основном западными странами опыт построения и развития своих государств.

Третий вызов – превращение глобализации в глобализацию с «не западным лицом» – связан с тем, что рост экономики некоторых «незападных» стран приводит к тому, что к 2020 году многие стандарты и нормы глобализирующегося мира будут задавать уже не западные страны во главе с США. А это может привести и к серьезным изменениям в политических ориентирах развития государств.

Дальнейшее развитием процессов глобализации все больше и больше начинает приобретать «non-Western' face», незападное лицо. При этом западные исследователи сегодня предпочитают осторожно говорить о «поствестернизации», предполагая, что западным странам во главе с США все же удастся перевести ситуацию в менее радикальный вариант все того же западного влияния на остальной мир, причем с использованием преимущественно «мягкой силы» (soft power) или даже как сегодня говорят smart power («умной силы»).

Четвертый вызов – превращение полярного мира в «бесполярный беспорядок» («unpolar disorder»), где полюсом силы неожиданно и ненадолго может стать любое государственное и негосударственное образование. В связи с этим привычное стремление любого государства стать полюсом силы или быть поближе к такому полюсу обесценивается и меняет свою значимость. Данный вызов во многом определяет внутриполитическое устройство государств, крайне зависимое сегодня от претензий страны на определенное место в стремительно меняющейся иерархии общепланетарного масштаба.

Таким образом, появление новых движущих сил развития историко-политического процесса, преждевременные «похороны» национального государства и возвращение его в новом обличии, проявление незападного лика глобализации и зарождение «бесполярного беспорядка» с большим количеством вступающих в глобальную игру новых участников (еще раз воспользуемся ярким выражением Ф. Закария – «the Rise of the Rest»), создают атмосферу, рождающую испуг перед ставшим вдруг неясным и тревожным будущим. Государства, традиционно последние несколько сотен лет игравшие главную роль в международных отношениях начинают осознавать, что эта их роль, если и не исчезает, то очень сильно деформируется и на ее поддержание необходимо тратить определенные ресурсы.

По всей видимости, звонкая и шумная ярмарка демократии с небольшой кунсткамерой авторитаризма начинает утихать, карусель политико-демократических преобразований замедляет свой бег, и нас ждут серьезные изменения сущности и функций современных государств.

Все указанные вызовы рождают необходимость быстрого адекватного ответа со стороны современных государств и от того, каким будет этот ответ, зависит будущее и белорусского государства.

Список литературы

1. Евстифеев, Р.В. Песня варяжского гостя: российская политическая наука в чертогах государственного управления / Р.В. Евстифеев // Без темы. Научный общественно-политический журнал. – 2006. – № 2.

2. Azar, G. The Return of Authoritarian Great Powers / G. Azar // *Foreign Affairs.* – July/August 2007.

Е.М. Ерёменко, Н.С. Решетникова

Белорусский государственный университет,
г. Минск, polit_bsu@rambler.ru

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВА И ЕЕ СТРУКТУРА

Идеологическая работа является на сегодняшний день одной из важнейших составных частей деятельности государства. Сегодня мы постоянно сталкиваемся с множеством близких по значению терминов, таких как «идеология», «идеология государственности» «политическая идеология», «идеологическая политика», «идеологическая доктрина», «идеологическая программа». Строгое разграничение указанных понятий затруднено вследствие тесной взаимосвязи между ними, поэтому следует разобраться в содержании этих понятий и представить их системно, чтобы можно

было понимать содержание этих терминов и на фундаментальном теоретическом и на прикладном уровне.

В идеологической сфере базовым понятием является «Идеология белорусского государства». Идеология белорусского государства представляет собой упорядоченную совокупность идеалов, ценностей, концепций, которые служат обоснованием белорусского пути развития. На политическом уровне идеология обретает форму идеологической доктрины. Белорусская идеологическая доктрина является мировоззренческой основой идеологии белорусского государства в современных конкретно исторических условиях. Формой существования идеологической доктрины является – национальная идея. Основным содержанием Белорусской национальной идеи являются такие фундаментальные понятия как: общечеловеческие христианские (православные) ценности, национально-государственное самосознание, гражданственность, патриотизм.

Если же подходить к анализу белорусской государственной идеологии системно и рассматривать ее как системную конструкцию, как системную модель, необходимо учитывать все сферы жизнедеятельности нашего государства и белорусского пути развития.

Правовой основой государственной идеологии является Конституция Республики Беларусь. Конституция любого государства и, в том числе, белорусского, является главным, по сути, идеологическим документом, в котором прописаны все основные цели государства. Так, в Статье 4 Конституции Республики Беларусь говорится: «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе многообразия политических институтов, идеологий и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социальных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан» [1].

Экономической основой государственной идеологии является белорусская экономическая модель, содержание которой в основных чертах уже было раскрыто в выступлениях Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко.

Следующей составной частью белорусской государственной идеологии является белорусская политическая система как политическая основа государственной идеологии. Белорусская политическая система основана на Конституции Республики Беларусь, но основные особенности белорусской политической системы как составной части государственной идеологии еще ждут своего дальнейшего исследования, развития со стороны ученых, обществоведов, политиков и аналитиков.

Четвертой составляющей или составной частью идеологии белорусского государства является, собственно, белорусская идеологическая доктрина или национальная идея, о которой было сказано выше. Это – мировоззренческая основа государственной идеологии.

На сегодняшний день уже можно говорить о наличии всех четырех гармоничных составляющих частях белорусской государственной идео-

логии: Конституция, белорусская экономическая модель, белорусская политическая модель, белорусская идеологическая доктрина в виде национальной идеи.

В политической плоскости идеология – это конструкция, которая позволяет лучше понять то или иное явление. Идеология – это своего рода среда, «подпитка» центров принятия политических решений, где законодательная, судебная и исполнительная ветви власти составляют единый блок. Когда наступают знаковые периоды в жизни общества (к ним также относятся президентские, парламентские выборы, формирование местных органов власти), люди выражают свои взгляды посредством голосования за того или иного кандидата, мысли и предпочтения которого совпадают с личными симпатиями граждан. Поэтому при формировании и реализации избирательных технологий идеологическая составляющая может рассматриваться как система ценностных ориентации людей, определяющая их выбор и шкалу их предпочтений.

Важную роль в решении задач совершенствования идеологической работы принадлежит средствам массовой информации. СМИ – это канал прямой и обратной связи с населением. Представляется, что государственным СМИ необходимо найти формы живой подачи материалов, характеризующих особенности белорусского пути развития и опыт идеологического обеспечения решений насущных задач и решения всех социально-экономических политических и духовных проблем нашего общества.

Что касается диалога ученых и специалистов по поводу нужен ли еще один универсальный документ, где будут затронуты политические, социальные, философские, религиозные и экономические отношения, то на наш взгляд такой документ нужен, но конкретный, в виде *Концепции идеологической политики*. Этот документ должен быть конкретизирован на уровне отраслей, ведомств и регионов в виде *Программы информационно-аналитического обеспечения идеологии государственной политики*. А уже программа должна включать такие четкие параметры как: цель, задачи, сроки проблемы, приоритеты, нормативную базу, механизмы реализации, ресурсы оценку.

В настоящее время у нас создана идеологическая вертикаль, чтобы придать ей динамизм и эффективность в работе, была сформирована структура принятия решений. Возглавляет работу, осуществляет общее политическое руководство в сфере идеологии Президент. Глава администрации Президента и Главное идеологическое управление работают над подготовкой важных политических документов и политических решений в идеологической сфере.

Главное идеологическое управление осуществляет ряд функций доведения важных политических документов до руководителей и заместителей подразделений по идеологической работе, которые используют в своей работе аналитические службы или профессиональные консультанты. Если же такие службы либо профессиональные консультанты отсутству-

ют, то необходимо при министерствах и ведомствах создать консультативные советы по информационно-аналитическому обеспечению идеологической работы.

Государственная идеология, на наш взгляд – это не застывшая идиома, а подвижная и постоянно трансформирующаяся система, нацеленная на реализацию потребностей и запросов общества, выяснение его отношения к различным институтам власти. Довольно часто уже после выборов в краткосрочной перспективе возникает необходимость в определенной степени изменить, скорректировать курс на основе новых тенденций специфики и чаянии людей. Как это сделать правильно быстро и эффективно? Во-первых, государству необходимо постоянно проводить мониторинг, зондаж общественного мнения с целью выявления предпочтений граждан. Во-вторых, для идеологического обеспечения государственной политики помимо прямой связи «гражданин – государство», которая особенно ярко проявляется в ходе избирательных кампаний, должна работать обратная связь «власть – органы управления – человек». Если решение государственных органов соответствует ожиданиям граждан, и руководством страны проводится соответствующая политика во всех сферах, то в политической, экономической и духовной системе государства соблюдается определенное равновесие, общественный баланс и общество уверенно двигается в направлении достижения решения своей главной стратегической задачи – повышения экономической мощи государства и повышения благосостояния граждан.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – 3-е изд., стер. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2008. – С. 4.

О.К. Ефимова

Ярославский государственный университет имени П.Г.Демидова, г. Ярославль efimova_olga2009@mail. ru

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В СИСТЕМЕ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Курс «Геополитика» был введен в учебную программу подготовки студентов по специальности «политология» на основании Государственного общеобразовательного стандарта 1995 г. как дисциплина ОПД. В соответствии с изменениями в содержании государственного образователь-

ного стандарта для специальности «политология» 2000 года курс «Геополитика» предлагается студентам как курс по выбору.

Наряду с конкретными задачами дисциплины, курс «Геополитика» нацелен на формирование у студентов-политологов пространственного мышления, как неотъемлемой части политического, тем самым, пытаясь восполнить, как нам представляется, существующий пробел в политологическом образовании, в котором «географический компонент» практически отсутствует. Политическое мышление – поле активного применения, а также формирования и развития политико-географических и геополитических понятий. Хотя понятие пространства давно привлекает внимание ученых-философов, в политической науке этому понятию отводилось периферийное место. Данный пробел в политических исследованиях восполняет геополитическая наука. «Наша политическая жизнь, во-первых пространственна по характеру, а во-вторых определена самой природой пространства, его феноминальной дифференцированностью. Пространство – активный несущий компонент властных отношений, их (ре)-конфигурации, фрагментации, консолидации; оно отражает ассимитричность таких отношений»(1, с. 39).

Рассуждая о политике мы не можем не думать о пространстве. Политические решения реализуются в неком пространстве, а политические границы проводятся для того, чтобы дифференцировать границы правоприменения, влияния, волеизъявления субъектов властных отношений.

Студенты-политологи имея представление о территориальной структуре современных государств, об их административно-территориальном членении, должны понимать специфику политических процессов и явлений различного пространственного масштаба (локального, регионального, национального, глобального) и взаимосвязь между ними, а также иметь представление о пространственном измерении политических конфликтов (векторах развития, локализации, границах и пр.). Раскрыть сложные, обусловленные значительным количеством факторов взаимодействия в сфере международных отношений, выявить тенденции и закономерности формирования, динамики развития геополитической картины мира и призвана современная геополитика. Содержание и параметры географического или пространственно территориального аспекта в геополитических исследованиях традиционного и современного этапа в развитии геополитики существенно отличаются. Классическая геополитика исходила прежде всего из интересов государства как единственного действующего субъекта мировой политики. Главным в политическом процессе считался контроль над пространством, расширение зоны которого в конечном счете способствует увеличению экономического, военного, демографического и другого ресурсного потенциала государства, а мощь того или иного государства напрямую связывалась с размерами и характером занимаемой им территории. Таким образом, традиционную геополитику можно рассматривать как науку о влиянии геопространства на политические цели и интересы государства. Госу-

дарство представало в качестве географического или пространственно-территориального организма, обладающего специфическими физико-георафическими, климатическими, ресурсными и пр. свойствами и руководящегося собственной волей и интересами. Другими словами основные параметры традиционной геополитики укладывались в рамки популярного в конце X1X века географического детерминизма. В центр международных отношений геополитика ставила конфликт, носителями которых выступали государства, стремящиеся к максимизации контроля, главным образом – непосредственного военно-политического контроля над пространством. Международная система при этом остается анархичной, а конфликты оказываются закономерным следствием столкновения стремящихся к пространственному расширению государственных образований.

Сегодняшний повсеместный интерес к геополитике предопределен глубокими и сущностными изменениями в самом объективном мире, переходящем от состояния разрозненности своих отдельных частей и регионов к единому, взаимосвязанному и взаимозависимому миру в масштабах всей планеты.

О необходимости переосмысления концептуальных установок и методологических принципов геополитики, высказывались многие отечественные исследователи, такие как К.Э. Сорокин, К.С. Гаджиев, В.Л. Цымбурский и др. Геополитика обладает особой методологической «оптикой», для которой характерна масштабность самого «взгляда» на предмет исследования, требующая максимального насыщения понятия «геополитическое пространство» в образном, смысловом и концептуальном отношениях. Геополитика осуществляет тотальную политизацию географических пространств. Такая политизация является, по-видимому, и средством, и методом, и целью геополитики – считает российский исследователь Д.Н. Замятин (2, с. 104)

Решение проблемы, связанной с приведением в соответствие обновленного определения предмета геополитики и ее содержания имеет не только практическое, но и не менее важное прикладное значение, т.к. это предполагает заново рассмотреть параметры современного мира и определить общую геополитическую картину мира, который, безусловно, будет меняться под действием новых обстоятельств. Прежде всего к таким новым обстоятельствам необходимо отнести влияние новых субъектов мировой политики, глобализацию экономических процессов (трансгосударственного движения капитала и инвестиций, международной торговли), а также ряд обстоятельств, связанных с внедрением высоких технологий, развитием электронных средств связи и передачи информации, расширением «ядерного клуба», состоянием окружающей среды, актуализацией влияния мировых религий, прежде всего ислама и некоторых других. Расширение исследовательского поля современной геополитики идет в последнее время и за счет других субдисциплин, прежде всего через включение геоэкологических, геокультурных и т.п. сюжетов. Казалось бы, есть основания

говорить о создании комплексной дисциплины, способной отслеживать современные тенденции международного развития. Небывалый интерес к геополитике сопровождается размыванием контуров ее предмета. Поэтому погоня за комплексностью и «осовремениваем» предмета геополитики выглядит далеко не однозначно.

Список литературы

1. Бусыгина, И.М. Судьба географических знаний в политической науке и образовании / И.М. Бусыгина // Полис. – 2003. – № 1.
2. Замятин, Д.Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. / Д.Н. Замятин // Полис. – 2001. – № 6.

Е.В. Ефимович
Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, г. Минск, elenaefimovich@yandex.ru

ИДЕИ ДЕМОКРАТИИ В ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Прежде чем обратиться к анализу современной демократии, необходимо познакомиться с её наследием. Некоторые этнографы утверждают, что жизнь многих древних родов и племён строилась на демократических началах. При всём том, что демократия – явление очень сложное, определить момент её зарождения на удивление просто: город-государство Афины в V в. до. н. э.

Древнегреческий мыслитель ***Платон*** в своём трактате «***Государство»*** рассматривал демократию как особую форму правления, где власть принадлежит бедным и невежественным людям. В этом и состоит, по мнению мыслителя, главная беда демократии. Ведь каждый человек по природе своей предназначен к какому-либо занятию, полезному и для государства. Одни должны управлять, другие – охранять общество, третьи – создавать материальные блага. Идеальным будет то государство, где соблюдён такой порядок. В демократии же все равны, все могут править, все могут заниматься всем. Это, полагает Платон, приводит к полному хаосу. На основании этого Платон уровнял демократию с о*хлократией (власть толпы)*, а рано или поздно установиться *тирания* – таков финал демократии, по мнению Платона.

Несколько иное отношение к демократии можно встретить у ***Аристотеля***, который считал, что наилучшая форма правления та, при которой правит большинство. *Большинство*, по его мнению, составленное из множества людей, лучше может понять, почувствовать и разрешить про-

блему. Но он выдвигает ряд условий, при которых правление большинства будет приемлемо: преобладание в обществе среднезажиточных людей; господство закона в обществе (только закон способен предотвратить тиранию большинства).

После кризиса и упадка древнегреческой демократии прошли столетия, прежде чем её идеи стали вновь актуальными. Английский король Иоанна и английские бароны подписали в 1215 г. Великую хартию вольностей, состоявшую из 63 статей, большинство из которых представляло собой список прав. С появлением парламента в Англии в 1265 г. по инициативе Симона де Монфора, графа Лестерского решение важнейших государственных дел поручалось съезду представителей всего свободного населения, что стало важной вехой в истории и теории демократии. Впоследствии такое представительство интересов стало важнейшей чертой всякой демократической системы.

Основы современной демократии были заложены в эпоху европейского Просвещения, философского направления XVIII в., отмеченного отрицанием традиционных социальных, религиозных и политических идей и особым вниманием к рационализму. Наиболее влиятельными мыслителями этого направления были английский философ Джон Локк и французский юрист и философ Шарль Луи Монтескье.

В 1690 г. Дж. Локк опубликовал свой основополагающий труд «Два трактата об управлении». Его утверждении, что любое законное правительство зиждется на «согласии управляемых» коренным образом изменило дискуссии политической теории и способствовало развитию демократических институтов.

Трудно переоценить и тот вклад в развитие теории демократии, который внёс французский мыслитель – ***Шарль Луи Монтескье***. В его труде «О духе законов», опубликованном в 1748 г. демократия предстаёт как форма правления, где весь народ, в руках которого находится верховная власть, издаёт законы и принимает важнейшие решения. При этом народ выбирает своих представителей в совет или сенат, который ведает делами государства, готовит вопросы для народного собрания, осуществляет повседневное управление обществом. Ш.Л. Монтескье рассматривал демократию как идеал, у которого пока нет аналогов в реальной действительности. По его мнению, демократию ещё только предстоит создавать и осуществить на практике. Великий французский мыслитель обосновал уже известную нам теорию разделения властей, которая позже стала основанием, на котором держится современная демократия.

Последовательным защитником принципа представительства интересов выступил английский политический деятель ***Эдмунд Берк (1723 – 1797)***. Он был убеждён, что парламент нельзя рассматривать как неудачную замену непосредственной власти народа. Напротив, представительство интересов – это лучшее, что можно изобрести в рамках демократии.

С критикой идей представительства выступил в XVIII в. великий французский просветитель ***Жан-Жак Руссо***. Он считал, что демократическим может быть только то общество, где все люди вовлечены в политический процесс, совместно обсуждают пути к достижению общего блага и совместно принимают решения. По его мнению, предусматривалось создание специального органа – трибунала, который должен был бы строго охранять закон.

Прокатившаяся по Европе в конце 18 – начале 19 в. волна революций привела к гибели целый ряд монархий, появились государства с новым политическим устройством. В этих условиях идея демократии переместилась из академических кабинетов в самую гущу политических дискуссий.

Соединение теории с практикой произошло, к примеру, в США. Как известно, в 1787 г. здесь была принята Конституция, которая заложила основы принципиально нового политического устройства – демократии.

Талантливый теоретик и политик ***Джеймс Мэдисон (1751 – 1836)***, четвёртый президент США, в своих рассуждениях о демократии исходил из того, что она возможна вовсе не там, где общество однородно, но там, где оно раздроблено на множество социальных групп со своими отличающими друг от друга интересами. В этом случае появляется возможность для создания множества подвижных коалиций: одни группы сначала объединяются, потом расходятся и объединяются вновь, но уже с другими партнёрами. Каждая проблема может породить новую коалицию, где прежние противники на время становятся союзники. Таким образом, то большинство, которое складывается в обществе, будет изменчивым, динамичным, непостоянным. Это и предотвращает тиранию большинства.

Известный французский учёный и политик ***Алексис де Токвиль (1805 – 1859)*** также был сторонником идеи представительства интересов. Политическая практика убеждала его в том, что существование парламента не только не противоречит демократии, но даже способствует её укреплению. Однако наряду с ним должны существовать добровольные ассоциации и организации граждан. Последние выступают в качестве посредника между народом и верховными органами власти.

С пересмотром этого положения выступил американский учёный австрийского происхождения ***Йозеф Шумпетер (1883 – 1950)***. В основе его рассуждений – мысль о том, что народ как таковой не может обладать властью, а потому говорить о демократии как о власти народу просто бессмысленно. По его мнению, демократия – это система мероприятий, в рамках которых отдельные индивиды конкурируют за голоса народа и добиваются власти. Миссия народа сводится к тому, чтобы сделать выбор и поддержать своего претендента, отказав в такой поддержке другим. Далее избранные политики действуют по своему усмотрению, и сдерживать их может только то, что каждого ожидает впереди всё тот же день выборов.

Список литературы

1. Гуггенбергер, Б. Теория демократии / Б. Гуггенберг // Полис. – 1991. – № 4.
2. Дейцев, С.Е. Достижения и издержки демократизации: мнение политологов / С.Е. Дейцев, И.Г. Шаблинский // Советское государство и право. – 1990. – № 7.
3. Мигранян, А. История теории демократии / А. Мигранян // Лекции по политологии. – Таллинн, 1991. – Т. I.
4. Мигранян, А. Демократия в теории и исторической практике / А. Мигранян // Коммунист. – 1990. – № 1.
5. Сахаров, Н.А. Демократия: критерии, ценности, принципы / Н.А. Сахаров // Вестник МГУ. Сер. 12. – 1991. – № 2.

Н.Б. Журавлёва

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, nzhurav@tut.by*

СРЕДСТВА МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Важнейшей характеристикой современного мира является масштабный переход от индустриальной цивилизации к цивилизации информационной. Этот процесс сопровождается постепенным переходом власти из рук владельцев промышленного производства к тем, кто владеет источниками информации и новейшими технологиями. Общее информационное поле в современном обществе представляет собой целостную систему коммуникаций, структурированную по социально значимым направлениям, отражающим приоритетные ценности общества, а точнее, его управляющей группы. Сегодня именно тот имеет реальную власть, кто не просто располагает информацией, а имеет возможность ею распоряжаться и транслировать ее.

Другой особенностью нынешнего этапа развития является глобализация. К ней, как к процессу формирования общемирового финансово-информационного пространства, относятся по-разному. Одни усматривают в глобализации угрозу потерять не только национальные традиции или язык, но и государственный суверенитет. Другие признают достоинствами глобализации экономическую интеграцию без границ, уничтожение барьеров на пути международной торговли и международных инвестиций, а также всемирную тенденцию к сближению рынков и государственных институтов. Глобализация означает также развитие всемирных коммуникаций и глобальных информационных сетей, которые не имеют географи-

ческих границ и центров создания. Таким образом, массовая коммуникация сама может рассматриваться как одна из важнейших глобальных проблем, она выступает как комплексная форма организации и структурирования жизни общества, производя и культурный продукт, и его потребителя. Информационно мы практически полностью зависим от СМИ, т.к. именно они определяют, какие новости, в каких дозах и как часто поставлять нам. Как утверждают американские исследователи М. Маккомбс и Д. Шо, «здесь кроется наиболее важное свойство массовой коммуникации – ее способность заказывать и организовывать наш мир. При этом средства массовой информации не обязательно преуспевают в своем стремлении навязать нам, что именно думать, но они добиваются сногсшибательного успеха, говоря нам, о чем думать». В своей совокупности СМК создают определенные представления и мире, о наиболее значимых ценностях и понятиях. Достаточно убедительно выглядит предложение канадского философа и социолога М. Маклюэна рассматривать историю культуры как процесс смены средств массовой коммуникации. Основываясь на этом критерии, он выделяет три исторических этапа: устно-слуховой (оро-акустический) этап коммуникации; визуальный этап, основанный на письменной коммуникации; аудиовизуальный – современный этап, характеризующийся появлением и развитием электронных СМИ. Современную цивилизацию он определил как «глобальную деревню», в которой главным средством коммуникации, информации и управления стало телевидение. Чтение уступило место теле-и видеоинформации, ушло на второй план. А ведь именно чтение с его типом восприятия есть средство развития абстрактного мышления, способности к конкретизации и формированию объемного представления. В отличие от электронных СМИ чтение развивает воображение, эмоциональную тонкость восприятия. Для визуального восприятия характерно формирование целостного объемного образа, рождаемого воображением читателя. Словесный знак оставляет свободу для творческого воображения, домысливания. Визуальное экранное восприятие в основном плоскостное, образ здесь предстает в готовом виде, не оставляя простора для развертывания воображения. По мнению американского философа Г. Маркузе, психика в этом случае работает в режиме не осмысливающего восприятия, а импульсивного реагирования, когда процессы происходят на досознательном уровне и информация не осознается. В своей книге «Одномерный человек» он определил телевидение как один из главных инструментов манипуляций со стороны государственных структур сознанием человека, превращения его в «одномерного человека», а всего общества – в «одномерное общество».

В современном обществе из всех средств массовой информации безусловно лидируют телевидение и Интернет. Телевидение обеспечивает мгновенный и наиболее масштабный охват аудитории. Ему принадлежит решающая роль в конструировании образа жизни, модели современной культуры в целом. Телевидение ориентировано на многомиллионную зри-

тельскую аудиторию и в этом смысле встраивается в контекст массовой культуры, отношение к которой как в философской рефлексии, так и в обыденном сознании достаточно скептическое. Будучи синтетическим по своей природе, возникнув на стыке радио и кинематографа, телевидение сохранило в себе их модели. Для него характерна полифункциональность, в которой выделяются две основные функции: информационная и досуговая. Причем на современном этапе развития телевещания изменилось само представление о телевизионной информации: в новостную информацию активно встраивается реклама и такие феномены современной цивилизации как «пиар» и «промоушн». Основным принципом подачи информации является сенсационность. Сенсационность предполагает неожиданность, непредсказуемость информации, вызывающей интерес, удивление, даже психологический шок. А новость в значительной степени становится развлечением, что напрямую связывает информационную функцию с досуговой. Ведущими жанрами в последней стали видеоклип (малый объем досуга) и телесериал (максимальный объем досуга). Промежуточное место между ними заняло ток-шоу, соединившее в себе информационность и досуговость через иллюзию интерактивности.

Всякая культура опирается не только на определенные представления, нормы, ценности, но и на определенные мифы. Миф информационного общества становится самостоятельной реальностью, в которой складывается и миф о современном человеке, его природе, сущности, интенциях, притязаниях. Мифологизирование становится ведущей чертой мышления современного человека, пребывание в пространстве мифов – характерной особенностью его жизни. Телевидению и здесь принадлежит ведущая роль. Среди телевизионных мифов на первое место выходит миф о счастливом конце любой истории, а также мифы о счастливом случае, полностью меняющего жизнь человека, об образе идеального, самостоятельно решающего все трудные проблемы человека, о награде за сделанное добро и наказании за зло, активно эксплуатируется любопытство к страшному, тяга к запретному и т.д. Причем мифы эти интернациональны по своей природе и «работают» достаточно эффективно в разных культурах и среди разных слоев населения. Миф особым образом структурирует сознание, апеллируя к первобытному коллективному опыту человечества. Он своей образной нерасчлененностью захватывает прошлое и будущее, реальное и возможное. Миф не требует проверки, он просто принимается, так как опирается на определенный запрос, определенное ожидание. Миф в образной форме выражает и проповедует определенную жизненную философию, определенную систему взглядов с социально обусловленной иерархией ценностей, достоинств и т.п. В современном обществе мифы не рождаются стихийно. Творцы современных мифологем рассматривают их как мощное функциональное и методологическое образование, призванное обеспечить управляемость и предсказуемость общества. В решении этих задач телевидению отводится решающая роль.

Вторым по степени влияния компонентом СМК сегодня является Интернет. За относительно короткое время существования Интернета появился социо-культурный пласт реальности, расширяющийся невероятно быстрыми темпами за счет генеративных возможностей самого Интернета. Уже сегодня в нем есть все необходимое для комфортного существования цивилизованного человека: наука, философия, искусство, религия, экономика, даже виртуальный секс. Однако компьютеризация продолжила процесс изменения восприятия. При повышении требований к точности оперативной реакции, четкости и последовательности действий понижается чувствительность к различению смысловых нюансов, тонкости самого мыслительного процесса, что является не в последнюю очередь следствием превалирования в восприятии именно визуальности образа над его содержанием. Ведь информация – это только совокупность фактов, но еще не мысль, и оперирование информацией – это еще не мышление, и оно далеко от непосредственного творческого воображения.

Одной из особенностей и одновременно причин популярности Интернета является возможность не только что-то узнать через Интернет, но и заявить о себе. Эта возможность реальная и, по существу, ничем не ограниченная. Само устройство Интернета исключает цензурную политику. В отличие от других СМК, которые придерживаются своей (или государственной политики) и дают место только соответствующим материалам, Интернет позволяет каждому человеку выражать свои мысли, свою позицию по поводу каких-либо социальных обстоятельств или явлений культуры. Распространение новых идей и текстов более не ограничено монополией печатного станка. Мир Интернета предоставляет практически безграничную свободу в предоставлении, выборе, обмене информацией. Кроме того, Интернет фактически уничтожает расстояние. Он погружает нас в состояние перманентного конгресса, когда люди, разбросанные по разным концам Земли, имеют возможность собраться как бы в одном зале. Все происходит здесь и теперь – а значит, исчезает не только пространство, но и время. Интернет становится для многих средством общения. Люди имеют возможность художественного самовыражения в Интернете, устраивая на своих вебстраницах персональные художественные и фотовыставки, организуя кинопросмотры, интерактивные спектакли и т.п.

С другой стороны, Интернет несет в себе немалую опасность. Это, прежде всего, проблема утраты реальности, вместо которой Интернет создает собственную виртуальную реальность. Кроме того, диспропорция между человеком, чьи возможности биологически ограничены и практически безграничной информационной экспансией Интернета вызывает определенную безучастность, притупленность по отношению ко всему происходящему. Пользователь Интернета открыт любой информации, но воспринимает все на уровне легких и быстрых касаний, как цитату, как условность, за которой нет никаких истоков, происхождения.

В новых электронных коммуникациях заложено средство гигантских социальных трансформаций. Одни связывают с ними радикальную демократизацию общества, наступления эры материального изобилия, другие указывают на растущую изоляцию людей и усиления их зависимости от средств глобальной коммуникации. Интегрировав человека в целостность мировой культуры, Интернет оставляет его наедине с собой. Современные СМК могут выступать как интегрирующая, объединяющая сила, а могут играть и деструктивную роль. Многократно умножив степень свободы, информационное общество должно решать проблему новой информационной культуры, проблему правовой, моральной ответственности личности. Глобализационные процессы, происходящие в обществе, еще в большей мере актуализируют эту задачу.

Э.П. Зварич, Е.В. Скакун

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест, edissson13@mail.ru

НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ ВЛИЯНИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

Основные тенденции современного мирового развития и развития каждого отдельного государства, каждой нации тесно связаны с глобализационными процессами – процессами унификации и стандартизации в мировом масштабе.

Главным следствием глобализации является значительное ослабление национального государственного суверенитета под напором действия иных субъектов современного мирового процесса – прежде всего транснациональных корпораций и иных транснациональных образований, например, международных компаний, финансовых институтов, этнических диаспор, религиозных движений, мафиозных групп и т.д.

Все это приводит к образованию наднациональных институтов: глобальных или региональных, в первую очередь, экономических, а также социальных, политических и культурных институтов, которые будут обладать правосубъектностью, властными полномочиями и частью национального суверенитета государств, которым их существование выгодно, удобно.

Основным условием учреждения наднационального института является присвоение ему ряда экономических и политических полномочий. И все это будет происходить путем ограничения национального суверенитета – полновластия нации, ее политической свободы, обладания реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего, способность политически самоопределяться. В свою оче-

редь, обеспечение полноты национального суверенитета является основополагающим принципом построения демократии.

Сегодня мы говорим о тенденции к ограничению суверенитета государства и нации уже как о чем-то естественно и приемлемом. А ведь совсем недавно, вначале 90-ых гг. XX в., подобное идеи нашли бы только критику, отрицание, но время идет, на смену одному приходит другое и, порой, совершенно противоположное. Ограничение возможности нации распоряжаться самостоятельно своей судьбой, самоопределяться, строить свое суверенное государство, независимую экономику, принимать самостоятельные политические решения является ключевым условием признания нации, национального суверенитета, государства и его суверенитета на международной арене, условием вхождения в различные международные наднациональные организации.

Для более полного понимания феномена ограничения национального и государственного суверенитета необходимо пояснить для чего и как происходят эти ограничения. Чтобы построить наднациональный уровень влияния различных политических и экономических организаций (институтов), необходимо их наделить такими правами, полномочиями, которые им позволили бы вмешиваться в экономическую, политическую, социальную, духовную сферы жизни нации, государства и задавать определенный (нужный тому или иному наднациональному институту) вектор развития. Осуществляется это путем заключения межправительственных, межгосударственных и иных соглашений, путем образования международных организаций, путем создания экономических, политических и иных межгосударственных союзов и т.д.

Сегодня на мировой арене действует большое количество международных организаций и союзов. Однако лишь некоторые из них можно отнести к наднациональным: ЕС, ООН, СНГ, Союзное государства России и Беларуси, НАТО, ВТО, МВФ, третейский суд и т.д. Стоит отметить, что подобные наднациональные образования имеются уже на всех континентах. И даже в некоторых случаях уже наметилась стремительная трансформация экономических союзов в политические.

Большой интерес сегодня представляет изучение еще формирующегося интернационального политического института: всемирного (глобального, наднационального, интернационального, международного) правительства. Главная проблема, которая сегодня тревожит умы ученых, занимающихся изучением всемирного правительства, это вопрос: «Всемирное правительство – это миф или реальность?». Еще в XX веке они с уверенностью отвечали, что невозможно образование подобного института, то уже в первом десятилетии XXI века вряд ли кто-либо сможет дать категорический ответ на поставленный вопрос.

На наш взгляд идея всемирного правительства нуждается во всестороннем изучении, так как общество, к которому мы движемся (а это в первую очередь глобальное общество), объективно потребует создания соответствующих институтов управления (администрирования). И если мы уже сегодня осознаем все серьезность вызовов недалекого будущего и начнем подготав-

ливаться к грядущим переменам (изучать на различных уровнях проблемы построения и функционирования наднационального уровня, разрабатывать по данным проблемам теоретические и практические обоснования и т.д.), то лишь тогда мы сможем обеспечить прогрессивное развитее общества.

Большой теоретический вклад в изучение наднационального уровня внес известный ученый Амитаи Этциони. Он считает, что создание полноценных наднациональных союзов (как сочетания наднациональной формы правления и наднационального сообщества) предполагает выполнение на этом уровне трех условий:

1) легитимный контроль над силовыми структурами, причем с приоритетом над полномочиями национальных властей;

2) право перераспределения ресурсов между государствами-членами (что играет определяющую роль в достижении максимального согласования их интересов);

3) самостоятельная политическая правосубъектность помимо стран-членов (это положение является ключевым при построении глобального сообщества) [1].

Ограничение национального суверенитета неизбежно приводит к ограничению свободы, равенства и правосудия в рамках международных отношений. Надежда остается лишь на наднациональные институты: на их гуманность, беспристрастность, законность и справедливость.

Образование в XXI веке наднациональных институтов, имманентно связанных с определенными ограничениями суверенитета наций и государств, является толчком к началу движения в направлении нового мирового устройства. Представляется, что новое мировое устройство будет задаваться деятельностью нескольких наднациональных институтов, среди которых особое место будет отводиться глобальному (мировому) правительству. Подобные трансформации относительно недалекого будущего, несомненно, повлекут формирование и нового общества. Исходя из чаяний даже современного общества, можно сказать, что это будет, во-первых, общество, в котором на смену риску и неопределенности придут уверенность и стабильность; во-вторых, это общество с высокой правовой и политической культурой; в-третьих, это общество где на первое место будут ставиться духовные ценности.

Важным условием движения к новообразованиям является справедливая, гуманная и рациональная деятельность наднациональных институтов.

Список литературы

1. Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / А. Этциони // Научный центр «Планетарный проект» [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: http://www.plproject.ru/resurs211.html – Дата доступа: 05.01.2010.

Л.Е. Земляков

Белорусский государственный университет,
г. Минск, polit-bsu@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Национальная безопасность является сложной многоуровневой функциональной системой, в которой происходят процессы взаимодействия и борьбы жизненно важных интересов личности, общества и государства с угрозами этим интересам. Одним из существенных элементов системы национальной безопасности является религиозный фактор.

Религиозный фактор как динамичная система религиозно-философских взглядов (догматика, теология, религиозная философия, включающая различные современные философские идеи); культа (как наиболее стабильного консервативного элемента, особенно в сформированных религиях); сложившихся в ходе культовой деятельности отношений между последователями той или другой религии, их отношения к другим конфессиям; различных институтов (церковь, секта, деноминация, новые религиозные движения и т.д.) является условием функционирования религиозных организаций и объединений в современном обществе и государстве, оказывает влияние на жизнь общества.

Вопреки мнению, которое в силу определенных (прежде всего политических) обстоятельств активно предлагается сегодня белорусскому обществу, что якобы активизация религиозной жизни в стране несет нашему обществу исключительно позитивные приобретения, необходимо отметить, что по отношению к национальной безопасности такая позитивная однозначность отсутствует. Процесс активизации религиозной жизни общества сопровождается рядом тенденций, укоренение и развитие которых по отношению к национальной безопасности представляет определенную угрозу. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2001), определяя основные источники угроз национальной безопасности, указывает в том числе и на экстремистскую деятельность религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Республики Беларусь и дестабилизацию внутриполитической и религиозной ситуации в стране. Поэтому сегодня вполне правомерно говорить о религиозной безопасности как об одном из видов национальной безопасности.

Специфика религиозной безопасности предполагает учет нескольких структурных элементов. Прежде всего, это реальная схема конфессиональной ориентированности (самоидентификации) населения, находящаяся под воздействием или собственно религиозных, или внеконфессиональных факторов. К факторам первого типа можно отнести активизацию или спад ак-

тивности отдельных религиозных образований, поиск ими новых форм самовыражения и убеждения верующих. К факторам второго типа можно отнести выделение приоритетов, изменение доминантных позиций в межконфессиональных отношениях, в общей расстановке религиозных сил и влияний, увеличение или уменьшение удельного веса религиозных организаций в конфессиональной структуре общества, их непосредственного влияния на все стороны общественной, нерелигиозной жизни. Немаловажны и расстановка акцентов в государственной конфессиональной политике, обоснование стратегии и тактики по отношению к действующим конфессиональным структурам. Говоря о религиозной безопасности Республики Беларусь в данном аспекте, необходимо вести речь о защищенности религиозной сферы от деструктивных и дестабилизирующих внутренних и внешних воздействий. Однако защищенность религиозной сферы должна быть не самоцелью, а фактором, способствующим стабильному, устойчивому, демократическому общественному развитию Беларуси, что в свою очередь предполагает и недопустимость превращения религиозной сферы в источник опасностей и угроз для граждан, общества и государства.

Наибольшую угрозу представляют религиозный фундаментализм и деятельность в республике иностранных религиозных организаций, а также деятельность неомистических и псевдорелигиозных организаций, проповедующих разные формы мистики, оккультизма и суеверий.

По своей сути религиозный фундаментализм представляет собой доктрину, предписывающую возвращение к авторитету сакральной традиции той или иной конфессии и противопоставление ее современному обществу, светскому государству и его идеологиям. Для религиозного фундаментализма, независимо от конфессии, свойственно категорическое неприятие практикуемого в современном обществе разделения светского и религиозного и стремление воссоединить светскую власть и конфессиональный авторитет в единой институциональной структуре. Основной тезис фундаментализма заключается в порочности самого принципа автономности и неподконтрольности личной сферы по отношению к публичной. В качестве альтернативы религиозный фундаментализм предлагает теократическую модель политического устройства, контроль религиозных властей над сознанием и личной жизнью людей, введение религиозного суда вместо светского и т.д. Поэтому религиозный фундаментализм составляет угрозу для любого государства современного типа. Следствием и продолжением фундаментализма является религиозный экстремизм, характеризующийся крайностями в интерпретации вероучения и в выборе методов практической реализации своих целей. Религиозный экстремизм направлен на подрыв основ светского государства, сложившегося социального порядка, против законов и правовых норм, регулирующих государственно-конфессиональные отношения.

Существенную угрозу религиозной безопасности составляет влияние и распространение на территории Республики Беларусь нетрадиционных религиозных культов и сект, многие из которых обладают деструктивным потенциалом, разрушая психику культистов, зомбируя их, внушая ненависть к семье, обществу и государству, стремление изолироваться от них. Помимо этих негативных последствий суть угрозы составляют пропагандируемые и навязываемые такими организациями примитивизированные концепции веры, агрессивная критика с их стороны традиционных конфессий и их культовых практик. Множественность и фундаментальный характер угроз религиозной безопасности Беларуси и ее жителей указывают на необходимость не только мер по ограничению этих угроз, но и выработки обществом системы защиты от этих угроз и ограничивающего воздействия на них с целью сохранения самобытности и недопущения размывания национальной идентичности. Подобная система защиты должна быть развернута в политическом пространстве белорусского общества. Религиозная безопасность должна обрести политическую институционализацию, которая, тем не менее, не может в демократическом обществе базироваться на ограничениях свободы совести, на установлении запретов, то есть на привлечении административного ресурса. Нам представляется, что институционализация религиозной безопасности в политическом пространстве современного белорусского общества возможна только в условиях становления и развития идеологии белорусского государства, содержание которой должно соответствовать требованиям времени и отражать геополитический статус Республики Беларусь, ее специфику как полиэтничной и поликонфессиональной страны, духовно-культурную самобытность при учете значимости христианских ценностей и реализации индивидуальности как фактора успешного общественного развития.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) – Мн.: Амалфея, 2005. – 48с.

2. Об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 14 ноября 2005г. // Нац. Реестр правовых актов Республики Беларусь – 2005. – №188. – 2/1157.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Республики Беларусь от 17 июля 2001 г. № 390 // Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – №69. – 1/2852.

Ю.У. Іваноўскі

Інстытут сучасных ведаў ім. А.М. Шырокава, г. Мінск, uriv@bk.ru

МЯСЦОВЫ РЭФЕРЭНДУМ: УДАКЛАДНЕННІ МЕМАРЫЯЛЬНЫХ АДЗНАК ДА ХАРАКТАРЫСТЫКІ СІСТЭМНАЙ МАДЭЛІ ПРАВЯДЗЕННЯ Ў КРАІНАХ САЮЗНАЙ ДЗЯРЖАВЫ

Сучасныя працэсы аказваюць істотны ўплыў на эвалюцыю палітычных сістэм, мадыфікуючы і змяняючы іх: узаемазвязаны свет, глабалізацыя ператвараюць інфармацыйна-рэсурсныя сеткі ў транснацыянальныя, незалежна пераадольваючы дзяржаўныя межы, што стымулюе ў лакальных сістэмах дадатковыя магчымасці і варыянты развіцця, паскарэнне эвалюцыі асобных дзяржаў. Тэндэнцыя да ўскладнення нацыянальных палітычных сістэм спалучаецца з тэндэнцыяй да іх частковай уніфікацыі і памяншэння разнастайнасці. У прыватнасці, гэты працэс звязаны з супярэчлівай прыродай распаўсюджвання многаўзроўневых сістэм палітычнага кіравання. Асновай адносін паміж узроўнямі публічнай улады ў прававых, дэмакратычных дзяржавах зґяўляюцца размежаванне паўнамоцтваў, прынцып фарміравання кампетэнцыі кожнага ўзроўню.

У рамках палітычнага кіравання асаблівае становішча займае мясцовая ўлада як спосаб жыццядзейнасці мясцовага згуртавання, звязанага з фарміраваннем палітычнай сацыялізацыі і забеспячэння ўзроўняў палітычнай кампетэнцыі. Мясцовы рэферэндум – форма праяўлення непасрэднай дэмакратыі, якая дазваляе ўладзе найбольш абґектыўна ўлічваць волю насельніцтва, а грамадзянам – прымаць самастойныя рашэнні. Скарыстанне мясцовых рэферэндумаў у мэтах абароны канстытуцыйных правоў грамадзян у парламенцкай практыцы і палітыцы Саюзнай дзяржавы адлюстравана ў канстытуцыйных нормах Расійскай Федэрацыі [1; с. 2, 45] і Рэспублікі Беларусь [2; с. 17-18]. Праблема пабудовы тэарэтычна абгрунтаванай мадэлі гэтага волевыяўлення даследуецца ў шэрагу публікацый [3] і дысертацыйных прац [4], дзе даследчыкі спрабуюць адлюстраваць феномен мясцовага рэферэндуму.

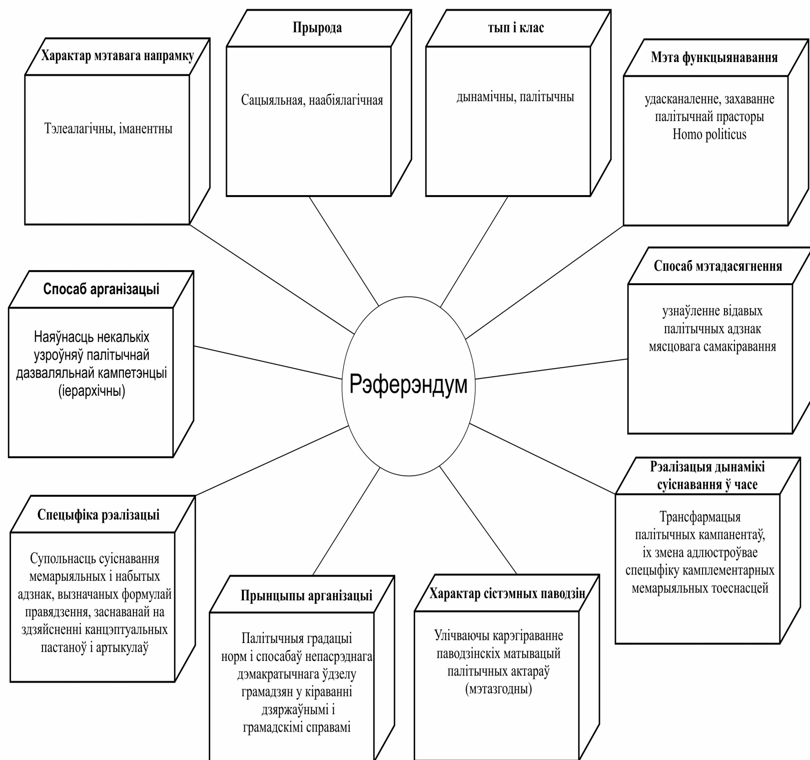
Першы рэферэндум (кантон Берн, Швейцарская Канфедэрацыя) адбываўся ў 1439 годзе, і як інстытут мае featured розрамадэльныя, многаварыянтныя формулы здзяйснення правядзення ў розных краінах свету. Трактоўка мясцовага рэферэндуму як складанай дынамічнай сістэмы небіялагічнай прыроды, што ўтрымлівае сукупны гістарычны вопыт відавога палітычнага існавання чалавека, мае рацыю ў сучаснай парламенцкай практыцы. Забяспечваючы трансляцыю, вызначае яго кампаненты паралельна з узнаўленнем відавых адзнак homo politicus, на нашу думку, мясцовы рэферэндум з’яўляецца адным з палітычных інстытутаў назапашвання, узнаўлення, развіцця і выкарыстання ў сегментах працэдур непасрэднай дэмакра-

тыі з характэрнымі мемарыяльнымі адзнакамі і ўласцівасцямі. Стварэнне мемарыяльных кампанентаў і дэміфалагізацыя рэальна дзеючых у мясцовым рэферэндуме, своечасовае іх пераасэнсаванне трэба ўспрымаць як складаную эвалюцыю чалавечага вопыту ў палітычнай практыцы. Характэрныя мемарыяльныя рысы адзнакі неабходны як памяць (memoria) аб былым, як гарант захавання каштоўнасцей мясцовага рэферэндуму, яго палітычна-прававых норм, перспектыў развіцця.

Адбор іманентна ўласных мемарыяльных адзнак мясцовага рэферэндуму, выкарыстанне іх у палітычнай культуры, як і ў кожнай складанай сістэме, што дзейнічае ў палітыцы, вызначаецца мэтай, на дасягненне якой накіравана яе функцыянаванне. Кажучы інакш, палітычная культура – гэта сістэма, якая выкарыстоўвае інфармацыю аб мясцовым рэферэндуме ў пэўных мэтах развіцця дэмакратызацыі, і мемарыялізаванымі кампанентамі ніяк не зададзена, наадварот, – яна задаецца гэтымі мэтамі. Тым не менш, ужо зараз відавочна, што толькі сістэмная тэорыя, яе тычныя стасункі, здольна забяспечыць удакладненне мадэлі мясцовага рэферэндуму, якая б адказала як гэта сістэма працуе, якія мемарыяльныя адзнакі паспяхова выкарыстоўваюцца, на якіх прынцыпах яна дзейнічае, як суадносіцца з эфектыўнымі ўласнымі паўнамоцтвамі мясцовага самакіравання. Акрамя таго, гэта мадэль павінна мець і статычную, і дынамічную складальную як для раскрыцця агульных прынцыпаў арганізацыі мясцовага самакіравання ў Саюзнай дзяржаве, так і для разумення працэсаў, якія мелі або маюць быць на розных яго ўзроўнях. Дарэчы, неабходна і дастаткова вызначыць, як і чаму менавіта так, а не інакш гэта мадэль «паводзіць сябе», спрыяе інтэграцыйнаму палітычнаму працэсу, выконваючы функцыю мэтапалагання ва ўмовах трансфармацыі і сумеснага выкарыстання палітычных механізмаў правядзення мясцовага рэферэндуму (гл. схему).

Далейшая распрацоўка сістэмнай мадэлі мясцовага рэферэндуму ў краінах Саюзнай дзяржавы будзе ажыццяўляцца, на наш погляд, перш за ўсё не толькі ў якасці мадэлі, але яшчэ і ў якасці канстытутыўнага элемента, пасрэдуючага звяна, азначаемага ў плане развіцця самой палітычнай інтэграцыі дзяржаў канфедэратыўнага аб’яднання. Паглыбляючыся ў аналіз канкрэтнай спецыфікі функцыянавання мясцовага рэферэндуму як формы непасрэднай дэмакратыі, палітычныя лідэры і дзеячы, навукоўцы, спрабуючы даследаваць феномен сацыяльнай кансалідацыі двух народаў, набудуць звесткі аб адзіных характэрных адзнаках у мясцовай палітыцы, агульных заканамернасцях, праяўленых у эвалюцыі палітычнай культуры Саюзнай дзяржавы. Асаблівасць функцыянавання розных падсістэм спрыяе магчымасці ўбачыць тэндэнцыі развіцця дзяржаўных структур, іх сувязь з сусветнай палітычнай сістэмай па адзіных фенаменалагічных і метадалагічных высновах. Акрамя таго, у XXI стагоддзі зменіцца карта рэгіянальнага размежавання, і дзяржаўны саюз краін – Расійскай Федэрацыі і Рэспублікі Беларусь – складзецца ў адзіны рэгіён сусветнага прызначэння.

Мясцовы рэферендум
(частковыя адзнакі і уласцівасці)

Спіс літаратуры

1. Конституция Российской Федерации. Официальный текст. Принят всенародным голосованием 12 декабря 1993. – М: Норма, 2001.

2. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 г. (са змяненнямі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г. і 17 кастрычніка 2004 г.) – Мн.: Беларусь, 2006.

3. Василевич, Г.А. Конституция Республики Беларусь: науч.-практ. комент. / Г.А. Василевич. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2005. – С. 264 –268; Демичев, Д.М. Референдум как институт непосредственной демократии / Д.М. Демичев // Сб. науч. трудов Барановичского ГУ. – Барановичи, 2007. – С. 13 – 20; Дюпан, А. Народное законодательство в Швейцарии: истори-

ческий обзор / А. Дюпан. – Пт, 1906; Зятева, И.Ю. Особенности процедуры местного референдума в Российской Федерации / И.Ю. Зятева // Политика и общество. – 2009. – № 8. – С. 61 – 63; Комарова, В.В**.** Референдумный процесс в Российской Федерации / В.В. Комарова. – М., 2004; Jabiocski, M. Polskie referendum akcesyjne / M. Jabiocski. – Wrociaw: WUW, 2007; Council of Europe. Local referendums: Rep. prep. By the Steering Comm. on Local and Regional Authorities (CDLR) for the 10th Conf of Europe. Min responsible for Local Covemment, the Hague, 15-16 sept. 1993. – Strassburg: counsul of Europe Press, 1993. – (local and regional authorities in Europe, №.52) Fr. ed.: Les referendums Locaux.

4. Десертацыйныя працы на суісканне вучонай ступені кандыдата юрыдычных навук: Зятева, И.Ю. Конституционное право граждан на местный референдум в Российской Федерации / И.Ю. Зятева. – М., 2009; Никитенко, М.Н. Конституционно-правовые основы местного референдума в Российской Федерации М.: 2009.

5. Устинов Д.Ю. Референдум и выборы как формы прямого народовластия граждан при осуществлении местного самоуправления в Российской Федерации / Д.Ю. Устинова. – Саратов, 2000 і на суісканне вучонай ступені доктара юрудычных навук: Бондарев, С.В. Политико-правовая институализация местной власти в современной России: дисс. ... д-ра юрид. наук / С.В. Бондарев. – Ростов-на-Дону; 2009.

Е.М. Ильина

Белорусский государственный университет, г. Минск,
elenail888@gmail.com

МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В УСЛОВИЯХ ПОСТРОЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Весьма актуальной методологической проблемой научных исследований, учитывая сверхсложность и уникальность современных политических процессов, представляется трансформация фундаментального теоретико-методологического инструментария в прикладные методики политического анализа процесса развития белорусской политической системы в контексте формирования информационного общества.

В результате проведенного комплексного целенаправленного исследования процесса формирования и реализации государственной политики информатизации (ГПИ) в Республике Беларусь инструментарий общенаучных и специальных методов познания удалось объединить в прикладной методике, основанной на интегративном статико-динамическом подходе. Алгоритм данного подхода можно представить в виде последова-

тельной имплементации следующих шагов: 1. Формализация периодизации процесса ГПИ Республики Беларусь в контексте трансформации ключевых центров принятия решений и их функций. 2. Разработка структурно-функциональной модели современного механизма принятия решений в сфере ГПИ Республики Беларусь. 3. Наполнение конкретным структурно-функциональным содержанием теоретической модели политико-управленческого цикла ГПИ в контексте реализации программы «Электронная Беларусь» [1, с. 177–179].

Доказано, что интегративный статико-динамический подход впервые в отечественной политической науке позволил выявить внутреннюю институциональную структуру и динамику процесса формирования и реализации ГПИ как структурно-функциональной развивающейся иерархически-сетевой целостности. Данный подход достаточно универсален и его можно распространить на анализ политики во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности социума и государства.

Процесс формирования и реализации любой политики является развитием во времени структурно-функциональной иерархически-сетевой целостности. Данная развивающаяся целостность, адекватная особенностям процесса разработки и имплементации каждой конкретной политики, дезагрегируется из институциональной, функциональной, коммуникативной, нормативно-регулятивной и политико-культурной подсистем политической системы белорусского общества. Органическое единство, совокупность этих развивающихся, взаимосвязанных целостностей, вычлененных из политической системы, и характеризует политический процесс, развитие политической системы в целом.

Ядром политики является процесс принятия управленческих решений [2, с. 5]. Управленческие решения «встроены» в структуру политического процесса в рамках механизмов формирования и реализации отдельных политик. Проецирование управленческих решений на политический процесс осуществляется в рамках третьего шага представленного выше алгоритма интегративного статико-динамического подхода.

Эффективность управленческих решений зависит от качества релевантной информации. Каждая фаза выработки и реализации управленческих решений субъектами политического процесса, власти и государственного управления предполагает имплементацию следующих стадий информационно-аналитического обеспечения: планирование, сбор, обработка, анализ, обоснование, проверка, накопление, хранение, актуализация и предоставление информации пользователям [3, с. 73, приложение 2]. На разных фазах процесса принятия решений используются различные информационные и телекоммуникационные технологии, которые, являясь одним из ключевых элементов информатизации, становятся основным инструментом совершенствования информационно-телекоммуникационной поддержки управленческих решений [4, с. 31–32].

Выступая на международном саммите «Соединим пространство СНГ» в ноябре 2009 г., Глава государства А. Г. Лукашенко подчеркнул: «Динамичное развитие информационных технологий и их внедрение в повседневную жизнь стали неотъемлемой частью развития всех государств мира. <...> Мы оснастили компьютерами школы, органы государственной власти и управления, для того чтобы расширить сферу применения услуг Интернета, упростить и облегчить доступ к информации всем нашим гражданам. <...> Уже к 2015 году необходимо сформировать целостную государственную систему электронных услуг, предоставляемых организациям и гражданам» [цит по: 5].

Представляется, что в условиях построения информационного общества оптимизации информационно-аналитического обеспечения политического процесса будет способствовать выполнение ключевого проекта и одновременно достижение итогового результата программы «Электронная Беларусь» – создание общегосударственной автоматизированной информационной системы (ОАИС), формирующей единый национальный информационный ресурс на основе Единого государственного регистра Республики Беларусь, с выходом в мировое информационное пространство [4, с. 45–46].

Способствовать повышению доступности и качества предоставляемой гражданам и юридическим лицам информации о деятельности государственных органов, иных организаций и интернет-услуг призван также Указ Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет».

Таким образом, в контексте предложенной прикладной методики, основанной на интегративном статико-динамическом подходе к анализу политики как структурно-функциональной развивающейся иерархически-сетевой целостности, в докладе:

- показано место управленческих решений в структуре политического процесса;
- представлена интерпретация политического процесса как органического единства взаимосвязанных структурно-функциональных развивающихся иерархически-сетевых целостностей, характеризующих процессы формирования и реализации всей совокупности проводимых в рамках политической системы политик;
- доказано, что внедрение ОАИС, связанное с совершенствованием процессов планирования, сбора, обработки, анализа, обоснования, проверки, накопления, хранения, актуализации и предоставления информации на каждой фазе подготовки, принятия и имплементации управленческих решений, будет означать целенаправленное продвижение нашей республики к информационному обществу.

Список литературы

1. Ильина, Е.М. Теоретико-методологические основы государственной политики информатизации Республики Беларусь / Е.М. Ильина // Белорусская политология: многообразие в единстве – III: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 22–23 мая 2008 г. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: В.Н. Ватыль (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2008. – С. 177–179.

2. Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений: моногр. / С.В. Решетников. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2003. – 152 с.

3. Управление: государство, политика, безопасность: моногр. / М.В. Ильин [и др.]. – М.: ИСПИ РАН, 2006. – 336 с.

4. Ильина, Е.М. Содержание и основные направления государственной информационной политики в контексте государственной политики информатизации / Е.М. Ильина // Государственная информационная политика и средства массовой информации: пособие / Н.Н. Малишевский, Е.М. Ильина. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – Тема 2. – С. 24–49.

5. Лукашенко, А.Г. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко перед участниками специального заседания саммита «Соединим пространство СНГ» / А.Г. Лукашенко [Электронный ресурс]. – Минск, 11 нояб. 2009. – Режим доступа: http://www.president.gov.by/press80064.html#doc – Дата доступа: 10.01.2010.

С.Т. Кавецкий

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина, г. Брест kstbrest@mail.ru

ФЕНОМЕН БЮРОКРАТИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТОТАЛИТАРИЗМА

Рассматривая феномен аномии на постсоветском, постсоциалистическом пространстве необходимо анализировать процессы предшествующие этому состоянию. Как известно в СССР и в социалистическом лагере господствовал тоталитарный режим, где определяющим был лозунг: «Разрешено все, что приказано». Тоталитарный режим разрушает систему общечеловеческих ценностей, ориентаций, навязывая личности определенную «механическую» модель мышления и деятельности. Государство, не оставляя личности ни грана экономической и политической свободы, концентрирует в своих руках функцию социального выбора, оставляя индивиду право на согласие с реализуемой альтернативой. В этих условиях формой аномии выступают: тоталитарный характер мышления; оценка социальной действительности и перспектив развития с позиции монопо-

лии на истину; низкая информационная культура социума, отсутствие когнитивной зрелости в обществе; господствующее извращенное массовое сознание. Практика социализма показала, что обобществление средств в определенной мере освобождает человека труда. Но выяснилось и то, что само по себе упразднение частной собственности автоматически не исключает отчуждение. Считалось, что отчуждение – это исключительно проблема капитализма, а в условиях социализма его не может быть, ибо ведущей тенденцией развития социалистического общества является расцвет общества и достижение его социальной однородности в рамках всеобщего благополучия, но практика оказалась другой. В 30-е годы шло становление и утверждение административно-командной системы, а вместе с ней осуществлялся процесс отчуждения человека в самых одиозных формах проявления, включая и отчуждение к самой жизни. В экономической области это отчуждение от собственности, наглядным примером отчуждения в политической области стали выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся в 1937 году. По данным избирательной комиссии на выборы пришло 99,9 % избирателей, и за блок коммунистов и беспартийных проголосовало 99,9 % пришедших на избирательные участки, в духовной сфере господствовало «единомыслие». Все это усугублялось личной диктатурой И.В. Сталина, его личными качествами. После смерти И.В. Сталина дальнейшее развитие страны связано с «оттепелью» 50-х годов. События тех лет были неоднозначны и противоречивы: с одной стороны реабилитация жертв сталинских репрессий, подъем промышленности, освоение целины, осуждение культа личности И.В. Сталина и его последствий на XX съезде КПСС, а с другой стороны полумеры во всех сферах реформирования общественной жизни не могли изменить сталинскую политическую систему, Объединение власти в одних в руках в 1958 году ставило высшее должностное лицо [Н.С. Хрущев] вне критики. И все же общие тенденции развития страны создавали устойчивые предпосылки преодоления тех форм отчуждения, которые были обусловлены сталинщиной «Из всех возможностей Н.С. Хрущев реализовал только одну – право человека на свою жизнь. В принципе это уже не мало» [2, с. 118]. Политическая карьера Н.С. Хрущева была прервана в 1964 году, а отчужденному народу предоставили возможность прочувствовать сущность бюрократического социализма. Феномен бюрократии носит многовекторный характер. В том числе он является фактором, обеспечивающим тотальное отчуждение людей от собственности, власти, культуры и от самих себя. Реализация этих тенденций привела к осуществлению модели бюрократического социализма, в рамках которой понятие «застой» стало характеристикой последних лет правления Л.И. Брежнева. «Зигзаги истории таковы, что при определенных условиях бюрократ начинает манипулировать самим «хозяином», превращая незадачливого правителя в марионетку» [3, с. 106].

Тоталитаризм, не имея прочной социальной базы, является политически нестабильным режимом, что может привести его к трансформации.

Возможна трансформация тоталитаризма как по направлению к демократии, так и по циклическому кругу (от «левого» тоталитаризма к «правому» и наоборот).

Трансформации возможны при смене элит. Смена элит опирается, прежде всего, на изменение типа духовного производства и ведет к смене традиционных форм аномии новыми. Среди этих форм аномии можно выделить следующие:

- воинствующий патернализм или агрессивное политическое суеверие;
- разрушение традиционных ценностей и стереотипов;
- кризис доверия к любым политическим институтам со стороны общества;
- усиление перераспределительных настроений в обществе;
- «бунтарское» сознание и поиск новых «врагов»;
- взрыв «харизматичекого» состояния;
- модель политической культуры, основанная на бюрократической иерархии.

Более подробно остановимся на феномене бюрократии. Сегодня не найдется ни одной страны, ни одной сферы общественной мысли, где бы явление бюрократизации и бюрократический слой не клеймили бы как социальное зло, рассадник коррупции и альтернативу демократизации. Процесс возникновения и возвышения бюрократической элиты и ее охвостья в советский период стал изучаться лишь с конца 80-х годов XX века. Анализируя этот феномен, аналитики приходили к выводу, что «наиболее удобным и страшным средством становится аппарат в руках тоталитарных режимов. Власть бюрократии в этих условиях становится практически подавляющей, пронизывает как метастазы все общественной жизни. Бюрократы становятся правящей кастой и устанавливают порабощающие государственно-политические порядки» [3, с. 106]. Но определить зло, поставить диагноз – это еще даже не половина дела. Распад СССР дал импульс созданию новых независимых государств, национальных элит и соответственно аппарата управления. Национальные бюрократии в основном создавались на базе советской номенклатуры и быстро усвоили высший суверенный государственный уровень чиновничества.

«В России в конце 2008 года было около 1,5 миллион чиновников. По данным комплексного исследования «Качество государственного управления в России» проведенного Высшей школой экономики по заказу Минэкономразвития проведенного осенью 2008 года лишь у 10 % респондентов нет проблем при получении государственных услуг, 13 % ответили, что их выводит из себя волокита, 17 % – длительность ожидания результатов, 16 % опрошенных жаловались на томление в очереди, 10 % респондентов при общении с ведомствами обращались к посредникам, при этом личные связи склонны использовать до 50 % граждан Санкт-Петербурга, до 40 % Москвы, в сельской местности до 30 %» [1, с. 3]. Парадокс заключается в том, что более половины опрошенных россиян качество

работы чиновников оценили удовлетворительно. Это говорит о том, что люди привыкли к невысокому качеству государственных услуг. Бюрократия завоевывает пространство и время в постсоветском обществе.

Таким образом принадлежность к бюрократическому клану приносит власть и материальные блага, которые бюрократ намерен защищать со всем присущим ему умением. Возникает корпоративная система самозащиты, безликая круговая порука, организованная безответственность, корпоративная мораль. В ряде случаев захватывают если не все, то значительную часть собственности, например, монополизируют и распределяют знания и информацию.

Список литературы

1. Имя им бюрократы / Известия – 2008. – 3 декабря.
2. Кальной, И.И. Отчуждение истоки и современность / И.И. Кальной. – Симферополь: Таврия, 1990. – 192 с.
3. Коклюхин, В.В. Возвышение и отчуждение бюрократичекой элиты / В.В. Коклюхин, С.Т. Кавецкий // Тезисы докладов всесоюзной научно-теоретической конференции «Отчуждение как социокультурный феномен: теория, история, современность»; под ред. И.И. Кального. – Симферополь: Таврия, 1991. – 112 с.

В.В. Калюта
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, kaluta2003@tut.by

О ТАКТИКЕ РСДРП В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Особое значение в деятельности социал-демократических организаций в Беларуси в начальный этап революции до IV объединительного съезда приобретал вопрос о согласованной деятельности с Бундом, который продолжал играть ведущую роль в социал-демократическом движении на территории Беларуси. Еще накануне революции 6 ноября 1904 года на собрании членов ЦК РСДРП было принято решение о возможной согласованной практической деятельности с Бундом и латышскими социал-демократами. Этот же вопрос обсуждался в связи с начавшейся революцией в январе 1905 г. на совместном совещании, участие в котором приняли представители ЦК РСДРП, Бунда, Латышской социал-демократической партии

и Революционной украинской партии (РУП). В итоге в начале 1905 г. наблюдается совместная деятельность РСДРП и Бунда по руководству стачечным движением и политическими демонстрациями в Гомеле, Минске, Могилеве, Сморгоне, Брест-Литовске, Вильно и др. городах Беларуси. ([1], стр.22-23) В ряде городов Беларуси организации и группы РСДРП заключали соглашения с Бундом по разграничению сферы влияния среди рабочих по национальному признаку. Гомельская группа РСДРП заключила соглашение с местным комитетом Бунда, по которому она обязалась не работать среди еврейских рабочих. ([2], стр.46) Аналогичное соглашение с местным комитетом Бунда на время стачки заключила Могилевская организация Полесского комитета РСДРП. По условиям этого соглашения Могилевский комитет Бунда брал на себя работу среди еврейского пролетариата, а Могилевская организация Полесского комитета РСДРП среди христианского пролетариата. Обе организации обязались всеми силами поддерживать друг друга и создали совместную комиссию для решения общих вопросов.

После обнародования Закона от 6 августа 1905 года, состоялась I областная конференция представителей РСДРП Северо-Западного края, в вопросе об отношении к национальным Социал-демократическим партиям, конференция отметила необходимость объединения всего российского пролетариата в борьбе против самодержавия и высказалась за соглашения между РСДРП и национальными партиями. Для организации общих выступлений допускалось учреждение на местах совместных комиссий из представителей различных революционных организаций. С этой целью ЦК РСДРП принимает решение организовать конференцию социал-демократических партий и организаций России. Конференция проходила с 20 по 22 сентября 1905 года. На ней были представлены большевистский ЦК (Д.Постоловский), меньшевистский ОК (В.Гутовский), Бунд, Латышская социал-демократическая партия.

В апреле 1906г. в Стокгольме состоялся IV так называемый (объединительный) съезд РСДРП. На съезде произошло долгожданное, но, как оказалось, в значительной мере формальное объединение основной части социал-демократов на территории России, включая большевиков, меньшевиков, Бунд, социал-демократию Польши и Литвы, а также Латышскую социал-демократию. Из 112 делегатов с правом решающего голоса 62, т.е. более половины, приходилось на меньшевиков. По подсчетам российских историков в русских организациях РСДРП примерно состояло около 70 тыс. человек, – Бунд насчитывал 33 тыс., польские социал-демократы – ориентировочно 28 тыс. и латышские – 13 тыс. человек. Таким образом общая численность социал-демократов на территории России к этому времени насчитывала около 144 тыс. человек. ([3], стр.272)

Обсуждение и принятие съездами проекта условий объединения Бунда с РСДРП имели большое значение для создания единства в социал-демократическом движении на территории Беларуси. Параллельное суще-

ствование во многих городах и местечках организаций РСДРП и Бунда было одной из главных причин раскола в революционном движении в Беларуси. Согласно принятого съездом проекта условий объединения, Бунд входил в состав РСДРП как социал-демократическая организация еврейского пролетариата. Он принимал программу РСДРП, признавал обязательным для себя все постановления общепартийных съездов, сохранял самостоятельность в вопросах агитации, организации и пропаганды. На местах организации РСДРП и Бунда должны были создавать единые руководящие общегородские комитеты РСДРП. Сохраняя свои местные организации и центральные учреждения, Бунд мог самостоятельно распоряжаться всеми делами своей организации, посылать на общественные съезды и конференции своих представителей, пользоваться представительством в ЦК РСДРП.

В мае 1906 г. состоялся съезд Северо-Западного союза РСДРП, на котором были представлены Виленская, Гродненская, Минская, Брест-Литовская, Островская, Пинская, Ковенская, Двинско-Лидская, Свенцянская, Ошмянская, Сморгонская организации РСДРП. Для детальной разработки условий объединения на местах съезд предложил ЦК созвать конференцию организаций Северо-Западного края.

В сентябре 1906 года во Львове состоялся VII съезд Бунда который большинством голосов принял решения об объединении партии с РСДРП.

В октябре 1906 года состоялась конференция Областного союза РСДРП Литвы и Беларуси принявшая проект резолюции ЦК об объединении с Бундом. Руководящим органом местных организаций РСДРП должен был стать общегородской комитет, избираемый на собрании выборщиков, на основе пропорционального представительства. На комитет возлагалось руководство всей местной работой по выполнению общепартийных решений и постановшений собраний выборщиков.

В конце февраля – начале марта 1907 года состоялась конференция организаций РСДРП Литвы и Беларуси, которая приняла выработанную представителями Витебского комитета Бунда и РСДРП резолюцию «Об объединении с Бундом», предусматривающую создание общегородских комитетов на основе прямых пропорциональных выборах по организациям. Объединенный комитет решал все вопросы, касающиеся всего пролетариата данного региона, осуществлял контроль за проведением своих решений в жизнь соответствующими организациями. Для решения важнейших общеполитических и местных вопросов проект предусматривал созыв общегородской конференции. Фактически подтверждались положение об объединении с Бундом, принятые конференцией Областного союза РСДРП Литвы и Беларуси в начале октября 1906 года.

С 30 апреля по 19 мая 1907 года в Лондоне проходил V съезд РСДРП. Это был наиболее представительный общепартийный съезд, в работе которого участвовало 342 делегата от 150 тысяч членов партии из 145 партийных организаций. Среди делегатов от РСДРП с решающим голосом было

89 большевиков и 88 меньшевиков. 45 делегатов представляли Социал-демократию Польши и Литвы, 26 – Социал-демократию Латышского края и 55 – Бунд. ([4], стр.215). Съезд длился свыше двух недель и закончил свою работу за несколько дней до третьеиюньского переворота. Подводя итоги съезда примечательно, что практически во всех обсуждаемых вопросах неизменно сталкивались два подхода, две оценки, что предопределяло бесперспективность объединения меньшевистской и большевистской концепций. Слабо вырисовывалась и перспектива участия других национальных партий в объединенном российском социал-демократическом движении.

Список литературы

1. Программные документы политических партий и организаций России. – Мн., 1997. – 120 с.
2. Кузняев, А. На пути к Октябрю. – Мн., 1970. – 214 с.
3. История политических партий России: учеб. для студентов вузов, обучающихся по спец. «История» / Н.Г. Думова [и др.]; редкол.: А.И. Зевелев [и др.]. – Москва: Высшая школа, 1994. – 447 с.
4. История Коммунистической партии Советского Союза: учеб. / И.М. Волков [и др.]; редкол.: Н.Р. Андухов [и др.]. – Москва: Издательство политической литературы, 1971. – 736 с.

Н.М. Канашевич

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Изменения, происшедшие в обществе и культуре начиная со второй половины XX века, принято связывать с новой постиндустриальной эпохой, или эпохой постмодерна. Испанский социолог М. Кастельс первым выделил три её систематизирующих характеристики: 1) переход на новый информационный этап развития, когда главным хозяйственным ресурсом и главным продуктом общественного производства становится информация; 2) процессы глобализации, выражающиеся в универсализации управления экономическими и политическими процессами, распространении однородных эстетических и поведенческих образцов деятельности, формировании наднациональных структур; 3) расширение масштабов сетевых способов взаимодействия людей и виртуальной деятельности, осуществляемой посредством символов и знаков [1].

Результатом отмеченных процессов стало усложнение всех сфер общественной жизни, прежде всего, политики – перестройка механизмов её реализации, появление новых технологий презентации гражданских интересов, организации диалога между властью и обществом, изменение роли идеологии в конструировании реальности, механизмов воспроизведения идеологизированной политики. При оценке места идеологии в жизни современного общества, также как на протяжении двух предшествующих столетий, очевиден разброс мнений исследователей: от отрицания значимой роли идеологии в эпоху постмодерна, до более позитивных для неё сценариев. Опираясь на анализ работ авторитетных исследователей идеологических процессов можно обратить внимание на ряд позиций, отражающих реальные сложные и неоднозначные тенденции современного развития.

Ряд исследователей (З. Бауман, А.И. Соловьёв) считают, что в условиях появления новых способов политической коммуникации идеология вытесняется на периферию политики. На смену ей приходят более эффективные и адаптивные к запросам индивида способы продуцирования политических значений и символов: медиа-рекламная, имиджевая форма взаимодействия власти и общества, институты массовой культуры (кино, реклама, многочисленные шоу и телетеатры). Традиционные институты гражданского представительства – партии – уступают место СМИ, а партийно-политический плюрализм – аудиовизуальному плюрализму. Происходит превращение масс-медиа в механизм не просто отражения, но и производителя событий и идей. Медиа-повестка становится основой политического дискурса (если СМИ теряют интерес к проблеме, то она выпадает из публичного дискурса и деполитизируется). Происходит «деидеологизация политического пространства»: место идеологической идентичности начинает занимать культурная идентичность. Вместо систематизированных идеологией рационально-логических представлений об коллективных целях, посредством СМИ в современные механизмы политической идентификации встраивается чувственно-образная картина мира, реконструируемая каждым индивидом самостоятельно, извлекающим из контекста политически значимые факты и аргументы, соответствующие его этическим нормам и правосознанию.

По мнению других исследователей, в эпоху постмодерна, когда создаются условия для большей автономии индивида и осознания им права на собственный выбор, когда происходит ценностный поворот в общественном сознании, известный как переориентация с ценностей выживания и материального достатка на ценности самовыражения и самореализации (Р. Инглхарт, В. Бейкер и др.), идеология не только не покидает политического пространства, но и возрастает потребность в идеологическом обосновании разнообразных частных проектов. Многочисленные экологические, феминистские, студенческие, альтернативистские, антиглобалистские группы и движения сегодня активно требуют «социального признания», предлагают свои альтернативы решения практических задач. Причём, эти идеи не про-

дукт интеллектуалов, а возникают вследствие схожего опыта и ощущений людей, порождённых влиянием глобализации на развитие различных регионов мира. Массовизация и индивидуализация политических акторов, особенно ярко проявившиеся в наиболее развитых странах мира, в большей или меньшей степени обесценивают принципы межгрупповой конкуренции по поводу власти. В отличие от политических партий новые движения организованны как сети индивидов, в них отсутствует иерархия, единый идеологический центр, харизматические лидеры и другие традиционные идеологические атрибуты. Ряд политологов и социологов (Д.В. Иванов, А.Р. Тузиков и др.) считают, что постиодернизм способствует утверждению и других идеологий. Постмодернистское мировоззрение, основанное на ценностях виртуальной свободы, наслаждения, потребления, абсолютизации настоящего и противопоставления его прошлому и будущему лежит в основе идеологии потребительства (консьюмеризма), включающей идеи гламура, космополитизма, личного успеха и безответственности.

Усиление идеологических аспектов в деятельности самого государства – ещё одна отличительная особенность политического пространства в эпоху постмодерна, обусловленная как универсальными, так и региональными факторами. Значение идеологического аспекта в обеспечении жизнедеятельности современного суверенного государства обусловлено развитием процессов глобализации. Усиление «прозрачности» государственных границ влечёт за собой угрозу государственному суверенитету, сохранению самобытной культуры и национальной идентичности, усложняет проблему обеспечения национальной безопасности. Основное противоречие, порождённое процессами глобализации – это противоречие между «глобальным» и «локальным». В качестве идеологии эпохи постмодерна выступает также глобализм, в основе которого лежит универсализм, опирающийся на компьютеризацию. Эта идеология, с одной стороны способствует развитию глобализации как «культурного выравнивания мира» (такое её понимание дал американский президент Б. Обама, политолог по образованию в выступлении 9 октября 2009 т. при вручении ему Нобелевской премии мира). С другой стороны, идеология глобализма способствует проникновению принципов англосаксонского менеджмента, скрывает негативные последствия глобализации и претензии США на право определять судьбы других народов.

Как противодействие негативным последствиям глобализации следует рассматривать стремление государств политическими и идеологическими средствами защищать свой суверенитет и культурную самобытность, исторические и духовные ценности народов. Перед Беларусью и другими государствами, вступившими на путь демократизации и рыночных реформ, стоит выбор идеологической ориентации, как системы ценностей и руководящих принципов, разделяемых большинством населения и поддерживаемых государством, определяющих его внешнеполитические и внутриполитические стратегии. Поиски национальной идеи, позволяющей син-

тезировать национальные традиции и инновации, необходимые в эпоху постмодерна для обеспечения саморазвития общества – центральная тема идеологического дискурса в странах Восточной Европы и постсоветских государствах. В современном глобальном мире общегосударственная и общенациональная идеологическая доктрина является основой духовного единства народа и консолидации нации, условием создания конкурентоспособных экономических, социальных и политических институтов.

Таким образом, тема идеологии как важнейшего способа символизации политического пространства является предметом пристального внимания политологов, однако продолжает оставаться одной из наиболее неоднозначно трактуемых. Исследования затрагивают различные аспекты функционирования идеологии, но мнения политологов относительно места и роли идеологии в современных политических процессах существенно расходятся

Роль идеологии в современном обществе необходимо исследовать применительно к конкретной социокультурной ситуации, а также на различных уровнях политического пространства, включая: исследование механизмов вовлечения отдельного индивида в политико-идеологическое пространство и факторов динамики его ценностных предпочтений в новых реалиях; изменение институциональной основы функционирования идеологии в современном обществе; влияния на эти процессы международных и глобальных факторов.

Список литературы

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ.; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – С. 81.

И.И. Капалыгина, О.В. Лапа

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, hielga@rambler.ru

РОЛЬ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ

С усложнением общественных отношений недостаточным оказывается представление об обеспечении безопасности личности в информационном пространстве. Активная деятельность, общение, получаемая информация порой создают небезопасные для человека ситуации. С самого момента рождения человек начинает собирать и обрабатывать поступающую

информацию из окружающего мира, посредством музыки, живописи, архитектуры, кино, радио, телевидения, театра и других источников. Первоначально деление информации примитивно – на приятную и неприятную. Однако по мере увеличения ее объема, она может быть положительной и отрицательной, полезной и бесполезной, существенной и несущественной. Информация отображает все сферы жизнедеятельности общества, создавая тем самым особый, информационный, мир, в котором живет человек. Через средства массовой коммуникации (СМК) можно приобретать знания, получать образование в различных областях наук. В последние десятилетия СМК претерпевают значительные изменения вследствие распространения спутниковой связи, кабельного радио и телевидения, а также кассет, дискет, дисков, принтеров. Но наиболее массовое и сильное влияние на общество оказывают аудиовизуальные средства массовой информации (СМИ): радио и телевидение, Интернет и реклама.

Всемирная сеть занимает все более крепкие позиции в современном обществе. Интернет по сравнению с остальными каналами и СМИ обладает значительным преимуществом. Он может аккумулировать в себе все позитивные качества более ранних информационных ресурсов: периодичность, вербальность, многоаспектность и многообразность. Это колоссальный источник информации, возможность общаться, обмениваться опытом, совместно решать проблемы. Доступ к Интернету открыт всем людям, независимо от возраста, образования, профессии.

За последние десятилетия трансформации подверглись каналы передачи информации и тематические приоритеты. Удельный вес развлекательного сегмента неуклонно растет. Люди желают получать более разнообразную и изощренную информацию, не только статистически вербальную, но и аудиовизуальную. Порой СМИ доходят до такой точки в потакании интересам потребителей, что крайние формы насилия становятся основными информационными сюжетами. Познавательная информация востребована значительно реже. Утратив свою интеллектуальную составляющую, СМИ и каналы распространения информации несут угрозу как духовному, так и физическому здоровью личности.

Вопрос о сохранении национальной культуры и истории является одним из актуальных на сегодняшний день. Современная белорусская реальность позволяет увидеть, насколько успешно посредством информации происходит навязывание ценностей западного образца, как наиболее истинных и приводящих к социальной ориентации личности в сторону отрицания ценностей собственного народа и к отчуждению общества от своего исторически позитивного опыта. Отказ от национальной культуры, традиций, языка ставит под угрозу суверенитет государства как такового. Поэтому одна из главных задач белорусского государства должна включать в себя понятие информационной защиты населения от информации, поступающей из разнообразных источников для сохранения национального самосознания белорусов.

В ходе социализации необходимо учитывать воспитательное воздействие информации на личность, которое может иметь как положительный, так и отрицательный результат. Такие виды информационного воздействия как убеждение и внушение являются вполне допустимыми. Убеждение подразумевает «мягкое» воздействие на личность, ставящее целью скорректировать его взгляды, чтобы повлиять на последующее поведение. Проще убеждать тех людей, которые имеют яркое живое воображение, ориентацию на других или заниженную самооценку. Внушение подразумевает передачу информации с внедрением заключенных в ней идей без какой-либо критической оценки и логической переработки предлагаемого. О том, что работает внушение, а не осознанный выбор, свидетельствует эмоциональная реакция человека на малейшую попытку осуждения истины. Все противоречащее отвергается сразу. Чем убедительнее доводы, тем сильнее возмущение. Иногда информация искажается: предоставляются неточные сведения или другие факты. Тем самым создается основа для манипулирования сознанием и поведением людей. Скрытые манипуляции – неявное побуждение личности к переживанию определенных состояний, принятию нужных манипулятору решений или выполнению действий. Это, в свою очередь, угрожает психологической ее безопасности, поскольку слабо поддается самоконтролю.

Особую роль в манипулировании играет реклама. Если учесть, что образование – это целенаправленное воздействие на сознание и поведение людей с целью формирования определенных установок, ценностных ориентаций, обеспечивающих необходимые условия для развития, подготовки к жизни, то очевидно влияние массовой коммуникации в целом и рекламы в частности. При этом реклама практически индифферентна к таким последствиям увещевания, как сужение круга интересов до потребительских, насаждение социальной пассивности, снижение эстетических и этических критериев. Реклама задает определенные ориентиры: моральные, духовные, социальные, экономические, в том числе и те, которые уже существуют в обществе и выступают в качестве доминантных моделей общественного мнения, на которые общество будет ориентироваться, прививая необходимые в будущем навыки поведения. Причем информация, содержащаяся в рекламе, может нести в себе грубость, порождать насилие, жестокость, аморальное поведение. Например, реклама, о табаке, пиве оказывает влияние на взгляды людей. Меняется отношение личности к себе и окружающему миру, появляется поведение, далекое от нравственности и культуры. Трудно стать человеком, верящим в любовь и семейные ценности, если присутствует такая информация.

Каким образом защитить психику личности от всякого рода информации? Данный вопрос учеными рассматривается с учетом взаимосвязи психологической защищенности с механизмами ее обеспечивающими. Наиболее изученными и общепризнанными являются отрицание, подавление, вытеснение, проекция, идентификация, рационализация, замещение.

Отрицание – это стремление избежать новой информации, несовместимой со сложившимися представлениями о себе. Защита проявляется в игнорировании тревожности. Нежелательная информация не допускается, она необратимо теряется и впоследствии не может быть восстановлена. При подавлении защита проявляется в забывании, блокировании неприятной нежелательной информации при переводе ее из восприятия в память либо при выводе из памяти в сознание. Вытеснение связано с забыванием истинного, но неприемлемого для человека мотива поступка. Забывается не само событие, а его причина. Проекция – своеобразный механизм, связанный с бессознательным переносом собственных чувств, желаний стремлений на другое лицо. Идентификация – разновидность проекции, связанная с неосознаваемым отождествлением себя с другим человеком, переносом на себя чувств и качеств желательных, но недоступных. Рационализация – механизм защиты, связанный с осознанием и использованием в мышлении той информации, благодаря которой собственное поведение представляется хорошо контролируемым и не противоречит объективным обстоятельствам. В основе замещения лежит перенос реакции с недоступного на доступный объект или замена неприемлемого действия приемлемым.

При разработке стратегии информационной безопасности личности необходимо учитывать степень влияния информации на сознание, поведение и точку зрения человека. Проблемы информационной безопасности являются актуальными и нуждаются в дальнейшем внимании со стороны политиков, ученых и педагогов для создания благоприятного информационного пространства в социуме и воспитания личности.

В.В. Карпинский

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно

ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ АНТРОПОГЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

До настоящего времени историческая эволюция человеческого общества, смена этапов цивилизационного развития, несмотря на то, что менялись кардинально все структуры общества, не затрагивала организующей основы нашей цивилизации – биологической природы человека. Цивилизация оставалась антропоморфной, т.е. соответствовала биологическим параметрам человека. Любые инновации приспосабливались к физическим параметрам «стандартного» человека. Это было связано с тем, что человек не был в состоянии «переделать» себя биологически. Развивая техносферу он мог лишь усиливать свои изначальные природные дан-

ные. Даже сам человеческий разум закрепился в нынешней антропологической конфигурации, в морфологическом облике человека. Цивилизация в любом случает оставалась антропоморфной – с гуманизированными форматами всех ее несущих конструкций.

Когда биологическая эволюция сменилась социокультурной, а социальные отношения достаточно прочно укрепились, они сразу же начали жестко нормировать само понятие «человек», и биологические маргиналы, в каком бы виде они ни проявляли себя, немедленно отторгались и оттеснялись на социальную периферию. С появлением универсализованных нормативов видообразование человека было приостановлено. Возобладал процесс насильственной консолидации человека, который жестко удерживал разум в формате антропоморфности.

Положение изменилось лишь в конце XX века. Прежде всего, это связано с повсеместным утверждением либерализма, переплавленного за предшествующие столетия в законы и бытовые стереотипы и образующего сейчас основную фактуру западной цивилизации. Однако либерализм, утверждая в свободном обществе «равенство через разум», признавая критерием человека только сознание, с неизбежностью должен был социализировать маргинальные гендеры (условно говоря, «голубой», маскулинный гендер, чисто мужской, и «розовый», феминный, чисто женский). Либерализм дал «цветным» гендерам одинаковые права с натуралами. До сих пор маргинальные гендеры не имели реальной биологической самостоятельности. Они могли возникать, лишь отщепляясь от магистрали натурального гендера. Их генетическая зависимость была очевидной. Однако современные высокие технологии (биотехнологии, генная инженерия и т.д.) впервые могут обеспечить их биологическую автономность, а в перспективе и полную репродуктивную изоляцию. Традиционный способ продолжения вида может стать не единственным: нетрадиционные гендеры, например, могут поддерживаться неопределенно долго за счет клонирования. Обращение к «внешней» репродукции выглядит тем более неизбежным, что повышение надежности высоких технологий – дело времени, был бы социальный заказ. А социальный, точнее цивилизационный, заказ на технологии, например, клонирования уже имеется.

Гендерное расслоение человечества – это расслоение по «горизонтали». Однако в настоящее время все рельефнее начинает проявляться и другой важный процесс, который обозначают как расслоение по «вертикали». Иначе – когнитивное расслоение. Это связано с тем, что современное качественное и элитное образование стало практически недоступным для представителей низших имущественных групп, а все программы для одаренных детей развернуты на детей из хорошо обеспеченных семей. Первичное расслоение общества, сословное или материальное, превращается, таким образом, во вторичное, то есть в расслоение интеллектуальных потенциалов.

Конечно, «когнитивное расслоение» возникло не в наши дни. Дети привилегированных классов получали «опережающее образование» уже в течение многих столетий. В Средневековье наследники феодальной знати начинали осваивать навыки административного управления уже с самого раннего детства. В новое время, потребовавшее новых знаний и навыков, возникли системы закрытых школ, колледжей, престижных университетов, выпускники которых занимали потом командные должности в государстве. Демократия это явление ослабила, но полностью не устранила. Механизм «рекрутирования из низов», созданный ею, позволял лишь периодически вливать в элиты «свежую кровь». Однако преодолеть «когнитивное расслоение» он был неспособен. Кроме того, кризисные и деформационные тенденции в системе современного образования также способствуют не только к воспроизводству данного расслоения, но и к его закреплению.

В наше время проблема вертикального когнитивного расслоения приобрела новое измерение. Образование в человеческой популяции развитых социальных структур не просто замедлило, но и остановило антропогенез, то есть видообразование человека. В XX веке были ликвидированы массовые эпидемии, уносившие миллионы людей (прежде всего – генетически слабых, с пониженным жизненным тонусом). Медицина достигла такого уровня эффективности, который позволяет сохранять жизнь индивидам даже с явными наследственными аномалиями. Действие естественного отбора было таким образом заблокировано, и в генофонде человечества стал накапливаться груз летальных мутаций (совокупность вредных генетических изменений). За последние сто лет данный «груз» вырос настолько, что уже сказывается на генотипе всего человечества. Генофонд человечества уже достаточно нестабилен, его серьезных «поломок» можно ожидать уже в ближайшие годы. Пока средствами медицины эти процессы удается в какой-то мере держать под контролем, но не исключена возможность некой «сверхбыстрой» инфекции, которую уже нельзя будет остановить. Именно так регулируется численность популяций в животном мире, и природа, судя по всему, пытается сейчас включить уже известный ей механизм по отношению к человеку.

Отсюда вытекает необходимость «чистки» глобального генофонда, удаления из него тех мутаций, которые представляют угрозу для всего человечества. Исправление средствами генной инженерии родительского генотипа, «терапевтическое клонирование», то есть выращивание «запчастей» человеческого организма, «персональная медицина» еще очень долго будут иметь фантастическую стоимость. Воспользоваться ими сможет лишь тот класс людей, который принадлежит к мировой элите. А это, в свою очередь, означает, что «когнитивное расслоение» будет закреплено не только социально, но и биологически, в предельном случае разделив все человечество на две самостоятельные расы: расу «генетически богатую», представляющую собой сообщество «управляющих миром», и расу

«генетически бедную», обеспечивающую в основном добычу сырья и промышленное производство.

Социальный заказ на реконструкцию человека предъявляет и развитие техносферы. Это связано с рядом обстоятельств. С одной стороны, большинство инноваций, возникающих в логике технического развития, должны быть гуманизированы, то есть приспособлены к человеку, иначе их будет трудно использовать. С другой стороны, у подобной гуманизации есть известные ограничения: технику нельзя сделать абсолютно «биологичной», ее нельзя упрощать без предела, не остановив сам научно – технический прогресс, и поэтому необходим встречный процесс приспособления человека к техническим новшествам, которые по мере цивилизационного развития становятся все менее и менее «естественными». Все это ставит вопрос о необходимости технологизации современного носителя разума, о синхронизации его биологических качеств с динамикой инноваций.

Расшифровка генома, ведущаяся в последние годы, методы генной инженерии, биопластические и другие высокие технологии позволят создать такой тип людей, которые будут обладать прежде всего «нечеловеческими» характеристиками. Фактически такие люди уже не будут людьми, они станут постчеловеками – люденами – новыми разумными существами, появившимися на Земле.

Антропогенная революция это и есть процесс выхода на авансцену истории «нового человека», «человека когнитивного», «человека модифицированного», а в перспективе и постчеловека. Его приход состоится в силу цивилизационной необходимости как единственная защита от масштабных угроз, возникающих ныне перед человечеством. И так считают не только трансгуманисты.

Видимо, наша цивилизация действительно начинает утрачивать антропоморфность. Вид «человека разумного» еще остается «sapiens», но постепенно перестает быть «homo». Впрочем, нынешнюю ситуацию можно интерпретировать и в других эволюционных координатах, рассматривая возникающую полиморфность современного человека как неизбежное и потому вполне прогнозируемое проявление принципа «нефункционального разнообразия»: в предкризисные эпохи система накапливает формально «ненужные», «бесполезные» изменения, тем самым расширяя ресурс для последующей интеграции.

Антропогенная революция, которая сейчас начинается, ставит перед человеком главный вопрос, который затмевает все остальные: что есть человек? Сможет ли он как-то реинтегрировать свою человеческую природу и сущность, пусть даже в такой странной форме, о которой мы сейчас просто не подозреваем, или он необратимо разделится на множество «носителей разума», на эволюционные разновидности, противостоящие друг другу и ведущие ожесточенную конкурентную борьбу за выживание в когнитивной эпохе?

А.П. Касьяненко

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, г. Гомель

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТУРИСТИЧЕСКИЙ КЛАСТЕР И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОМЕЛЬСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Кластерная модель развития региональной экономики описана в работах американского ученого Майкла Портера. Кластер – это партнерская группа/сеть секторов экономики, предприятий, учреждений, организаций, собственников, связанных между собой преимущественно отношениями купли-продажи, услугами, имеющих общую инфраструктуру, клиентов, заказчиков, кадры, и взаимодействие которых увеличивает конкурентное преимущество [1]. Кластер формируется на основе четырех принципов развития – кооперации, концентрации, конкуренции и конкуретоспособности.

В 2006 г. по заказу Управления физической культуры, спорта и туризма Гомельского облисполкома мы осуществили проект «Кластер агроэкотуризма Гомельщины» (разработчик УО «Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины» совместно с Гомельским научно-просветительским общественным объединением «Оракул»). Итогом работы стала разработанная концепция и стратегия развития агроэкотуристического рынка Гомельской области на основе кластерной модели, которая была включена в Мероприятия Гомельского облисполкома по развитию туризма в Гомельской области на 2006 – 2007 годы.

Кластер формируется как партнерская сеть резидентов и субъектов агроэкотуристического рынка. Экономический эффект кластера состоит в использовании потенциала и ресурсов внутренних рынков. Кластерная модель агроэкотуризма опирается на принципы устойчивого развития и содействует диверсификации сельскохозяйственного производства и структуры занятости на селе, развитию сельского предпринимательства, малого и среднего бизнеса, уменьшению уровня безработицы на селе, прежде всего, среди женщин и молодежи, формированию отношений заинтересованного партнерства в сфере туризма различных резидентов местных сообществ и пр.

Кластерную модель развития агроэкотуризма на Гомельщине мы видим как развивающуюся сетевую партнерскую структуру. Наряду с централизованной моделью пространственной организации сельского туризма, могут возникать локальные мини-сети, привязанные к определенному месту, объекту и субъекту агроэкотуризма. Они включают в себя автономные и взаимозаменяемые звенья – сельские усадьбы, фермерские хозяйства, СПК, туристические фирмы, школы, производственные комплексы и предприятия. Собранные вместе, они, входя в сеть кооперации и взаимодействия (пусть и основанного на взаимной конкуренции), образуют спе-

циализированный агроэкотуристический кластер Гомельской области. Например, формируются мини-сети на базе агрогородка, сельского совета, деревни, СПК, сельской школы, фермерского хозяйства и т.д.

Большинство туристических кластеров создают и постоянно укрепляют связи с различными сопутствующими и содействующими их развитию отраслями промышленности и поддерживающими кластерами, в том числе такими, как кластеры по производству спортивного и туристического снаряжения, продуктов питания, напитков, а также работающими в сфере СМИ, охраны природы и культурного наследия. Примеры дополняющих друг друга кластеров, которые при тесном взаимодействии получают общие выгоды и конкурентные преимущества, в последние годы наблюдаются, например, в практике кластеризации туризма в Украине. Это отразилось на повышении конкурентоспособности её туристической индустрии, комплексном подходе к развитию туризма на региональном уровне, укреплении малого и среднего бизнеса в сфере зелёного туризма.

В рамках разработанной концепции выделены приоритетные кластерные стратегии развития агроэкотуризма на Гомельщине и, прежде всего, «территориальная или географическая» – с учетом специфики существующих в Гомельской области четырех туристских зон, включая Полесско-Туровскую туристскую зону, а также «фокусная стратегия», когда кластер формируется на основе уникального исторического, поселенческого, архитектурного или природного памятника. С 2008 г. начата работа по созданию мини-кластера «Милоградская культура» с центром в н.п. Милоград Речицкого района. В 2009 г. инициирована организация туристического кластера «Смычок» на основе государственного природного заказника «Смычок» в Жлобинском районе.

Начато формирование системы общественного управления кластером агроэкотуризма на областном, районном уровнях и уровне сельского совета. В 2008 г. создан областной общественный совет по агроэкотуризму при Управлении физической культуры, спорта и туризма Гомельского облисполкома. В каждом районе области созданы рабочие группы по развитию агроэкотуризма. В рамках кластерной инициативы «Милоградская культура» был организован общественный совет по агроэкотуризму при Глыбовском сельском совете Речицкого района. В 2009 г. создан районный общественный совет по агроэкотуризму в Рогачевском районе.

Проблема сохранения природного и культурного потенциала Полесья Беларуси выделена в качестве приоритетной задачи Государственной программы комплексного развития Припятского Полесья на 2009 – 2015 г. Уникальный природный потенциал Гомельского Полесья создает огромные возможности для развития сельского туризма и экономического развития местных сообществ. Лесистость в отдельных районах региона составляет от 56 % земель (Житковичский и Петриковский районы) до 69 % на севере Лельчицкого района. Всего насчитывается около ста видов березовых, хвойных и дубовых пород. Большое экологическое и хозяйствен-

ное значение имеет река Припять, протяженность которой составляет 575 км. Болота Полесья занимают 23 % территории. Большинство жителей региона заняты в сфере сельхозпроизводства. В пяти административных районах – Житковичском, Мозырском, Наровлянском, Лельчицком и Петриковском – проживают около 300 тыс. человек, в том числе в сельской местности – около 110 тыс. человек. Средняя плотность проживания от 12 до 16 жителей на 1 кв.км.

Концепт Полесского кластера был предметом обсуждения на областном семинаре «Развитие агроэкотуризма в Гомельской области» (Усадьба «Панский сад» А. Пигулевского, н.п. Костюковичи, Мозырский район, 9-10 июля 2008г., Программа поддержки Беларуси). На областном конкурсе проектов трансграничного сотрудничества проект «Организации агротуристического кластера Гомельского Полесья» стал победителем в номинации «Спорт и Туризм».

Наш проект направлен на создание организационной инфраструктуры агроэкотуризма Полесья, основанной на формировании сетевого туристического кластера. Кластер агроэкотуризма Гомельского Полесья мы рассматриваем как территориальный кластер, формирующийся на основе географической стратегии развития – с учетом выделенной «Полесско-Туровской» туристской зоны, расположенной на юго-западе Беларуси. Кластер объединяет туристические ресурсы Гомельского или Восточного Полесья пяти административных районов области с центром в г. Мозыре. В кооперационную сеть резидентов кластера войдут: владельцы агроусадеб, фермерские хозяйства, сельские советы и исполкомы, СПК, природные заказники, субъекты малого и среднего бизнеса (транспортные предприятия, предприятия общественного питания, средства размещения), туристические фирмы, сельские школы, учреждения культуры, быта и пр. Проект осуществляется при техническом содействии Программы Поддержки Беларуси. Продвижение Полесского кластера сельского туризма на туристические рынки мы связываем с разработкой регионального брэнда туристического Полесья.

Европейский опыт развития кластеров показал, что важны следующие предпосылки для его формирования: наличие определенного количества предприятий, субъектов частной формы собственности, которые относятся к данному кластеру; наличие в регионах компетенций в области кластерного развития; заинтересованность частных компаний; наличие экономической выгоды и долгосрочной заинтересованности резидентов кластера в его развитии; наличие государственной поддержки кластерного развития. В 2008 – 2009 годах местными органами государственного управления Гомельской области осуществлены следующие организационные и практические мероприятия по развитию туризма, в том числе агроэкотуризма: решением облисполкома от 3 марта 2008 г. утверждены мероприятия по развитию туризма в Гомельской области на 2008 – 2010 годы; на коллегии управления физической культуры, спорта и туризма рассмот-

рен вопрос «О выполнении Национальной программы по развитию туризма в Республике Беларусь на 2008 – 2010 годы в Гомельской области»; состоялось заседание Гомельского облисполкома «О выполнении Национальной программы по развитию туризма в Республике Беларусь на 2008 – 2010 годы в Гомельской области»; решением облисполкома «О прогнозе социально-экономического развития Гомельской области на 2009 год» территориям были доведены задания по наращиванию платных туристско-экскурсионных услуг; решением облисполкома от 31 марта 2009 г. № 296 утверждены мероприятия по развитию агроэкотуризма в Гомельской области на 2009 – 2010 годы; проведены областные семинары по сельскому туризму: «Состояние и перспективы развития агроэкотуризма в Полесском регионе Гомельщины» (территории Петриковского, Мозырского, Лельчицкого районов), «Развитие агроэкотуризма в Петриковском районе»; проведена 13-я Гомельская ярмарка туристских услуг «Экспо-тур-2009», на которой в четвертый раз представлен стенд «Сельский туризм на Гомельщине»; организованы презентации инвестиционных проектов в сфере туризма, в том числе агроэкотуризма на Гомельском инвестиционном форуме и Белорусско-Иранском бизнес форуме в г. Гомеле; подписано новое соглашение между облисполкомом, ОАО «Белагропромбанк» и Белорусским общественным объединением «Отдых в деревне» о сотрудничестве в сфере агроэкотуризма; организован смотр-конкурс «Лучшая агроэкоусадьба Гомельской области 2009 г.».

Эти организационные мероприятия содействовали развитию регионального туристического рынка. В 2009 году в Гомельской области было оказано платных туристско-экскурсионных услуг на 32495,0 миллионов рублей, что на 4,7 млрд. рублей больше, чем за 2008 год. По объемам экспорта туруслуг Гомельщина занимает третье место в республике, уступая г. Минску и Минской области. Туристическими организациями принято более 3,8 тысяч иностранных туристов (рост 157 %.) К концу 2009 г. в Гомельской области зарегистрировано 68 агроэкоусадеб, в том числе открыто 27 новых агроусадеб. Создание усадеб в регионе осуществлялось за счет частных инвесторов и кредитов «Белагропромбанка». Всего освоено около 2,0 млрд. рублей. За последние два года в регионе услуги в сфере агроэкотуризма получили 3.5 тыс. туристов.

В то же время существуют известные проблемы и трудности в формировании регионального туристического кластера Полесья: недостаточное развитие инфраструктуры сельского туризма; слабое развитие регионального и местного туристического рынка; слабое присутствие на местном уровне малого и среднего бизнеса (в Гомельской области до 15 процентов местного ВВП); отсутствие компетенций в области кластерного развития; недостаточное наличие наружной рекламы и информации о туристических достопримечательностях региона; не сформирован интерес к сельскому, природному туризму.

За 2009 – 2015 годы в регионе Гомельского Полесья в рамках осуществления раздела «Направления развития туризма» проекта Государственной программы социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья планируется реализовать около 80 различных организационных мероприятий по развитию агроэкотуризма, в том числе – открыть 27 агроусадеб, провести реконструкцию объектов показа, обеспечить строительство туристических комплексов, домиков рыбака и пр. Инвесторам предлагается 9 инвестиционных проектов на сумму более 25,0 млрд. рублей. Из различных источников планируется освоить 166,2 млрд. рублей. Ожидаемые результаты от реализации мероприятий по развитию туризма Государственной программы социально-экономического развития и комплексного использования природных ресурсов Припятского Полесья на 2009 – 2015 годы таковы: рост платных туристско-экскурсионных (в т.ч. экспорт) и дополнительных услуг в 2015 г. к 2009 г. в 3,6 раза (4565,0 млн. руб. до 16427,8 млн. руб.); увеличение туристического потока (в т.ч. разместившихся в гостиницах) в 2015 г. к 2009 г. в 3,4 раза (с 21710 чел. до 74276 чел).

Все это создает качественные условия для развитой инфраструктуры агротуристического кластера Гомельского Полесья и его экономической эффективности.

Список литературы

1. Конкурентное преимущество наций. – М.: Портер, 1990.

Н.Г. Кийко

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, nadzeya_k@tut.by

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И БЕЛАРУСИ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Межрегиональное сотрудничество и региональная интеграция являются важнейшими элементами современного витка социальной эволюции. В общемировом масштабе они представляют собой синтез взаимодействия глобализации и регионализации. Практика межрегионального сотрудничества позволяет эффективно использовать новые возможности политической кооперации, экономических и межкультурных контактов, а также обеспечивать стабильность и устойчивое развитие с учетом новых вызовов и угроз.

Весьма четко это проявляется на пространстве Европейского Союза – высокоразвитого и во многом уникального интеграционного объединения, успешно адаптирующегося к условиям глобализации и регионализации. В Европейском Союзе процессы межрегионального сотрудничества достигли наиболее совершенного уровня и обрели высокоэффективное институциональное оформление. Практика активной кооперации между регионами единой Европы, как неотъемлемая составляющая интеграционных процессов не только влияет на формирование современной структуры общеевропейского пространства, но и проникает в сферу международных отношений. Грань между внутренней и внешней политикой в Европейском Союзе постепенно стирается. Архитекторы единой Европы разрабатывают своеобразную единую стратегию развития внутриевропейского пространства в тесном взаимодействии с окружающими странами и регионами.

Для эффективного развития регионов ЕС в будущем Европейская комиссия определила новые задачи региональной политики на период 2007 – 2013 гг. Первая из них – конвергенция. Это наиболее значимая из задач, которая получила 78 % общего, распределяемого через структурные фонды и фонд выравнивания бюджета для финансирования проектов на развитие регионов, в которых ВВП на душу населения составляет менее 75 % от среднего по ЕС.

Вторая задача – региональная конкурентоспособность и занятость. В рамках выполнения этой задачи основное внимание уделяется поддержке и проведению экономических и социальных реформ, внедрению инноваций и развитию социальной сферы для повышения экономической привлекательности регионов, не входящих в число поддерживаемых в рамках первой задачи.

Наконец, третья – это европейское территориальное сотрудничество. Данная задача содействует усиление трансграничного и межрегионального сотрудничества стран-членов ЕС, стран-кандидатов и их соседей. Программы территориального сотрудничества направлены на содействие властям и организациям как внутри ЕС, так и за его пределами, совместная работа которых нацелена на улучшение экономических и социальных условий жизни в регионах, решение общих проблем и предоставление возможностей для развития. Приграничные программы сосредоточены на местном уровне по обе стороны границы и помогают местному населению решать вопросы, представляющие взаимный интерес. Транснациональные программы охватывают большие географические области (например, регион Балтийского моря) и больше ориентированы на решение стратегических вопросов – транспортных проблем, проблем окружающей среды.

В январе 2006 г. Европейская комиссия одобрила семь новых тематических программ территориального сотрудничества, которые должны составить основу международного сотрудничества ЕС на 2007-2013 гг. Решение о внедрении новой, более простой модели эффективного предоставления международной помощи является частью нового подхода ЕС к

сотрудничеству с другими странами. Основные направления новых тематических программ таковы: «Права человека и демократия», «Человеческое и социальное развитие», «Окружающая среда и устойчивое развитие природных ресурсов, включая энергетику», «Безопасность продуктов питания», «Негосударственные участники процессов развития», «Миграция и убежище» и «Сотрудничество с промышленно развитыми странами».

В настоящее время в рамках третьей задачи региональной политики – территориальное сотрудничество – на границах с ЕС с участием Беларуси создано 4 еврорегиона: «Буг», «Неман», «Беловежская пуща» и «Озерный край».

)орегионов с участием Беларуси

удничества ТАСИС являлась основ-
хнической помощи Беларуси со сто-
и реципиентами программы ТАСИС
й комитет погранвойск, Таможенный
эсурсов и охраны окружающей сре-
ты Брестской и Гродненской облас-
гут играть роль катализаторов разви-
а региональном уровне.
астью Еврорегиона «Неман» и имеет
проектов в рамках программы ТАСИС. Одним из крупнейших для Гродненской области был проект приграничного сотрудничества 1997 г. «Региональное развитие и охрана природы в Еврорегионе «Неман», который охватил местных и региональных участников из Гродненской области, а также партнеров из Польши и Лит-

вы. Согласно отчетным материалам, проект имел значительное влияние на процесс сотрудничества в Еврорегионе «Неман». Гродненская область являлась бенефициаром отраслевого проекта охраны окружающей среды «Чистый Неман» (инициатива Helcom), который начался в 2001 г. и завершился в сентябре 2003 г. Крупные инвестиции были выделены по программе ТАСИС для строительства нового пограничного пункта пропуска в Каменном Логе на границе с Литвой.

Беларусь объективно заинтересована в развитии всего спектра трансграничного сотрудничества – в культурной, экономической, политической, образовательной и других областях на межнациональном, национальном, региональном и локальном уровне с целью упрощения визового режима, развития пограничной, транспортной, телекоммуникационной, природоохранной, энергетической инфраструктур, противодействия нелегальной миграции и борьбы с международной преступностью.

Приграничное и трансграничное сотрудничество может в значительной мере способствовать возрождению депрессивных регионов Беларуси, к которым относятся малые города, где расположены нестабильно работающие промышленные производства, а также значительная часть сельских населенных пунктов, а также смягчению регионального неравенства и многих социально-экономических диспропорций между регионами, а также между регионами и центром.

Список литературы

1. Белорусские еврорегионы // Центр международных исследований БГУ [Электронный ресурс]. – http://www.centis.bsu.by/rus/info/euroreg_info.htm – Дата доступа: 02.02.2010.

2. Европейская региональная политика: общая концепция // Диалог.UA [Электронный ресурс]. – http://dialogs.org.ua/crossroad_full.php?m_id=3562 – Дата доступа: 10.04.2005.

3. Tomaszewski, K. Regiony w procesie integracji europejskiej / K. Tomaszewski. – Krakyw: Wolders-Kluwer Polska, 2007. – C. 17.

А.И. Клицунов

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В БЕЛАРУСИ С ЭПОХИ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО СЕРЕДИНЫ 1990-х гг.

Формирование гражданского общества в Беларуси с эпохи перестройки до начала 1990-х годов, как и в других республиках Союза, характери-

зовалось образованием и развитием структур гражданского общества (неправительственных общественных организаций, негосударственных СМИ, местного самоуправления, политических движений, партий и т.д.), проходивших на фоне роста социально-политической активности населения СССР и вовлечения в различные формы гражданского действия. Структуры гражданского общества вели активный диалог с властью и оказывали нарастающее влияние на принятие государственных решений и их практическую реализацию. Решения эти, в первую очередь, касались ослабления роли КПСС и основных государственных институтов, что впоследствии привело к развалу единой страны.

В позднесоветском обществе на основе государственной политики приватизации создаются социальные группы, имеющие свои, независимые от власти, материальные и общественно-политические интересы. Государство определяет параметры приватизации, с помощью которых те или иные разновидности частного капитала или конкретные лица признаются желательными или нежелательными, пользующимися покровительством сверху, или, наоборот, отторгаемые властью. Такая ситуация в конце 80-х – начале 90-х гг. открыла в СССР, а затем и независимых республиках бывшего Союза, возможность произвола и злоупотреблений. Класс собственников формируется по преимуществу из среды партийно-советской номенклатуры, криминально-теневых структур, а также пассионариев, лишенных «предрассудков» советской морали. Эта социальная категория к началу 80-х гг. утратила веру в идеалы коммунизма, его принципы и ценности. Советская идеология и в целом советский образ жизни рассматривались ими как препятствие к реализации потребительских и гедонистических устремлений. Происходит процесс сращивания партийно-государственной элиты, теневой экономики и криминальных авторитетов, создавая ситуацию благоприятную для накопления первоначального капитала.

Вместе с тем, теневая экономика, представлявшая собой подпольно-рыночную альтернативу государственному хозяйству, не получила в БССР достаточного развития. Особенности менталитета белорусов (склонность к патернализму, коллективизму и солидарности, законопослушность), консерватизм и ортодоксальность большинства представителей партийно-государственного руководства способствовали тому, что сопротивление рыночным реформам и распаду СССР в нашей республике оказалось сильнее, чем в других регионах Союза. Данными причинами следует объяснить поддержку властью и большинством народа ГКЧП, однако, эта поддержка носила пассивный характер. Требование Устава ВКП (б) – КПСС об обязательном выполнении коммунистами принимаемых высшим партийным руководством решений, сыгравшее определяющую роль в укреплении внутрипартийной дисциплины, способствовавшее мобилизации партийных рядов для построения социалистического общества, имело для КПСС и негативные последствия. Воспитанные в строгости партийной дисциплины, привыкшие корректировать взгляды согласно изменениям

партийной линии, члены партии не смогли противодействовать курсу, направленному на ликвидацию социалистической системы.

Основываясь на либерализации государства, экономики и общества, инициированными сторонниками М.С. Горбачева в партийном и советском руководстве, используя пассивность белорусских властей, гражданское общество в республике формировалось в соответствии с континентальной традицией. Инициативу стимулировала Москва, поддержанная отдельными представителями партийно-государственного руководства БССР, союзные и республиканские СМИ вели идеологическую обработку народа, используя идеи либеральной демократии, направленные на ликвидацию социализма, и национальные идеи, подрывающие государственное единство. Вместе с тем, необходимо признать, что данные идеи осторожно принимались народом, в основной массе выступившим за реформирование советского строя.

Либерализация, проведенная в конце 80-х – начале 90-х гг., обеспечила освобождение личности от государства, от государственной идеологии, но не сформировала (и не могла сформировать) сознательное чувство гражданина, как представителя буржуазной культуры. Граждане не озабочены отстаиванием своих прав, поскольку не сформировались их гражданские интересы. Для большинства жителей республики жесткие меры в отношении преступных формирований, борьба с коррупцией, справедливое устройство общества, социальная защищенность, в соответствии с традиционной и советской концепцией прав и свобод, объективно являются необходимостью в большей степени, чем защита либерально-демократических прав и свобод.

Экономический кризис в первой половине 90-х гг. изменил траекторию развития гражданского общества, социально-политическая активность граждан уступает место разочарованию и безразличному отношению. При этом развитие различных структур гражданского общества не прекратилось, но перешло в иную плоскость. Их число и активность продолжали расти, однако влияние на новую власть заметно ослабело. Неправительственные общественные организации, негосударственные СМИ, частный бизнес, руководство политических партий и движений, объединяясь в элитные группы, взаимодействуя и конфликтуя, занялись удовлетворением личных потребностей и решением конкретных локальных проблем. Большинство из них было не готово к тому, чтобы вести диалог с властью по широкому кругу вопросов. Заимствование западной концепции построения гражданского общества в Республике Беларусь привело к деструктивным явлениям, как на уровне государства, так и на уровне общества – усиливаются правовой нигилизм, алкоголизация, падение нравственности, радикализация части молодежи.

Существуют культурно-исторические причины, по которым посредническая роль гражданского общества в первой половине 90-х годов оставалась мало востребованной белорусским обществом. Для значительной части населения гражданское общество в его западной традиции представлялась чужеродным явлением. В целом оно не воспринималось белорус-

ским народом в роли посредника в деле продвижения своих интересов. Неудачи либеральных реформ в Беларуси обусловлены отсутствием социальной основы, которая традиционно представлена «средним» классом. Его становление, формирование нового общественного сознания представляет собой сложный объективный процесс, опирающийся на культурные традиции, требует наличие социально-экономических предпосылок и достаточного количества времени.

Беларусь формировала законодательную базу после провозглашения суверенитета, когда не были четко определены экономическая стратегия и политический курс государства, она соответствовала западной концепции формирования гражданского общества, не учитывала специфики белорусского общества, его сознания, менталитета, по этой причине входила в противоречие с действительностью и требовала корректировки. Предупредить наступающий экономический и социально-политический хаос в стране могли только решительные меры.

М.М. Козлова

Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, masha.kmm@gmail.com

СТОЛКНОВЕНИЕ ИДЕОЛОГИЙ: ЛИБЕРАЛИЗМ VS. ДЕМОКРАТИЯ

В условиях, когда основные политические институты – главным образом национальное государство – уже сформировались, крайне сложно вести диалог о лучших или худших политических системах и идеологиях. Тем более сложно давать подобного рода оценки в условиях глобализации, когда расслоение уровней материального благосостояния можно наблюдать в планетарном масштабе. И, тем не менее, до сих пор свою актуальность сохраняют споры двухсотлетней давности, а именно, о возможности сосуществования свободы и равенства, которые перерастают в споры о роли государства в жизни общества. Особенно остро стоит вопрос о возможности осуществления демократии как таковой, которая грозит стать то «тиранией большинства», то «тиранией легального» [Ю. Хабермас]. Речь и идет о споре между демократией и либерализмом.

Современная Беларусь берет курс на либерализацию экономики. Вместе с тем по отношении к ней со стороны развитых стран запада систематически выдвигаются претензии о недостаточно высоком уровне развития институтов демократии. Учитывая давнюю полемику между либералами и демократами, невозможно не задаться вопросом о том, каковыми могут быть последствия нового курса в развитии Беларуси, не станет ли демократии еще меньше и кто реально сможет оценить это изменения.

Спор между демократами и либералами ведется вокруг возможности совмещения равенства со свободой, единства с плюрализмом и права большинства с правами меньшинства. Демократия в своем исходном значении определяется как практика самоопределения свободных и равных людей. Практика эта, прежде всего, законодательная. Равенство демократами понимается как возможность равного участия в создании общего для всех закона. Эта практика есть также выражение суверенной, то есть свободной, воли народа. Таким образом, свобода для демократа тождественна народному суверенитету. Либералы понимают свободу как личную свободу индивида, его право не зависеть от тирании всеобщего. Индивидуализм либерализма противостоит универсализму демократии. Равенство для либерала состоит не в возможности равного участия в общем деле, а в возможности поступать свободно и независимо. Либерализм, т.о. не исключает возможности участия в общем деле, в том числе и в законодательно практике, но и не возводит ее в абсолютное благо. В отношении прав их точки зрения тоже расходятся. Так если для либерала права проистекают из индивидуальной свободы, а потому являются субъективными, то для демократа права проистекают из свободной суверенной воли народа. Плюрализм прав в либеральном понимании сталкивается с монизмом – в демократическом. И наконец, в отношении к Конституции как основного закона и либерализм и демократия выражают различные точки зрения. Для либерала права человека обладают преимуществом перед демократией, а Конституция, разделяющая законодательную и исполнительную власть, соответственно, перед демократическим законодателем. Иначе для демократа: Конституция, разделяющая законодательную и исполнительную ветви власти, обязана своим происхождением просвещенной воле демократического законодателя. Таким образом, народ как суверенный законодатель у демократов сталкивается с субъективными правами индивида, которые являются высшей ценностью для либерала.

Синтез, порожденный сплавленной воедино идеологией левого либерализма, не снимает этих противоречий, а лишь изыскивает возможностей для компромисса. Среди наиболее убедительных способов снятия напряжения между идеологиями является дискурс: открыта полемика, которая позволяет мнения меньшинства примирить с мнением большинства. Таким образом, за индивидом сохраняется возможность реализации субъективных прав в законодательной практике народа. Однако далеко не все вопросы могут быть решены на основе компромисса. По этой причине до сих пор сохраняется практика толкования либеральных свобод как способа защиты прав меньшинства от воли большинства. Речь идет, прежде всего, о дополитических правах и свободах меньшинства.

За пределами законодательной практики существуют другие сферы, на которые распространяются конфронтации либералов и демократов. Оттеснение различных проблем в социальную, политическую и экономическую сферы (каждая из этих сфер получила собственную науку с соб-

ственным языком и методами и поэтому их достижения с трудом можно объединить в одном исследовании) несколько затрудняет анализ этих конфронтаций, но, тем не менее, он должен быть проведен. И следует начать с того, чтобы обратить внимание на распределение сфер влияния идей демократии и либерализма. Демократия всецело перемещается в сферу политического, тогда как либерализм обосновывается в экономике. Такое распределение является логичным, но влечет за собой определенные последствия. Прежде всего, эти последствия касаются этического, так как вместе с перераспределением сфер влияния происходит перераспределение ответственности. Компенсаторную функцию берет на себя государство, посредством формирования нового пласта идеологии, который надстраивается над уже сложившейся политической системой, интегрировавшей, так или иначе, в себе системы экономические. Национал-патриотические, военно-патриотические или просто государственные идеологии направлены на сохранение баланса сил внутри демократического общества, которое стремиться к различным формам тирании.

Сегодня для понимания конфронтаций между идеологией либерализма и идеологией демократии нужно принимать во внимание масштаб этого явления. Конституирующие новые условия спора исторические обстоятельства весьма значительны. Во-первых, это распад СССР, запустивший механизм политической и экономической трансформации целого ряда социалистических стран, а во-вторых, процесс глобализации, в который эти страны были вовлечены в результате падения «железного занавеса».

В политической плане процесс трансформации бывших союзных республик рассматривается как процесс демократизации, то есть переход от тоталитарного политического режима к демократическому. В экономическом плане предполагается, что страны переходят от плановой централизованной экономике к свободному рынку. Однако, ввиду особой роли социалистического государства в социалистическом обществе, реорганизация равно политической и хозяйственной структур этих обществ в направлении либерализации и демократизации наталкивается на целую систему преград, не позволяющих напрямую перейти к новому типу политической и экономической системы.

Белорусский путь постсформационного развития можно определить как охранительный. Основные усилия государственного аппарата были брошены не на ускоренную модернизацию, а на повышение уровня жизни граждан доступными благодаря сложившейся в БССР государственной инфраструктуре средствами. Кроме того, Беларусь заняла активную позицию в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Ввиду того, что интеграционные процессы не перешли еще на хоть какой-нибудь значительный уровень эффективности, такая консервативная политика не могла быть постоянным гарантом стабильности и процветания Республики. Здесь играют свою роль и небольшое население, и незначительные территории, и отсутствие выхода к морю, а также отсутствие энергетичес-

ких ресурсов, позволяющих быть независимыми от их экспорта, и, наконец, высокая степень связанности структуры белорусского хозяйства с остальными странами бывшего СССР, особенно Россией. Сегодня остро стоит вопрос о необходимости открытия белоруской экономики для иностранного частного бизнеса на более выгодных для него основаниях. Градус накала страстей вокруг этого вопроса определяется не только трудностями, связанными с определением условий иностранных инвестиций (важно, чтобы те не стали условием глубокой зависимости страны от внешних факторов, которое могло бы привести к неконтролируемому падению уровня жизни в стране); но и неразрешенными проблемами, касающимися развития внутреннего рынка и платежеспособного спроса.

Ключевым к пониманию глубинных проблем демократии и либерализма в Беларуси является рынок, переход к которому был обозначен два десятилетия назад, но так и не был осуществлен. Экономика страны попрежнему носит централизованный характер. Однако, многочисленные исследования показывают, что государство в том числе является гарантом честной конкуренции на рынке. В то время как либерализм, бесконечно срамящийся к снижению роли государства в управлении экономикой, и вообще не признающий социального контроля, является условием формирования частных монополий, что противоречит понятию рынка. Современная критика либерализма напрямую связана с критикой глобализации как феномена, ставящего под удар лучшие достижения государства как политического института, как гаранта равенства людей перед законом, как гаранта равенства возможностей, как гаранта социальной стабильности, собственно гаранта демократии.

Таким образом, современный спор между либерализмом и демократией это спор о роли государства в осуществлении баланса между свободой и равенством в условиях протекания посттрансформационных процессов в глобализирующемся мире.

Н.Н. Козыренко

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, knp04@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ НАЦИИ НА ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ, РЕСПУБЛИКИ УКРАИНА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Политическая культура не возникает и не изменяется в социальной пустоте. Она формируется в конкретной социально-исторической среде, которая, в свою очередь, сама выступает как продукт преемственности и

ее модификации в пользу живущих поколений. В результате она становится формой бытия социальной среды, которую представляет нация. Особенно сильным фактором объединяющим воедино современные условия жизни нации с ее прошлым, оказываются те элементы исторической среды, которые влияют на психологические свойства нации, в частности, унаследованные из прошлого типы личности, укрепляющие ее персонифицированные образы, содержащиеся в национальной культуре (прежде всего в литературе), исторический опыт, закрепленный в памяти живущих поколений, писаной истории и памятниках национального прошлого. Эти факторы политологи называют элементами исторической почвы. Понятие исторической почвы включает в себя социально-историческую среду, совокупность социальных связей, воздействующих на современные условия жизни общества. В сферу категории исторической почвы можно включить политические и правовые учреждения, этические и эстетические взгляды, верования и философские системы, обычаи повседневной жизни и менталитет.

Историческая непрерывность социальной среды и ее главные цели определяются следующими факторами:

1. Совокупностью ценностей и образцов поведения, знаний и представлений о мире передаваемых из поколения в поколение.

2. Институтами организующими поведение в социальной среде, которые каждое поколение застает как данность, подвергает их модификации и передает следующим поколениям.

3. Внешней средой нации, образующей вместе с нею определенный круг цивилизации и культуры.

Глобализация всех сфер жизни современного человечества, модернизация и трансформация деятельности социальных институтов и организаций, нарастающая информатизированность любой сферы деятельности современного человека не могут не оказывать существенного воздействия на протекающие социокультурные процессы, видоизменяя их содержательные и сущностные характеристики, а также формы и способы социализации.

Для адекватного понимания современного транформационного процесса необходимо учитывать ряд факторов – от общепланетарных до индивидуально-личностных, каждый из которых оказывает своё воздействие. В этих условиях проявляются как особенно значимые две главные во многом взаимоисключающие тенденции: интеграции и дифференциации народов, их сближения или изоляции друг от друга. Вторая тенденция предполагает оживление и сохранение традиционного образа жизни, восстановление традиционных базовых и инструментальных ценностей, эталонов и норм культуры, созданных в ходе истории народов, поэтому чаще всего эта тенденция обусловливает усиление борьбы за национальную независимость и самоопределение.

Трансформационные процессы в Беларуси, Украине и России, хотя и имеют на нормативном уровне (конституционных актов, официальной идеологии) транформационную направленность, в результате своей про-

тиворечивости не обязательно будут иметь следствием реальный переход к новому обществу.

Основной проблемой для общественно-политической трансформации рассматриваемых стран является не столько юридическое оформление системы сдержек и противовесов, сколько характер взаимоотношений между государством и элементами гражданского общества. На этот сегмент общественного развития негативно влияет пассивность основной массы населения, а также наличие консолидированной номенклатуры, которая иногда сознательно противодействует гражданской самоорганизации. Серьезными негативными аспектами развития гражданского общества в Украине и России является слияние групп давления с аппаратом публичной власти; влияние на средства массовой информации (преимущественно со стороны бизнесных структур), через что цензура продолжает существовать как латентная угроза. Протест гражданского общества против существующего положения вещей приобрел в Украине в конце 2004 г. революционной формы.

В Беларуси же такой массовый протест на сегодня является маловероятным. Среди унаследованных от предыдущей исторической эпохи феноменов, которые продолжают в большой мере обусловливать посткоммунистическую политическую реальность, важнейшим является существование влиятельной социальной прослойки номенклатуры. Хотя с распадом СССР республиканские номенклатуры очутились в идентичной ситуации полной бесконтрольности и сполна использовали ее ради обогащения, в Беларуси уже в середине 90-х годов был отреставрирован всеобъемлющий контроль за госаппаратом. В Украине же номенклатурные кланы состоянием на 2004 год потеснили не только политические партии, но и государство как основной институт политической системы.

Имеет место качественное отличие внутренних трансформаций. Специфический цивилизационный тип государств удостоверяет, что их политические системы не являются переходными в классическом понимании понятия.

Трансформации политических систем Беларуси, Украины и России, являются конкретным проявлением общесистемных социальных трансформаций в обществах такого типу и следовательно имеют ряд общих черт и признаков. Наиболее глубокие изменения произошли в системе государственно властных институтов, результат трансформации которых в целом нормативно отвечает схемам правовых демократических государств. Составляющая политической системы – политическая культура и сознание, демонстрирует наибольшую сопротивляемость и консерватизм относительно трансформационных изменений, следствием чего есть ряд авторитарных деформаций в реальном функционировании как государственно властных институтов, так и структур гражданского общества. Соответственно, преодоление упомянутой тенденции становится главным заданием нынешнего этапа общественно-политических трансформаций рассматриваемых стран.

Г.И. Коктыш, Е.А. Коктыш
Барановичский государственный университет, г. Барановичи

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИДЕОЛОГИИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гуманистическая парадигма идеологии белорусского государства связана с гуманистическими традициями и общечеловеческими ценностями, которые находят свое отражение в Конституции Республики Беларусь.

Идеология система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также о средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых действиях, побуждающих людей стремиться к поставленным целям [1].

Идеология белорусского государства – это система взглядов соответствующих целям и особенностям белорусского пути общественного развития. Идеология белорусского государства представляет в общем плане упорядоченную совокупность идеалов, ценностей, концепций, которые служат обоснованием белорусского пути общественного развития [2, с. 21].

Национально-государственная идея белорусского народа выступает «построение сильной и процветающей Беларуси – государство для народа».

Национально-государственная идея включает четыре основных компонента, имеющих фундаментальное значение для белорусского государства, и без которых нельзя осуществить на практике деятельность белорусского народа: независимость, стабильность, благосостояние, государственность.

Государственность – крепкая президентская Республика с положительно харизматическим лидерством. 17 октября 2004 года, на республиканском референдуме народ высказался за сильную президентскую власть, в условиях переходного периода современного белорусского общества.

Независимость – этап истинного национального возрождения и государственного строительства в 90-е гг. XX в. Это позволило создать эффективные органы государственной власти, закрепленные в изменениях и дополнениях в Конституции Республики Беларусь 1996 г. Независимость обеспечила проведение эффективной внутренней и внешней политики в интересах народа, развитие системы культуры и образования, формирование гражданственности, патриотизма.

Стабильность – обеспечивает устойчивое развитие Белорусского государства, что находит свое выражение в эффективности функционирования государственной власти и ее авторитета; социально-ориентированной рыночной экономике, направленной на улучшение жизни людей; соблюдение действующих юридических, политических и моральных норм, важнейших социальных традиций; отсутствие политической и социально-экономической напряженности в стране.

Поддержанию и сохранению стабильности будет способствовать достижение общественного согласия между различными политическими силами, социальными группами, всеми участниками политического процесса по поводу намеченных целей дальнейшего пути развития Белорусского государства.

Благосостояние – основная цель Белорусского государства, предусматривает обеспечение высокого качества жизни и достойного уровня материального благосостояния. Приоритеты социально-экономического развития, определены на III Всебелорусском собрании: инновационная экономика – здравоохранение – образование – эффективная аграрная политика.

Национально-государственная идея выполняет функции: является социально-интегрирующим началом, создавая единое нормативно-ценностное пространство для жизнедеятельности белорусского народа; служит объяснением существующего политического строя и общественного порядка Республики Беларусь; формулирует консолидирующие цели общего дела.

Гуманистические основы идеологии Белорусского государства – составляет систему основных ценностей и приоритетов политического, правового, экономического, социально-гуманистического и геополитического развития Республики Беларусь.

Политические основы идеологии Белорусского государства составляет комплекс идей и представлений белорусского народа о политическом устройстве Республики Беларусь, механизме взаимодействия органов государственной власти, месте и роли общественно-политических сил в политическом процессе и путях совершенствования политической системы, где основными ценностями является народовластие, политический плюрализм, разделение властей.

Народовластие – единственным источником государственной власти и носителям суверенитета в Республике Беларусь является народ [3, с. 4]. Отличительной особенностью новейшей политической истории Беларуси является ее широкое использование форм непосредственной демократии: референдумов, выборов и всебелорусских собраний. Республика Беларусь унитарное, демократическое, социальное, правовое государство [3, с. 4].

Правовые основы идеологии белорусского государства составляют комплекс идей и представлений белорусского народа о государственном суверенитете Республики Беларусь, принципах построения правового государства и механизме реализации прав и свобод человека и гражданина. В Республике Беларусь устанавливается принцип верховенства права [3, с. 5].

Идеология гуманизма в экономике проявляется в проведении социально-ориентированной рыночной экономики, направленной на повыше-

ние благосостояния и улучшения качества жизни граждан, укрепление социальной справедливости.

Социально гуманистические основы идеологии белорусского государства составляют комплекс идей и представлений белорусского народа о справедливом общественном строе, путях достижения социального равенства, месте и роли человека в общественном развитии.

Социальный прогресс предполагает поступательное преобразование белорусского общества с целью необходимых условий для всестороннего развития личности, расширение объема жизненных благ.

Белорусское государство ориентируется на обеспечение каждому гражданину достойных условий жизни за счет развития государственной и частной собственности, эффективной работе различных секторов экономики, повышения качества жизни.

Стратегической целью социальной политики в Республике Беларусь является гарантия каждому человеку права на труд, как наиболее достойный способ самоутверждения человека, инициативой, творчеством создавать достойные условия для жизни и семейного благополучия, а нетрудоспособным и нуждающимся гражданам – обеспечение необходимой социальной защиты.

Геополитические основы идеологии Белорусского государства составляет комплекс идей и представлений белорусского народа о принципах проведения внешней политики Республики Беларусь, мерах по обеспечению национальной безопасности, месте и роли Беларуси в международных процессах. Стратегическими целями внешней политики Республики Беларусь являются: обеспечение безопасности страны, сохранение и укрепление суверенитета и территориальной целостности, защита интересов общества, личности и государства.

Список литературы

1. Лукашенко, А.Г. Сильная и процветающая Беларусь должна иметь прочный идеологический фундамент / А.Г. Лукашенко // Республика. – 28.03.2003.

2. Князев, С.Н. Основы идеологии белорусского государства / С.Н. Князев, С.В. Решетников. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – С. 21.

3. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). Принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В редакции Решения референдума 17 октября 2004 года. – Минск: Амалфея, 2004. – 48 с.

Н.Н. Коликова

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, г. Минск, natalia_kolikova@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Начавшийся в середине 80-х годов процесс изменения государственно-конфессиональных отношений предопределил трансформацию советской модели политико-правового регулирования религиозной жизни общества. Особую роль имел принятый в 1992 г. Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». В эти годы в бурные социально-политические процессы была вовлечена и сфера религиозной жизни. Произошли существенные изменения в политико-правовых подходах к государственно-конфессиональным отношениям, к месту, роли и значению религии и ее организационно-правовых форм в социально-политической жизни страны. Деятельность некоторых религиозных организаций в значительной степени политизировалась. В Республике Беларусь в сложный период становления белорусской государственности оказалось довольно много политических партий, которые пытались решать свои узко специфические задачи, но практически никак не влияли на политические процессы в стране, на положение дел в белорусском обществе. Поэтому им приходилось или создавать специфические предвыборные блоки, пытаясь увеличить свои шансы на парламентских или местных выборах, или объединяться, создавая более крупные партии. В республике оказалось много партий примерно одинаковой направленности. Появились религиозные политические партии.

Белорусский христианско-демократический союз (далее БХДС) – одна из самых «старых» конфессиональных партий Беларуси. Создана она была 1 июня 1991 года. 16 декабря 1991 года БХДС был зарегистрирован Министерством юстиции Республики Беларусь. Партия стремилась объединить все существующие конфессии в белорусском обществе. БХДС считал, что государство должно защищать основные права человека: свободу совести и свободу убеждений; свободу слова и печати; свободу собраний, митингов, уличных шествий; свободу создания политических партий, общественных и религиозных организаций; свободу вероисповедания, миссионерства, проповеди, религиозного воспитания и образования, доступа верующих к средствам массовой информации; неприкосновенности законопослушной личности; свободу выбора места жительства и страны проживания. В 1999 году БХДС не смог перерегистрироваться, хотя представил все необходимые документы [4]. Партия Христианско-демократический выбор (далее ХДВ) создана на учредительной конференции 31 января

1995 года. 21 апреля 1995 года зарегистрирована Министерством юстиции Республики Беларусь. Главной целью ХДВ являлось активное содействие в формировании демократического социального правового государства, национального и морально-духовного возрождения белорусской нации и народа, в его активном участии в самоуправлении и определении своей судьбы, в реальном обеспечении суверенитета государства и нации. В области взаимоотношений церкви и государства ХДВ полагал, что понятие «свобода совести» включает следующее: равенство всех религий; обеспечение фактического равноправия и равенства верующих и неверующих граждан перед законом; исповедание любой религии по своему выбору и распространение ее идей; неисповедание никакой религии; изменение религиозной принадлежности и убеждений; отправление религиозных культов как единолично, так и сообща. ХДВ не предоставил необходимых документов для перерегистрации в 1999 году и был ликвидирован решением Верховного суда Республики Беларусь [4]. Белорусская христианско-демократическая партия (далее БХДП) создана 4 декабря 1994 года, зарегистрирована Министерством юстиции Республики Беларусь 21 марта 1995 года. В сфере религии и свободы совести БХДП выступала за право: на создание самостоятельных политических партий; на публичные проповеди и богослужения; на преподавание религии в государственных и частных учебных заведениях на основе равенства и добровольности; на издание, куплю и продажу религиозной литературы, журналов и газет; на использование средств массовой информации, радио и телевидения; на благотворительную деятельность и сбор пожертвований, так и на другие виды хозяйственной и финансовой деятельности, если она не противоречит законодательству; на миссионерскую деятельность и организацию паломничества верующих по святым местам. В 1999 году БХДП не прошла перерегистрацию и была ликвидирована решением Верховного суда Республики Беларусь [4]. Четвертая конфессиональная партия в республике – Народная партия «Возрождение» была создана 5 марта 1995 года в Могилеве. 29 марта этого года она была зарегистрирована в Министерстве юстиции Республики Беларусь. Целью партии был поиск путей вывода общества из кризиса, сохранение суверенитета государства, создание общества социальной справедливости, обеспечение достойной жизни всем гражданам республики, благополучия и счастья каждой семье. Партия «Возрождение» признавала важную роль религии в моральном очищении общества, развитии духовной культуры, воспитании человека, защищала свободу мысли, совести, вероисповедания и богослужения. Поэтому она вела диалог и осуществляла сотрудничество с церковью. В 1998 году решением Верховного Суда Республики Беларусь деятельность партии была прекращена [4]. В настоящее время в стране нет ни одной политической партии конфессиональной направленности.

Для политических партий тема религии выходит на первый план во время проведения избирательных кампаний, используется для расшире-

ния своего влияния на общество, в котором Белорусская Православная Церковь обладает значительным мобилизационным ресурсом. Отношения партий и Церкви формируются не только по поводу положения Церкви в обществе и политических партий. На сегодняшний день уже сложилась совокупность общественных позиций Церкви, что позволяет соотнести их с позициями политических партий. Совпадения позиций означает косвенную легитимацию Церковью действий политических партий, потому что любая партия может заявить, что Церковь занимает такую же позицию. Позиция партий по вопросам межрелигиозных отношений, внутрицерковной ситуации так же может оказывать поддержку религиозной организации или осуждать ее действия.

За 90-е годы для политических партий стало ясно, что прямое привлечение религиозного фактора в политику приводит к расколам внутри общества по религиозной принадлежности. На основе этого в партийной деятельности был закреплен принцип светскости, который согласно закону запрещает конфессионализм в партийном строительстве. В тоже время обозначались сферы, в которых партийная деятельность пересекается с деятельностью религиозных организаций даже при условии соблюдения принципа светскости: юридический статус религиозных организаций, соотношение общественно-политических позиций партий и конфессий и их мировоззренческая совместимость. Именно в свете этих направлений политические партии рассматривают религию как серьезный фактор политики. Однако до сих пор ни одна партия основательно их не разработала. На сегодняшний день ни у одной партии нет четких представлений о том, какой курс необходимо отстаивать в отношении религиозных объединений, хотя религиозные конфессии ставят вопросы о религиозном образовании, о налогах и так далее. Только начинают разрабатываться совместные проекты действий на основе совпадения общественных позиций партий и религиозных организаций.

Сегодня основной акцент в контактах Церкви с политическими партиями делается на обеспечении духовного возрождения материальными ресурсами и каналами распространения. Одновременно Церковь стремится проводить согласование своих позиций с различными общественно-политическими силами страны.

Список литературы

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Мн.: Амалфея, 2005. – 48 с.

2. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях: Закон Респ. Беларусь от 17декабря 1992 г. (с изм. и доп. от 17.01.1995) // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1995. – № 13.

3. О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О политических партиях»: Закон Респ. Беларусь от 21 июля 2008 г. № 416-З // Нац. реестр правовых актов. – 2008. – № 184. – 2/1513.
4. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУАинформ, 2009. – 320 с.
5. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М., 2000.

А.А. Коломийцев
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, alex@iquadart.com

МИТРОПОЛИТ СЕМАШКО – САНОВНИК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ

В первые десятилетия 19 столетия Северо-западный край Российской империи переживал значимые события, вызванные сменой политического режима и государственной власти. Вопрос обеспечения стабильности в условиях модернизирующегося авторитаризма был приоритетным в политике русского царизма на территории, входившей ранее в состав Речи Посполитой. При этом политика царизма в первые десятилетия 19 столетия не была четко спланирована, и соответственно не отличалась последовательностью. Создаваемые институты власти, как и верховная власть, нуждались в легитимации своих прав и действий. Оппозиционность местного дворянства ограничивала возможность его использования в качестве государственных служащих [1]. В данных условиях крайне важным фактором достижения институтами власти поставленных целей, было формирование на местах посреднических структур, возглавляемых «благонадежными» лидерами. В результате, в различных социокультурных группах, на рассматриваемой территории, появлялись лидеры готовые принимать мобилизационное политическое участие в жизни общества, участие не сопряженное с понятием оппозиционности государственной власти. Тем самым, многие из них становились средством правителей для формирования посреднических структур и управления ими [2].

Государственным чиновникам православного вероисповедания сложно было найти поддержку в регионе отличающимся поликонфессиональностью и находившемся под сильным влиянием католического духовенства. Поэтому вопрос вероисповедания на территории западных рубежей Российской империи не во всех случаях мог решаться верховной властью посредством прямых политических действий. Православная церковь была зависима от верховной власти, распоряжения высшего духовенства в значительной степени отражали на себе тот или иной взгляд императорского

правительства, именно в результате данной зависимости достижение целей правительства во многом могло произойти благодаря укреплению позиций православия в западных губерниях Российской империи [3].

Реформа и унификация образовательной системы, возвращение униатства в состав православной церкви, и прочие события религиозной жизни первой половины 19 столетия явились результатом реализации продолжительных политических преобразований в сфере вероисповеданий Северо-западного края.

На взгляд автора, одну из центральных ролей в осуществлении вышеописанных процессов сыграл митрополит Иосиф Семашко. Деятельность И. Семашко можно рассматривать по-разному, в том числе и как политическую.

С середины двадцатых годов 19 столетия, являясь протоиреем униатской церкви, И. Семашко реализовывал долгосрочный план по возвращению униатов в состав православной церкви. Исходя из воспоминаний самого Иосифа Семашко, для достижения поставленной цели был разработан ряд последовательных действий, предполагавших организацию постепенного становления униатства не зависимого от римско-католической церкви, обогащение униатства православными обрядами и канонами, возвращение в униатскую веру католиков вышедших из нее.

Реализация задуманного проходила на протяжении 10 лет. Глубокая осведомленность И. Семашко по религиозному вопросу Северо-западного края Российской империи, покровительство императора и тесные контакты с главноуправляющим духовными делами иностранных исповеданий Дмитрием Николаевичем Блудовым способствовали митрополиту в реализации задуманного, предоставляя широкие возможности контроля вопроса вероисповеданий. Разного рода проекты и замечания Иосифа Семашко многократно попадали на рассмотрение императора, утверждались и приводились во исполнение [4].

В конце двадцатых годов, при прямом и косвенном участии митрополита, состоялись следующие высшие важнейшие распоряжения: приостановление избрания новых членов в консистории, учреждение трех административных комиссий по управлению общими имениями и капиталами Греко-униатского духовного ведомства, учреждение для униатских дел в России, независимой от римско-католической, Греко-униатской духовной коллегии с новым штатом, запрет принимать в униатское монашество лиц римско-католического исповедания, запрет на посвящение униатских монахов в священство без предварительного рассмотрения и постановления консистории, запрет на печать униатских богослужебных книг без разрешения коллегии, открытие в Жировицах литовской семинарии, принятие уставов для руководства униатских академий, семинарий и училищ, подобных уставам аналогичных заведений православной церкви, и пр. [4]. В тридцатых годах: передача Почаевского монастыря в православное ведомство, предписание, чтобы в западных губерниях, по иноверному

ведомству, члены в комиссии и священники к приходам назначались не иначе как по сношению с начальником губернии, упразднение католических монастырей по Виленской губернии, монахи и священники коих «сочувствовали восстанию» [5], постройка православных церквей в Виленской губернии [6] и т.д.

Деятельность И. Семашко была признана царским правительством, о чем свидетельствуют следующие поощрения и награды: 21 апреля 1929 года он был возведен в сан епископа Мстиславского, 2 апреля 1833 года – назначен Литовским епархиальным епископом, а после воссоединения, в 1852 году – митрополитом литовским. В 1827 и 1828 годах Семашко был отмечен наперсными крестами, в данный период времени, в связи с прошением Иосифа Семашко, его отцу была пожалована пожизненная пенсия [4].

Однако не всегда Иосифу Семашко удавалось реализовывать поставленные цели. В связи с тем, что Блудов не был сторонником кардинальных действий в отношении римско-католической церкви, деятельность митрополита Семашко в последнее десятилетие существования унии велась с переменным успехом.

Возвращение униатов в состав православной церкви в 1839 году во многом стало возможным благодаря целенаправленным мероприятиям Иосифа Семашко. Несмотря на трудности, И. Семашко, будучи ярким лидером, в лице униатской церкви создал посредническую структуру в условиях оппозиционности политике русского царизма. Обстоятельства разрозненности общества в новых политических условиях, естественным образом оказывали влияние на процесс формирования новой четкой структуризации большинства сфер общественной деятельности, в том числе и духовной. В свою очередь это привело к общественному осознанию необходимости институционализации и централизации государственной власти. Следствием данных процессов, на территории Гродненской и Виленской губерний, явилась интеграция общества на основе религии и национальной идеи, уменьшение политического влияния европейских государств, признание большой частью населения власть русского царизма. Существенная роль в этом принадлежала митрополиту Иосифу Семашко.

Список литературы

1. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси. 1772 – 1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Мн.: Монография (07.00.02), 2001. – С. 62 – 64.

2. Алтынбекова, Г. Гендерное измерение политического участия: новые концепции и подходы / Г. Алтынбекова // ЕВРАЗИЙСКОЕ СООБЩЕСТВО – 1999. – N2. – С.69-80.

3. РГИА СПб. шифр: 5716 Соколов А.А. Отношение церковной власти к свободе совести и слова в 19 столетии. Краткий очерк из истории

католического и православного духовенства. – Астрахань: Паровая типография В.Л. Егорова, 1906. – С. 15-16.

4. РГИА СПб. шифр: 39254 Записки Иосифа митрополита литовского, изданные Императорской академией наук по завещанию автора, Т. 1 – Санкт-Петербург, 1883. С. 56-117.

5. РГИА СПб. Ф. 797, оп. № 14 Ед. хр. 157659 «Об упразднении католических монастырей по Виленской губернии в 1833 г.»

6. РГИА СПб. Ф. 797, оп. № 5, ед. хр. 19676 «О постройке церквей в городах Виленской губернии 1836 – 1841 годы. Канцелярия обер-прокурора синода». С. 109.

И.К. Комарова

БИП-Институт правоведения, г. Гродно, kom-ik@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Существует множество попыток дать краткое, но ёмкое определение глобализации, тем не менее для многих приемлемо понимание современного этапа глобализации, предложенное Энтони Гидденсом, которое определяет его как «интенсификацию всемирных отношений, связывающих отдаленные друг от друга места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за многие мили отсюда, и наоборот» [1, с. 377].

Следовательно, в широком смысле речь идет о растущей взаимосвязи и взаимозависимости разнородного мирового социального пространства, в котором происходит беспрепятственное перемещение информационных потоков, идей, ценностей и их носителей, капиталов, товаров и услуг, стандартов поведения. Глобализация сегодня означает качественные изменения всех сфер общественной жизни, когда сокращаются барьеры и расстояния и образуются единые экономические, информационные и прочие пространства на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций. Мир объединяется, и перспективы его развития во многом зависят от новых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, создавая в результате множество связей, взаимодействий и взаимоуязвимостей.

В настоящее время особую актуальность приобретает проблема подрыва устоев национального государства законом прибыли. Еще никогда капитал не был до такой степени освобожден от социальной ответственности и обязательств перед обществом. Стремясь обеспечить конкурентоспособность своих производств, сохранить в стране капитал и рабочие места и привлечь новые инвестиции, правительства снимают с них социальную ответственность и тем самым способствуют снижению реального уровня за-

работной платы, сокращению социальных программ, проявлению невнимания к вопросам защиты окружающей среды. Менее развитые в материально-техническом плане страны испытывают опасение быть «проглоченными» гигантским спрутом экономики развитых, богатых, образованных стран, лидирующих в политическом и военном планах. Первые залезают в долги, однобоко развивают свою промышленность, позволяют выкачивать ресурсы, опустошают земли. При стихийном восстановлении равновесия – «справедливости» и «добра» – волна миграций из таких стран становится неуправляемой, растет социальная напряженность и межнациональная рознь.

В мире появился новый вид войны – психологическо-экономическая война за глобальное руководство. ТНК контролируют мировую экономику, перебрасывая капитал из страны в страну с наиболее выгодными условиями для своего бизнеса. Их деятельность не прозрачна, решения не зависят от национальных правительств, финансы таких хозяйственных субъектов превышают годовой доход некоторых стран, что позволяет начать управлять миром во имя достижения своих корпоративных интересов, транснациональные компании рассматривают всю планету как один глобальный рынок. Конкуренция в мире стала универсальным кредо, идеологией.

В политической сфере усиливается влияние различных глобальных объединений (НАТО, АСЕАН и др.). Оспаривается доминирование национального суверенитета, в том числе и практическими действиями в Ираке и Югославии. Принимаются решения и осуществляются вмешательства во внутренние дела относительно небольших государств без учета их интересов, не считаясь с их традициями, культурой и своеобразием жизни, без поддержки большинством стран этих решений и действий.

В культуре также действуют мощные унифицирующие тенденции. «Глобальная деревня» формирует американоподобные образцы потребления продуктов массовой культуры, тиражируемых при помощи кинематографа, телевидения, видеопроката, Интернета. Коммуникационные технологии и мощные информационные потоки контролируются теми, кто платит, свобода слова оказывается «миражом». Локальное обесценивается по мере того, как утрачивается преимущество коммуникации «лицом к лицу», оно уже не играет прежней роли в формировании и самовоспроизводстве элит. Интенсивность культурных и информационных обменов, многократно усиленная новейшими средствами коммуникации, делает малоэффективными попытки автаркии, самоизоляции и сохранения «единой национальной культуры».

Возникает парадоксальная ситуация: глобализация одновременно повышает требования к национальному государству, оно вынуждено постоянно заниматься «экономической политикой», и сужает его возможности. Приватизация – тот универсальный инструмент, с помощью которого происходит вытеснение государства из важнейших сфер общества. Целью приватизации является коммерциализация сфер, которая «освобождает» государство и обеспечивает интеграцию в систему глобальных рынков.

Именно «связка» приватизации и коммерциализации, составляющая действительный механизм процесса экономической глобализации, в результате ведет к «ослаблению» национального государства. Коммерциализация общественных благ и услуг усиливает социальное неравенство и ограничивает возможности каждого человека в получении качественного образования или в доступе к информационным ресурсам через Интернет. Приватизация резко сужает область общественных дел, непосредственно затрагивающих каждого гражданина, и, в конечном счете ведет к тому, что частные интересы людей, локальные ценности, вытесняют на периферию общие интересы общества, глобальные идеи и цели. Известно, что когда это соединение гармонично, то, как правило, оно консолидирует национальные силы на решение тех или иных государственно-национальных проблем. Итогом образующегося спонтанного следования частным целям становится действительность, осознаваемая национальными обществами как «вызов времени». Причем с точки зрения классических моральных и правовых норм, винить за неудачные результаты практически некого и не за что: всё свершилось по взаимным соглашениям, в рамках существующего права.

В результате гражданская позиция становится реликтовой, устаревшей, ее подменяют потребительские формы самоидентификации, происходит разрушение системы институтов, связанных с коллективным социальным действием, нарастает кризис гражданственности, инфантилизация становится повсеместным глобальным феноменом, а вопрос о личной ответственности за дела общества делегируется власти предержащим – корпорациям, вождям.

Поэтому важно выделить некоторые ориентиры в решении проблемы сохранения национальной идентичности, государственного суверенитета, сохранения государственной целостности. Они состоят в фильтрующем отборе из центробежного потока наиболее подходящих образцов поведения и усилении их самобытным содержанием, составляющим потенциал дальнейшего развития локального общества:

1. Введение в процесс глобализации элемента управляемости, позволяющего обеспечить предсказуемость, планомерное выстраивание рыночных институтов и развитие разных видов социальной страховки, осуществление «революции управления» на всех уровнях.

2. Восполнение ухода государства из социальной сферы не столько рынком, сколько организациями гражданского общества, выражающими подлинные чаяния населения и способными содействовать стабильности в обществе.

3. Трактовка человеческого потенциала национального государства как обладающего здоровыми силами, проявляющего способности к созидательному и творческому труду, к самостоятельности, грамотному использованию своих прав и свобод, инициативы, умеющего брать ответственность на себя, действовать в непредвиденных и постоянно меняющихся обстоятельствах.

4. Рациональное взаимодействие политических элит, крупных компаний и органов государственного управления с субъектами интеллектуальной экономики.

5. Эффективное применение импортируемых информационных технологий, внедрение передовых форм хозяйственно-экономической деятельности.

6. Разработка правовых норм, учитывающих развитие социально ориентированных рыночных отношений и международный статус государства;

7. Развитие системы образования, опирающейся на национальные традиции и новейшие технологии.

Список литературы

1. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм. – М., 2002.

Т.К. Комарова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ КАК КОМПОНЕНТ СУБЪЕКТИВНОГО «ОБРАЗА ОБЩЕСТВА»

В современном обществе социализация осуществляется в значительной степени как процесс самостоятельного выстраивания человеком своего социального опыта, существенной характеристикой которого является содержание, отражающее сложившиеся у субъекта представления о культурном и социальном мире, в котором он живет. В отечественной психологии представление понимается как образное обобщенное знание объективной действительности, как результат субъективного отражения человеком окружающего мира. С этой точки зрения социальный опыт человека может рассматриваться как целостная система его социальных представлений, выступающих в процессе субъективного отражения мира как своего рода «призма», преломляющая воздействия этого мира и тем самым обеспечивающая индивидуализированный «отклик» человека на них.

В контексте макро- и микросоциальных отношений человека некая совокупность сформировавшихся социальных представлений образует у него своего рода субъективный «образ общества». В данном образе когнитивный компонент содержит в разной степени структурированную и осоз-

нанную информацию о макро- и микросоциуме, используемую человеком для объяснения событий и явлений, происходящих в его социальной жизни. Эмоциональный компонент «образа общества» выражает эмоциональное отношение личности к событиям и явлениям её жизни, влияя тем самым на действенный (поведенческий) потенциал данного представления, проявляя его мотивационную сущность и определяя смысловое содержание социального поведения личности.

В изучении когнитивной и эмоциональной составляющих «образа общества» несомненный интерес представляет изучение социальных страхов. Анализ современной научной литературы свидетельствует об отсутствии единого взгляда на понимание социального страха. Так, Ю.В. Щербатых под социальным страхом понимает боязнь и опасения человека за изменение его социального статуса. Специфика социальных страхов, по его мнению, заключается, во-первых, в их опосредованном характере (когда объекты, вызывающие страх, не могут непосредственно сами по себе нанести вред человеку), во-вторых, в их распространенности). Автор выделяет следующие виды социальных страхов: страх ответственности, страх провала, страх критики, страх успеха, страх перед начальством, страх публичных выступлений [1]. Другой автор в своей классификации выделяет такие значимые социальные страхи как страх отвержения (страх получить отказ; быть непризнанным, недооцененным, презираемым, боязнь осуждения, страх равнодушия); боязнь потери (страх оказаться брошенным своим партнером, страх развода, боязнь потерять работу, обеднеть, лишиться красоты, страх одиночества); страх принять самостоятельное решение (взять на себя ответственность, нежелание рисковать); страх публично проявлять свои чувства, а также высказываться, обозначать потребности, предъявлять требования, критиковать кого-то; страх конфликтов; страх перед авторитарными личностям. В контексте проблем политической психологии весьма интересна классификация социальных страхов, где выделяются: страх общественного мнения – боязнь оказаться в ситуации, в которой человек может быть замечен и оценен другими людьми; страх нарушения норм морали как страх оказаться в ситуации, когда человек вынужден лгать или переступать границы дозволенного, при этом нанося вред третьим лицам; страх самоутверждения – страх перед ситуациями, в которых для преодоления конфликтов и защиты собственных интересов человек нуждается в мужестве и доверии к себе; страх непризнания и личностного обесценивания – страх оказаться в ситуации, в которой человек не признан другими людьми, унижен ими или подвергается с их стороны критике и собственные слабости и ошибки будут переживаться им как стыд; страх проявить себя – страх перед ситуацией, в которой шанс на удовлетворение потребностей может быть не реализован, что переживается как неудача [2].

Характерно, что большинство социальных страхов имеют множественный характер, то есть, к примеру, человек редко боится только на-

чальства, чаще всего он боится и критики, и предъявлять требования, и оказаться в центре внимания. Социальные страхи легко распространяются на смежные социальные ситуации и схожие социальные объекты, что, в конечном счете, приводит к повышенной тревожности и невротизации личности. Однажды возникнув, социальный страх прочно ассоциируется с определённой ситуацией и затем подкрепляет сам себя. Так создается психологическая «почва» для неудач в вызывающих его социальных ситуациях, а неудачи ещё больше подкрепляют страх.

Исходя из положения о социализации личности в деятельности, общении и самосознании, можно отследить генезис социальных страхов в этих трёх сферах. В частности, в сфере самосознания социализация личности происходит в процессе становления «образа-Я». В этой сфере социальные страхи могут возникать, скорее всего, вследствие дискриминации когнитивного, эмоционального и поведенческих компонентов этого образа. Это может проявляться в действии социальных факторов, которые занижают самооценку, ухудшают отношение человека к себе и т.п. (например, негативных внешних оценок со стороны значимых других и руководства, социальной ингибиции, моббинга на работе). Социализация личности в сфере деятельности связана с расширением возможностей через освоение новых видов деятельности, рост профессиональной квалификации и профессионального мастерства, освоение смежных профессий и т. п. Отсюда очевидно, что социализация страхов в этой сфере может быть связана с сужением данных возможностей, когда люди всерьёз опасаются, что не смогут честно и продуктивно работать и зарабатывать, повышать уровень своего профессионализма. Социализация личности в сфере общения связана с расширением её социальных контактов, доминированием диалогических форм общения, освоением новых пространств общения. Такое общение является необходимым условием бытия человека и основой практики всех видов деятельности. Социальные страхи в этой сфере могут приводить к уменьшению контактов вообще (и желаемых, в частности) и доминированию монологического общения. Это может быть связано с известной изолированностью людей, невозможностью отстаивать свою точку зрения, боязнью «сказать лишнее» и тем самым задеть интересы влиятельных сил, что в условиях слабой защищённости предоставляет реальную опасность и приводит к коммуникативному одиночеству [3]. Этот вид одиночества, по мнению ряда авторов, представляет собой один из основных страхов человека в современном обществе. Отказ от активной социальной позиции приводит к тому, что конкретные связи одного человека с другим приобретают всё более отчуждённый характер манипуляций, когда в социальном взаимодействии человек используется как средство достижения определенных целей другого человека или каких-то социальных групп. При таком отношении человек лишается способности ощущать себя уникальной личностью, скорее он чувствует себя «товаром», который не имеет собственной ценности, своеобразным «винтиком», от

которого ничего не зависит. Такого рода самоощущение может быть предвестником «социальной смерти» личности.

Таким образом, социальные страхи, будучи своего рода «эффектами» социальной жизни человека, психологическими образованиями его сознания в результате вхождения в социум, характеристики которого субъективно им воспринимаются как источники реальной угрозы, определяют негативные эмоциональные переживания человека, тем самым формируя его отношение к данной социальной среде, и, как следствие, стратегии поведения в ней. В этой связи очевидно, что исследование «образа общества» не только как образования индивидуального сознания, но и сознания человека как представителя профессиональных, этнических групп, политических партий и общественных объединений не может не интересовать политическую психологию, поскольку именно определенные социальные группы людей порождают только им присущие «фигуры сознания» (А.Н. Леонтьев).

Список литературы

1. Щербатых, Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия / Ю.В.Щербатых. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. – 416 с.

2. Кузнецова, Е.Н. Связь особенностей проявления страха с семантической структурой обыденного сознания у девушек – студенток-медиков / Е.Н.Кузнецова //Социально-психологические и педагогические проблемы развития личности учащейся молодежи: материалы международной научно-практической конференции. – Ставрополь, 2002. – С. 182 – 184.

3. Рахматуллина, Р.С. Структура свойств личности и особенностей черт характера и их роль в психической регуляции педагогической деятельности учителя на уроке: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13/ Р.С. Рахматуллина: ПИ РАО. – М., 1996. – 24 с.

Г.В. Корзенко, Н.А. Опимах, Н.В. Павлова

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, г. Минск

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

После распада СССР Беларуси предстояло решать наряду с экономическими, политическими, военными проблемами и проблему формирования у граждан политической культуры независимого европейского государства. Одновременно требовал ответа и вопрос об идеологии белорусского

государства. Вне идеологии не бывает политического действия. Структурные элементы политической культуры (когнитивный, нормативно-оценочный, эмоционально-психологический) испытывают влияние идеологических установок. Поэтому идеологическое обеспечение важнейших государственных программ по развитию экономики и повышению жизненного уровня населения должно предусматривать действия по формированию у граждан Беларуси демократической гражданской политической культуры т.е. культуры активного участия граждан в политической жизни.

В современных условиях особое значение приобретает *формирование личности как субъекта политики.* Человек не рождается социальным, в том числе политическим существом, хотя с момента своего появления на свет уже обладает необходимыми для формирования социальными потенциями в виде природных задатков. *Социализация личности* предполагает освоение различных форм социального опыта, включая политическую культуру. Индивид способен стать субъектом политики, лишь овладев политической культурой, т.е. в *процессе политической социализации,* которая не сводится лишь к усвоению наличного политического опыта. Она предполагает формирование у субъекта собственной политической культуры, отражающей новые социальные реалии (иначе он не сможет предвосхищать политические события). Процесс политической социализации достаточно сложный и зависит от многих объективных и субъективных факторов. Так, на формирование политической культуры значительное влияние оказывает историческая эпоха, политическая система, заинтересованность властных структур, а также самих граждан в политическом просвещении и образовании, технический уровень средств массовой информации и др. Если говорить о Беларуси, то формирование политической культуры органично связано с общим трансформационным процессом – переходным периодом от плановой к рыночной экономике, становлением государственных институтов, демократизацией общественной жизни.

Жизнь убеждает нас в том, что процесс формирования политической культуры (политическую социализацию) нельзя пускать на самотек. Кто же должен заниматься формированием политической культуры у граждан Беларуси – семья, школа, профсоюз, политические партии? Мы исходим из того, что формирование у индивида политической культуры – непрерывный процесс, осуществляемый как государственными, так и общественными институтами. Он начинается в семье, дошкольных учреждениях, продолжается в средней и высшей школе, производственных коллективах, общественных организациях, политических партиях и т.д. На теоретическом, т.е. понятийно-категориальном уровне политическая культура личности формируется лишь в процессе ее обучения в школе, вузе, систематической самостоятельной работы над развитием интеллекта.

Одним из важнейших социальных условий формирования новой плюралистической политической культуры в республике является экономическая реформа, основанная на множественности форм собственности. Имен-

но конкуренция и предпринимательство составляют материальный фундамент нарождающегося политического плюрализма и соответствующей ему политической культуры.

Непременным условием формирования высокой политической культуры является утверждение в обществе политических свобод, нормальная духовная жизнь с гарантированными и обеспеченными правами личности. Свобода личности является величайшей социальной ценностью. Поэтому демократизация духовной сферы выступает прежде всего как обеспечение свободы личности. Никто не вправе предписывать или запрещать человеку иметь свои верования, убеждения, суждения, осуществлять свой политический выбор.

Одно из важнейших условий формирования политической культуры – демократически избранное Национальное собрание Республики Беларусь. Это важнейший инструмент функционирования политической системы. От уровня политической культуры парламента во многом зависит свобода политического мышления общества, так как парламент принимает решения, устанавливающие нормы политической культуры общества, правила политического поведения. Но существует и обратная зависимость. Чем выше интеллектуальный уровень и демократические традиции общества, тем выше политическое мышление депутатов, выше культура их выступлений. Поэтому важно, чтобы в Национальном собрании были представлены компетентные, политически подготовленные специалисты, способные принимать глубоко продуманные законы и решения. Предельно важно понять, что наличие прочных установок на демократические принципы и нормы жизни, демократические навыки и традиции создает необходимые предпосылки для формирования в нашем обществе политической культуры именно плюралистического типа.

Таким образом, проблемы формирования политической культуры в Беларуси выступают и как проблема роста политической образованности, воспитания гражданского мужества, нетерпимости к фальши, разрыву между словом и делом, как проблемы строительства правового государства и воспитания национального самосознания.

Повышение уровня политической культуры – это не только реформа политической системы, экономических отношений. Необходимо переосмысление пройденного пути, избавление от нравственной и политической раздвоенности, отказ от догм, самообмана и конформизма. Современная Беларусь представляет собой трансформирующееся или транзитивное общество, в котором пока еще не сформирована целостная система мировоззренческих ценностей, приемлемых для людей, познавших горечь и разочарование крушения кумиров и иллюзий, тяжелое испытание Чернобыльской трагедией и человеческого бытия «на изломе», в эпоху «великих перемен». С одной стороны, возникают новые, демократические модели мировосприятия, с другой стороны, пока еще сохраняются мировоззрен-

ческие стереотипы коммунистических идеологий. Парадоксы и разочарования новых идеалов и ценностей сочетаются с непреодолимым желанием отказа от модели «жить по-старому».

Фундаментальными приоритетами и консолидирующей идеей белорусского общества, в рамках которых объединяются разнообразные многовариантные подходы и фиксируются значимые для открытого общества ценности, являются, несомненно, *национальные интересы,* предполагающие обеспечение национальной безопасности Беларуси; *экономические приоритеты,* направленные на создание динамично развивающейся, социально-ориентированной, рационально-целесообразной рыночной экономики; *основные приоритеты в социальной сфере*, предусматривающие реализацию принципов социальной справедливости; обеспечение условий для реализации творческих способностей людей, социальной защиты интеллектуальной элиты Беларуси, сохранения научных школ и направлений.

Необходимо учитывать и *культурно-духовный статус белорусского народа,* который определяет нравственные начала и нормы социальной жизни и поведения человека в обществе.

Политическая культура белорусского общества формируется на основе трех источников.

Первый источник – это политическая практика, включающая нормативные акты, государственные программы, целенаправленную работу органов государственного управления, идеологическую работу.

Второй источник – зарубежный опыт и гражданская политическая культура, выросшая на основе европейских традиций, из которого должно идти сознательное, с пониманием, заимствование того, что подходит для Беларуси.

Третий источник – национальные политические традиции. Политические традиции, являясь фактором политической преемственности между поколениями, могут быть легитимной опорой или тормозом политического развития.

Л.Г. Короленок

Гродненский государственный медицинский университет,
Гродно, kgnmed@mail.ru

ПОЛЕВЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Оргмассовое направление в избирательных кампаниях, которое предполагает агитационно-пропагандистскую работу среди населения, является едва ли не основным направлением работы во время избирательных кампаний. В последнее время в лексикон все чаще входит другое название этого направления – «полевые избирательные технологии», так как орг-

массовое направление подразумевает работу агитаторов на электоральном поле. Наиболее важными субъектами оргмассового направления являются рядовые активисты, агитаторы. Оргмассовая работа ведется в следующих направлениях:

• Формирование команды агитаторов;

• Сбор подписей в поддержку кандидата;

• Непосредственная работа с избирателями: кампания «от двери к двери», телефонное внедрение, адресная рассылка агитматериалов;

• Организация массовых мероприятий (встреч кандидата с избирателями, митинги, пикеты, концерты и т.д.);

• Распространение агитматериалов (в том числе безадресная рассылка агитматериалов);

• Организация работы общественной приемной;

• Наблюдение за голосованием.

Преимуществом данного направления избирательной кампании в том, что полевые технологии обладают большими возможностями воздействия на избирателей чем политическая реклама, что достигается, прежде всего, за счет личного общения с электоратом, возможностью индивидуального подхода к избирателям в зависимости от таких факторов как возраст, социальное положение, пол и т.д.

Однако полевое направление избирательных кампаний требует немало усилий и времени, прежде всего, для создания и обучения эффективной команды, так как именно от активности и опытности команды зависит результат работы и, в конечном счете, количество голосов, полученных на выборах кандидатом.

Полевые избирательные технологии включают в себя ряд конкретных мероприятий: кампания «от двери к двери» (ОДД), включая сбор подписей; телефонное внедрение; адресная/безадресная рассылки; встречи кандидата с избирателями и т.д. В данной работе мы рассмотрим некоторые из перечисленных мероприятий.

1. Кампания «ОДД» – это один из самых эффективных видов агитации, который предполагает обход квартир или домов избирателей и распространение агитматериалов.

Кампания «ОДД» включает в себя несколько циклов: сбор подписей для выдвижения претендента и регистрации его в качестве кандидата; непосредственная агитация избирателей по месту жительства в поддержку кандидата; сбор информации о проблемах, существующих в данном округе с возможным частичным или полным их решением еще в период избирательной кампании, что неизбежно повысит рейтинг кандидата среди местного населения. Кроме того, в период агитационной работы возможно получение информации о посещении избирателей агитаторами другого кандидата, что может помочь скоординировать или изменить в случае необходимости формы работы с населением; а также возможно пополнение рядов самих агитаторов за счет наиболее активных избирателей.

Перед проведением кампании «ОДД» полезно уведомить избирателей о возможном приходе агитаторов, что можно сделать путем адресной рассылки, объявления в подъезде или телефонным звонком. Это снизит возможную негативную реакцию на приход агитатора.

Один из самых простых методов кампании «ОДД» – двойной обход квартир избирателей с заполнением отрывного талона. Под платформой кандидата на листовке печатается бланк отрывного талона, куда избирателю предлагается внести свои пожелания и (или) расписаться в поддержку кандидата. Заполнение талона стимулирует активность избирателя, что повышает вероятность его голосования за кандидата. Повторный обход осуществляется накануне дня выборов и только по тем избирателям, которые заполнили талон. Наибольший эффект от кампании «ОДД» приносит личное участие кандидата в данном мероприятии.

Разновидности кампании «от двери к двери» – это агитация во дворах, магазинах и т.д. Они могут быть эффективны в мелкомасштабных кампаниях, а также при непосредственном участии кандидата, однако их следует отнести к вспомогательным формам агитации, так как исчезает адресность, присущая кампании ОДД; трудно проследить зависимость проведенной работы с полученными голосами на выборах и т.д.

2. Телефонное внедрение (агитация по телефону) можно рассматривать как дополнительное мероприятие. Его цель – обеспечить узнаваемость кандидата и сформировать положительное отношение избирателей к кандидату. Преимущество данного вида агитации – экономичность ресурсов (финансовых и людских), меньшая психологическая нагрузка по сравнению с кампанией ОДД. Однако эффект от телефонного разговора значительно ниже непосредственного контакта с избирателем. Телефонное внедрение можно рассматривать как вспомогательное мероприятие, и его эффективность будет выше при одновременном использовании с кампанией ОДД.

3. Адресная рассылка – личные послания кандидата или его сторонников с обязательным указанием фамилии, имени и отчества избирателя и личной (или факсимильной) подписью отправителя. Цель данного мероприятия – достичь узнаваемости кандидата среди избирателей (начальный этап проводимого мероприятия); зафиксировать число голосов избирателей в последнюю неделю перед выборами (письмо «последнего дня»). Из данных целей следует, что адресная рассылка должна протекать в два этапа: 1 – от имени команды кандидата еще во время сбора подписей, что способствует притоку активистов в кампанию; 2 – в последние дни кампании, охватывая, прежде всего, сторонников активиста и по возможности других избирателей округа.

4. Встречи кандидата с избирателями. Западные политтехнологи рекомендуют следовать жесткой норме – восемь встреч с избирателями ежедневно в течение всей избирательной кампании, так как встречи кандидата с избирателями – наиболее сильный вид агитации.

Разновидностью встреч кандидата с избирателями являются импровизированные встречи в общественных местах: на улицах, в магазинах, во дворах и т.д. Очень эффективным является участие самого кандидата в кампании ОДД.

5. Массовые мероприятия (митинги, пикеты, конференции, собрания, концертные программы, поездки агитбригад в отдаленные районы больших округов и т.д.) – традиционная форма агитации. Данные мероприятия ставят перед собой цель обеспечения узнаваемости кандидата, завоевание голосов, привлечения активистов, а также создают информационный повод для СМИ. Однако, массовые мероприятия можно считать скорее второстепенными для большинства избирательных кампаний, так как участвуют в них лишь наиболее активные избиратели, и количество голосов, полученных на выборах, вовсе не зависит от количества участвующих в данных мероприятиях людей.

6. В рамках полевых избирательных кампаний проводятся и такие мероприятия как сбор подписей в поддержку кандидата, распространение агитационных материалов, общественные приемные, контроль голосования непосредственно в день выборов.

Таким образом, полевые избирательные технологии являются одним из эффективнейших методов агитационной работы с электоратом во время избирательной кампании, способной принести победу на выборах.

Список литературы

1. Воронежцев, Ю.И. Полевые избирательные технологии: Теория и практика в применении к белорусской реальности / Ю.И. Воронежцев. – Тарту: Мартриза, 2004.

2. Полуэктов, В.В. От двери к двери. Полевые технологии в избирательной кампании / В.В. Полуэктов. – М.: Русская панорама, 2002.

3. Полуэктов, В.В. «Полевые» и манипулятивные технологии. Настольная книга менеджера избирательных кампаний / В.В.Полуэктов. – М.: Русская панорама, 2003.

А.А. Косоруков

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Artem-1985@yandex.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Теория внешней политики в западной политической науке разрабатывается уже давно и насчитывает не менее полувека своей истории. Она представлена такими теоретиками и практиками международных отноше-

ний как: В. Хадсон, Р. Патнем, Р. Меррит, Дж. Хаган, Д. Пайпер, Р. Свифт и др. При анализе внешней политики исследователи выделяют следующие проблемные поля: лица принимающие решения и их особенности, внутренняя политика государства, влияние международной системы на внешнеполитический курс и др.

Прежде чем рассмотреть теорию внешней политики, следует более конкретно выделить ряд уровней, на которых проявляются основные проблемные поля данной теории.

Индивидуальный уровень анализа.

Теория внешней политики уделяет большое внимание анализу индивида как основного агента внешней политики. В теории анализа внешней политики в большей степени исследуются личностные характеристики индивида, его встроенность во внешнюю политику, в ее институты, и в меньшей степени исследуются его потенциал в качестве более самостоятельного деятеля (актора).

Недостаточной степенью внимания к индивиду отличаются многие теории международных отношений, занимающихся более структурой, чем агентами. Неразработанность понятия «агент» приводит к невозможности объяснить или спрогнозировать важные изменения и волюнтаризм во внешней политике. Требуется антропология международных отношений, которая изучает агенто-ориентированные концепции мотивации, анализа и постановки проблемы.

Большую роль в формировании теории внешней политики сыграли дебаты между неореалистом Кеннетом Уолцем и конструктивистом Александром Вендтом по поводу соотношения агента и структуры, которые касались либо международных структур, выделенных объективно, и очерчивающих государственное поведение (Уолц), либо государств, помогающих очерчивать международные структуры и их поведение через свое интерсубъективное понимание (Вендт).

Вендт утверждает, что идеи конструируют предпочтения и интересы, то есть материальные международные структуры выстраиваются агентами на основе представлений о них. Отсюда вытекает следующая проблема: если идеи могут изменять материальные структуры, то могут ли они изменять поведение индивидов? Вендт в своей книге «Процесс и структурное изменение» (1999) положительно отвечает на этот вопрос, говоря о том, что в основе самого межгосударственного взаимодействия лежит вера индивидов в саму возможность взаимодействия. Только люди, агенты, могут действовать через государственный аппарат, начать и продолжать взаимодействие в системе государств.

Огромную роль на поведение индивида играет идея морали и морального поведения в международных отношениях. Во времена большого спора между реалистами и идеалистами ставился вопрос о применимости морали к сфере политики, в том числе, международной. Хотя политические реалисты в целом отвергали ее как тот фактор, который, не влияя на

силу государства, не способен существенным образом влиять на внешнюю политику, Моргентау считал, что национальный интерес является функцией настоящей морали [1, с. 54].

В познании и процессах передачи информации между агентами-индивидами заключается единство всех уровней анализа внешней политики. Внешняя политика исследуется с учетом лиц, принимающих решения под влиянием своего внутреннего и внешнего окружения. Внешнее окружение – это не только физическое окружение, но и окружение, представленное такими факторами как мировое распределение ресурсов, качество жизни, структура международной системы, различный уровень технологического развития. Внутренне окружение индивида включает его убеждения, ценности, опыт, эмоции и т.д.

Государственный уровень анализа.

Помимо индивидуального уровня анализа внешней политики исследователи выделяют государственный уровень, имеющий собственную логику анализа. На государственном уровне действуют различные внутренние акторы, интересы которых налагают ограничения на лиц принимающих внешнеполитические решения. Их влияние на внешнюю политику может быть прямым и непрямым: прямым – когда общество влияет через выборные органы власти, непрямым – когда оно формирует общественное мнение, информационный фон, восприятие ситуации.

Структура внутренних акторов влияет на силу и скорость их влияния: чем больше они сплочены, тем быстрее им выработать одно мнение и тем эффективнее его отстаивать. Операционализация сплоченности прослеживается в работе Джо Хагана [2, с. 2], который выдвинул переменную, показывающую фрагментацию режима, то есть уровень разобщенности основных акторов. Барри С. Рендквист и Дэвид Гриффит в своей работе «Местническое ограничение внешней политики» приводят пример внутреннего ограничения, когда вынос того или иного внешнеполитического решения в Конгрессе США зависит, в том числе, и от того, как распределены географически военные заказы США по всему миру [3, с. 42].

На выработку внешней политики оказывают влияние не только внутренние и внешние ограничения, но и система принятия решений, имеющая свою собственную динамику. В ее центре находится бюрократия, важной функцией которой является обработка значимой информации от внешнего и внутреннего окружения и информации внутри самой бюрократии для решения какого-либо вопроса. Важно, что все решения принимаются людьми, каждый из которых обладает своей индивидуальностью.

Международный уровень анализа.

Следует также упомянуть международный уровень анализа внешней политики, на котором, с одной стороны, концентрируются все внешнеполитические действия, исходящие от индивидуального и государственного уровней, но, с другой стороны, на котором действуют свои закономерности.

Международный уровень наиболее абстрактен по сравнению с анализом наций, индивидов и их взаимодействий. Он не имеет единого властного центра, обладает определенной степенью анархии. Кооперация между странами затрудняется отсутствием институтов легитимного принуждения, которые могли бы гарантировать соблюдение международных законов. Не всегда возможно описать внешнюю политику, исходя из уровня международной системы вследствие отсутствия должной степени ее единства, но само влияние международной системы на внешнюю политику государства очевидно.

Несмотря на наличие различных закономерностей на всех трех уровнях анализа внешней политики наблюдается постепенный процесс интеграции теорий анализа внешней политики, направленный на увеличение прогностической способности теории во внешней политике, усовершенствование тех теоретических объяснений, которые дает теория, через анализ большего числа переменных различных уровней анализа.

Список литературы

1. Morgenthau, G. In Defense of the National Interest / G. Morgenthau. – New York: Alfred A. Knopf, 1951.

2. Hagan, J. Political opposition and foreign policy in comparative perspective / J. Hagan // American political science review. – March 01. – 1995.

3. Rundquist B.S. Griffith D.E. The Parochial Constraint on Foreign Policymaking / Merritt R.L. Foreign policy analysis. Lexington, Mass.: D.C. Heath and Company, Lexington Books, 1975.

И.И. Котляр

Брестский государственный университет имени А.С.Пушкина, г. Брест, kotlyar@brsu.brest.by

ПОСТИГНЕТ ЛИ БЕЛАРУСЬ СУДЬБА ГДР?

Возникает такой вопрос: постигнет ли Беларусь судьба ГДР?

Напомню о ГДР и ее судьбе, так как большинство, уверен, уже забыли об этой стране.

Германская Демократическая Республика (ГДР) образована в 1949 г. и просуществовала 40 лет. Образована в противовес Западной Германии (ФРГ), которая в свою очередь была образована 20 сентября 1949 г. Территория ГДР – 108 тыс. кв. км. Население – 17 млн. человек. ГДР являлась высокоразвитым в промышленном отношении государством, имела Национальную армию, входила в Варшавский Договор и Совет Экономической

Взаимопомощи. При поддержке СССР она успешно противостояла давлению со стороны ФРГ, пока Горбачев и его команда отказалась ее поддерживать, дали согласие руководству ФРГ и США на слияние двух немецких государств. Что и произошло в 1990 г. Слияние произошло мирным путем, так как и большинство жителей ГДР желали такого объединения. В силу того, что в ФРГ был более высокий жизненный уровень. Большим толчком для такого слияния послужило и то, что большинство жителей ГДР имели родственников, проживающих в ФРГ. Да и всех сближал их общий язык – немецкий.

Вопрос «Постигнет ли Беларусь судьба ГДР?» **весьма правомочен как для постановки и анализа**. Тенденции к такому развитию событий нарастают. А именно: Беларусь находится рядом с Россией; находится под жестким давлением со стороны США и Евросоюза, что объективно толкает ее в «объятия» России; зависимость в экономическом плане от российского капитала возрастает; русский язык на практике является единственно государственным; расширяется военно-стратегическое сотрудничество с Россией. Принятое Постановление правительства Республики Беларусь о приватизации в ближайшее время более пятидесяти предприятий тоже является шагом в сторону падения экономической независимости Беларуси от российского капитала.

Итак, **против такой возможности** высказываются многие специалисты в области истории и политологии. Их основные тезисы следующие: у нас, т.е. в Беларуси и России, различные социально-экономические системы. В России господствует частная собственность, в нашей стране – государственная. За истекшие 20 лет Беларусь достигла значительных успехов в своем развитии. Она состоялась как независимое государство. Твердую позицию в поддержку независимости занимает президент А.Г.Лукашенко. К тому же состояние России желает быть лучшим. Общество полно противоречий, различного рода болезней. Об этом убедительно раскрыто в книге автора «Россия XXI века: общественно-политический процесс». Другими словами, вхождение Беларуси в состав России – это будет переход из хорошего качества в плохое. Да и абсолютно ненужное. Беларусь была и остается в СНГ наиболее стабильным, развивающимся и перспективным государством. «Брестской крепостью» – как ее назвал известный российский историк, публицист и общественный деятель Рой Медведев.

«За» такую возможность:

Зависимость нашей страны от энергоресурсов России; единство истории белорусского и русского народов; единство православной церкви; господство в нашей республике русского языка: военно-стратегическое сотрудничество; совместная угроза, как для России, так и для Беларуси, расширения НАТО на Восток; авторитарные режимы власти в обеих странах. В пользу такого исхода говорит и то, что российские и белорусские общественные деятели, историки, журналисты в большинстве своем говорят, что мы единый народ. А единый народ, как известно, имеет право на единое государство.

Необходима военно-стратегическая ситуация, в рамках которой можно объявить о «поглощении» нашей страны Россией. Аналогичной ситуации, сложившейся после вооруженного конфликта Россия – Грузия, который создал условия для объявления независимости Южной Осетии и Абхазии.

Такой ход событий может не произойти не только потому, что нынешний президент Беларуси решительный сторонник независимости Беларуси. Но это может произойти при другом президенте. Ход событий будет зависеть прежде всего от позиции президента Российской Федерации. Будем надеяться, что Россия окажется более заинтересованной в независимой Беларуси, чем в ее поглощении.

Россия – не ФРГ и слишком различна социально-экономическая система. И всё же главная гарантия – развитие страны, превращение её в суверенное, процветающее государство.

По данным ООН за 2007 г. по индексу развития человеческого потенциала Беларусь заняла 64-е место, в то время как Россия – 67-е, Украина – 76-е. Беларусь впервые включена в первую группу стран самого высокого уровня человеческого развития. По данным Всемирного банка Беларусь занимает среди 140 государств мира по значению индекса экономики знаний 59-е, а в СНГ 3-е место. По уровню образования и развития информационно-коммуникационных технологий Беларусь – абсолютный лидер в СНГ.

Необходимо наращивать усилия по укреплению первой тенденции развития. И в этой связи развитие отношений официального Минска со странами Евросоюза, участие в программе «Восточное партнерство» является значительным шагом в правильном направлении.

Список литературы

1. Котляр, И.И. Россия XXI века: общественно-политический процесс в оценках белорусского политолога / И.И. Котляр. – Брест: Альтернатива, 2009. – 264 с.

2. Медведев, Р. Брестская крепость / Р. Медведев // Беларуская думка. – № 12. – 2009.

И.В. Котляров

Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

БЕЛОРУССКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ: СОСТОЯНИЕ БИФУРКАЦИИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

В настоящее время белорусская многопартийная система находится в состоянии глубочайшей бифуркации, стоит на пороге системного кризи-

са, который проявляется в деформациях всех ее подсистем и блоков, всех уровней порядка. Причем практически все политические партии Беларуси переживают несколько локальных кризисов – кризис доверия, кризис лидерства и кризис идеологической идентичности. По данным социологического мониторинга, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, политическим партиям страны в настоящее время доверяют 9,6 процента населения страны, не доверяют – 39,4 процента. Если бы в ближайшее время в стране происходили выборы в парламент по пропорциональной избирательной системе или «партийным спискам», как, например, в России, то 22,2 процента избирателей проголосовали бы против всех политических партий страны. Две трети вполне вероятно вообще бы не пошли на выборы, так как они ничего не белорусских политических партий не знают. Избирательный барьер следовало бы устанавливать минимальный – два процента. И то его бы не преодолела бы ни одна политическая партия страны. Популярностью некогда мощной политической силы – Коммунистической партии Беларуси упала за последние восемнадцать лет почти в ***тридцать*** раз (с 52,1 процента в марте 1991 года до 1,8 процента в настоящее время). Перед выборами в Верховный Совет 13 созыва каждый третий житель страны был готов поддержать коммунистов, а кто сейчас? Не лучше положение в других политических партиях страны. Причин кризисного положения белорусских партий много.

Попробуем определить основные причины подобного положения, провести концептуальный анализ сложнейшей политической ситуации. Прежде всего, следует назвать три важнейших причины провала белорусской многопартийности. Как показывает политическая реальность, белорусские политические партии практически не претендуют на политическую власть, не принимают участие в принятии важнейших политических решений. Когда в Беларуси обсуждают «большую политику», они стараются дистанцироваться от нее, не принимать практически никакого участия, ведь за решения когда-то приходится отвечать. Во-вторых, современные белорусские политические партии не выполняют эффективно свою главную функцию – представлять и защищать на высшем государственном уровне интересы своих избирателей, своего электората. В-третьих, уже многие политические партии выражают интересы не широких народных масс, а своей управленческой элиты. Еще Роберт Михельс открыл «железный закон олигархических тенденций» и доказал, что партийная демократия обязательно вырождается в партийную олигархию, что подтверждает и наша реальность.

Особое место в современных политических партиях занимают политические ***лидеры***. Они, как правило, являются их брендом, особенно в ходе избирательных кампаний и общении с людьми и средствами массовой информации. Партийные лидеры обязаны выражать существующие интересы, в этом смысле – быть отражением настроений партийного электората, своих избирателей – всегда находиться впереди «на белом коне». Они во многом проецируются на политическую партию, в некоторых случаях, пол-

ностью отождествляются с ней, растворяются в ней. Роль партийных лидеров особенно важна в современных условиях, когда партии сталкиваются с огромным количеством проблем. Во-первых, у многих людей полностью отсутствует интерес к политике как способу решения своих интересов и потребностей. Как показали социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси, только четыре процента жителей страны считает, что активное участие в политической деятельности поможет им решить существующие проблемы. Во-вторых, развитие информационных технологий заставляет партийных лидеров жить по новым, ранее совершенно не знакомым и непонятным им правилам – быть компетентными и мобильными, элегантными и эрудированными, выражать социальные ожидания и заказы людей, а не быть Бабой Ягой на метле и в ступе, пытающейся заклинаниями звать за собой электорат к лучшей жизни. Новые условия требуют полной смены поведенческой парадигмы современных партийных лидеров, формирования их принципиально нового имиджа. Что, к сожалению, в Беларуси, не произошло и не скоро произойдет. Как результат, у подавляющего большинства белорусских политических партий нет запоминающихся лидеров, отвечающим современным требованиям и способных в трудные политические периоды принимать ответственные политические решения или хотя бы демонстрировать, что они готовы взять на себя ответственность за положение дел в государстве. Руководители многих политических партий, просто-напросто, не интересны. У них полностью отсутствует не только харизма, но даже элементарная привлекательность. Под вопросом и моральный облик лидеров некоторых политических партии. Следует особо подчеркнуть, что, как показали социологические исследования, о подавляющем большинстве партийных лидеров очень многие люди вообще никогда не слышали. Их рейтинг, как говорится, ниже плинтуса – 0, 00... процента.

Серьезной проблемой всех политических партий страны является полнейшее отсутствие теоретической работы. Политические программы многих политических партий мало изменились с начала перестройки. Их политические лидеры мыслят категориями «времен Очаковских и покоренья Крыма». Практически у всех политических партий страны отсутствует стройная организационная работа. Не работают партийные группы в законодательных органах. В Палате представителей Национального собрания Республики Беларусь депутаты не выступают как члены политической партии, не озвучивают ее подходы по острым проблемам. Были случаи, когда белорусские парламентарии специально вступали в ту или иную политическую партию, так как выдвинуться от партийной структуры намного проще, чем собирать голоса избирателей. После выборов они теряли к ней всякий интерес. В развитых странах подавляющее большинство депутатов представляют политические партии. Об эффективности реализации данной функции говорит хотя бы тот факт, что из 110 избранных депутатов Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва

лишь 12 были партийцами. В новом парламенте число членов политических партий еще меньше – 7. В Республике Беларусь отсутствует полноценная социальная база для многопартийности. Белорусское общество не структурировано, не дифференцировано в социально-политическом плане, социальные слои и группы со своими специфическими интересами только начинают складываться. У политических партий страны нет популярных средств массовой информации – «Искры», из которой возгорится пламя». Кроме того, у всех политических партиях нет ярких, запоминающихся лозунгов. Партийные собрания похожи на внутренние разборки. Нет инициативы и демократии. Все не способствует росту популярности политических партий, не привлекает, а отталкивает от них людей. Следует особо подчеркнуть, что белорусское законодательство не способствует усилению роли партий в политической жизни общества. Для преодоления кризиса современной белорусской многопартийности необходимо провести в стране целый ряд законодательных изменений, которые дадут возможность политическим партиям стать реальной политической силой.

История показывает, что политические партия нужны до тех пор, пока они служат людям, выполняют и отражают их запросы и интересы, эффективно и целеустремленно сражаются за них. Политические партии Беларуси до сих пор не научились этого делать.

Список литературы

1. Котляров, И.В. Кому сидеть на мешке с шерстью, или О роли политических партий в жизни белорусского общества / И.В. Котляров // Проблемы управления. – 2008. – № 4. – С. 138 – 143.
2. Котляров, И.В. Политическая социология: теория, история, методология, методика / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2004. – Т. 1 – 286 с.; Т. 2 – 284 с.
3. Котляров, И.В. Политические партии Беларуси: теория, история, современность / И.В. Котляров. – Минск: МИУ, 2006. – Т. 1 – 364 с.; Т. 2 – 240 с.
4. Котляров, И.В. Феномен многопартийности в современном белорусском обществе / И.В. Котляров. – Минск: ФУ Аинформ, 2009. – 320 с.

И.В. Котляров
Институт социологии НАН Беларуси, г. Минск

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ: НОВЫЙ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Современное общество как сверхсложная система представляет собой структурированное образование, которое отличается исключительной

динамичностью и незавершенностью развития, состоит из большого количества подсистем и элементов, имеющих специфические цели, задачи, связи, интересы, потребности, идеалы, не всегда совпадающие с целями, задачами и интересами других социальных, демографических и половозрастных групп и общества в целом. В науке политическая система общества рассматривается в разных аспектах. Однако подобные подходы имеют огромное количество проблем и неустранимых недостатков. Например, Д. Истон рассматривал политическую систему как «черный ящик». Ему были неизвестны процессы, которые происходят внутри политической системы, как происходит преобразование всего того, что попадает на «вход», в то, что мы имеем на выходе. Никто из исследователей не смог объяснить, каким образом биологические импульсы окружающей среды превращаются в законы и политические решения или как оформить биологические требования в виде политического заказа. Во всех моделях политических систем политический субъект, человек исключен из действующих факторов политики. Очень трудно, практически не реально с помощью застывшего инструментального подхода выявить направления развития сложнейших политических систем. В то же время структурно-функциональный подход практически не изучает процессы, проходящие внутри политической системы

Предлагаю принципиально новую ***синтетическую*** модель политической системы, которая представляет собой комплекс четких, ясных, логически разработанных понятий и ликвидирует существующие недостатки. Это принципиально новый подход, ранее никогда не использующийся в политической науке. В то же время данная модель включает в себя лучшие достижения научного знания, полученные многими современными научными школами.

По моему мнению, политическая система состоит из следующих трех важнейших подсистем: инструментальной, нормативно-идеологической и функционально-коммуникационной.

В основе инструментального блока политической системы находится политическая ***власть*** как основной, системообразующий элемент, ее стержень. ***Государство*** – это важный институт политической власти, осуществляемой на профессиональной основе особой группой лиц на основе права, данного им Конституцией страны. В государстве достаточно много структурных элементов, которые выполняют властные политические функции. Среди них следует выделить институт ***президентства, правительство, парламент, местные органы управления и самоуправления***. Однако они выполняют не одинаковые властные функции. Главнейшую роль играет Президент государства. Он, являясь основным политическим субъектом, задействован во всех политических процессах. Благодаря политической власти, предоставленной ему Конституцией, своей заинтересованной деятельности он решает многие политические пробле-

мы, преодолевает негативные последствия действий других политических акторов. Судебным органам, которые не принимают политических решений, при эффективной деятельности правительства и местных органов власти особой сферы применения своих функций в политической системе не имеется. Таким образом, в современную политическую систему, по моему мнению, входят следующие структуры государственного управления: президент, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления. В состав политической системы также входят ***политические партии***, которые являются одними из самых важных, подвижных и активных элементов современных политических систем, главным инструментом взаимосвязи между государством и гражданским обществом. Структурными элементами политических систем являются и ***специфические общественные образования***, которые способны принимать важные политические решения, влиять на политические отношения. Типичным примером таких структур является Всебелорусское народное собрание, которое активно участвует в политической жизни белорусского общества.

Важнейшими структурными элементами современных политических систем являются ***политические акторы*** как носители политического действия. Это конкретные политические субъекты или стабильные общности людей, объединенные едиными политическими интересами, мотивами, нормами деятельности и воздействующие на процесс принятия и осуществления политических решений. По нашему мнению, в политическую систему входит ***электорат*** как граждане страны, влияющие на политическую жизнь и в результате выборов формирующие политическую власть, избиратели, которые голосуют за определенную политическую силу на парламентских, президентских или региональных выборах.

Таким образом, по моему мнению, в политическую систему современного общества входят следующие основные структурные элементы: президент как важнейший политический институт, парламент, правительство, местные органы управления и самоуправления, политические партии, специфические общественные образования, политические акторы и электорат. Однако является механический набор этих параметров системой в целом, политической, в частности? Конечно, нет. Необходимо иметь специальный систематизирующий блок, который придаст механическому набору элементов интегрирующее качество, будет способствовать формированию эмерджентности – образованию у системы целостности, то есть таких характеристик, которые не присущи составляющим ее элементам. Таким блоком в политической системе является ***нормативно-идеологическая*** подсистема, основными элементами которой являются ***политические отношения***, ***политические принципы и нормы***, ***политическое сознание***, ***политичес-***

кая культура, ***политическая идеология***, ***политическая психология***, ***избирательная система.*** Именно эти компоненты интегрируют политическую систему, делают ее единым политическим организмом, влияющим на политическое положение в стране.

Самым мобильным, самым «рабочим» органом политической системы, структурой переработки социальных требований в политические решения является ***функционально – коммуникационная подсистема***. В ее состав входят основные компоненты «входа» и «выхода». На «***вход***» поступают воздействия, которые по отношению к политической системе являются внешними, влияют на неё и способные определенным образом изменять её. На «***выходе***» формируется ответная реакция на взаимодействия, преобразованные политической системой, её специализированными институтами в политические решения. Обратная связь между «входом» и «выходом» осуществляется через окружающую среду. Это есть так называемая «***петля обратной связи***». Среди основных компонентов «***входа***» можно выделить следующие: ***цели и задачи*** отдельных личностей; ***ожидания, предпочтения, ценностные установки, настроения, интересы*** социальных общностей; ***общественное мнение; мотивация***; ***требования***, направляемые в адрес политических властей и служащие сигналом о наличии в обществе определённых противоречий и потребностей; ***избирательный процесс*** как установленный в законодательном порядке комплекс целенаправленный действий, процедур, правил по организации и проведению выборов; ***социальные коммуникации*** как процесс передачи информации и убеждений. Посредством этого структурного элемента обеспечивается связь между различными структурами политической системы. Для руководства и реализации политики, как правило, используется вертикальный поток информации от народа к инструментальным структурам, при помощи обратной связи – наоборот. Благодаря коммуникационному элементу стихийные действия по осуществлению властных функций облекаются в определенную форму цивилизационных взаимоотношений между людьми.

На «***выходе***» политической системы находятся государственно оформленные решения, цели и задачи общества, программа его жизнедеятельности; законы и нормативные акты, политические решения, направленные на разрешение имеющихся в обществе противоречий;

Анализируя имеющиеся подходы и сущности политической системы, можно сделать вывод, что политическая система – это, с одной стороны, сложное политическое образование, обеспечивающее функционирование общества как единого организма, централизованно управляемого властными структурами, с другой – институционализированная форма, в которой политические субъекты реализуют свои общие и групповые интересы в результате осуществления политической власти.

И.В. Кошелева

Барановичский государственный университет, г. Барановичи

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО: ЗАПАДНЫЕ ОБРАЗЦЫ И БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Как известно, Республика Беларусь определена в Конституции как социальное государство. Это закрепляет обязанность правительства республики подчинять свою деятельность принципам социально ориентированного государства. Несмотря на крайне ограниченные внутренние ресурсы, Беларусь не отказалась от социальной защиты населения и в условиях финансово-экономического кризиса. В основе белорусской модели развития лежит принцип: даже самые сложные социально-экономические проблемы общества должны решаться с наименьшими социальными издержками. Национальные интересы остаются главными приоритетами и главной целью в Беларуси.

Социальное государство в современную эпоху проходит испытание на прочность. Критики модели «государства всеобщего благоденствия» говорят о том, что сохранение широкого спектра социальных услуг неэффективно, не решает основных социальных проблем и является фактором снижения конкурентоспособности его экономических субъектов. Следствием экономической глобализации является свертывание идеи социального государства. Отличие глобализированной экономики от прежних международных экономических моделей в том, что она в большей степени ограничивает свободу национальных государств в сфере разработки и осуществления экономической и социальной политики. Как известно, такие международные организации, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, предоставляя субсидии развивающимся странам, требуют от них уменьшения ассигнований на государственные социальные нужды [2, с. 23]. Однако, опыт развития постсоветских республик продемонстрировал, что рынок не способен обеспечить социальную справедливость.

Мировая практика продемонстрировала четыре различных типа социально-ориентированных государств: скандинавскую систему социального обеспечения, отличающуюся от большинства других; центральноевропейское социально ориентированное государство (Германия, Франция); средиземноморский тип социального государства (Италия, Греция); англосаксонский тип (Великобритания, Канада, Австралия). Общепризнано, что скандинавская модель социально ориентированного государства является самой устойчивой к изменениям. При этом, Скандинавские страны выступают как самые реформистские государства социально ориентированного типа. Их системы социального обеспечения неоднократно изменялись радикальным образом за последние приблизительно двадцать лет, и изменения, реформирование, перестройка системы социального обес-

печения являются ключевыми позициями этих и любого другого успешного социально ориентированного государства. Отличительной особенностью социального инвестирования в Скандинавских странах являются инвестиции в маленьких детей, их здоровье и воспитание. «То, что делает Скандинавские страны такими равноправными, так это не только система налогообложения; их равноправие основано на инвестициях в маленьких детей; инвестиции с самого раннего возраста граждан оказываются решающими для конструирования будущего общества... современное государство или государство социальных инвестиций должно быть чем-то большим, нежели государство, основанное на простых декларациях; оно должно быть заинтересовано в обеспечении развития образовательных и любых других качеств и способностей его членов» [1, с. 19].

Существенной особенностью социальной политики большинства новых независимых государств является поиск моделей, наиболее адекватных изменившимся условиям. Республика Беларусь также выстраивает свою модель социально ориентированного государства, которая, с одной стороны должна гарантировать гражданам различные социальные блага, с другой – сохранить мотивацию и стимулы к эффективному труду, обеспечить реализацию рыночного типа экономического поведения. Тот факт, что социальная политика должна постоянно совершенствоваться, подтверждают результаты Республиканского мониторинга (2002 – 2008 гг.), который проводился Институтом социологии НАН Беларуси. В ходе мониторинга изучались трансформационные изменения, в частности, изменения в выборе типов экономического поведения. Численность респондентов, реализующих активный тип экономического поведения (повышающих свой доход всеми возможными способами, стремящихся увеличить доходы за счет максимилизации усилий) снизилась с 48,4 % в 2002 году до 18,8 % в 2008 году. Таким образом, четверть населения реализует пассивный тип экономического поведения, снижая уровень своих запросов, потребностей и не предпринимая никаких особых усилий [3, с. 20].

Социологический опрос, проведенный в БарГУ, показал, что, по мнению 65 % студентов «государство должно поддерживать все слои населения». 48 % респондентов считают, что «в условиях отмены отдельных социальных льгот нельзя говорить о социальной справедливости». Однако, по мнению 56 % опрошенных «социальная поддержка населения должна быть адресной». Абсолютное большинство студентов (81 %) связывают успешность человека в современном обществе с «активностью, мобильностью, энергичностью и самостоятельностью».

Очевидно, что в современных условиях применяемые государством социально-экономические механизмы стабилизации и поддержания социального и имущественного равенства не способны в должной мере стимулировать население на то, чтобы полностью задействовать имеющиеся индивидуальные ресурсы (образование, профессионализм, альтернативные формы занятости). Основной целью современного государства явля-

ется обеспечение достойных условий жизни и благосостояния всех членов общества за счет расширения своих социальных функций и посредством использования множества рычагов воздействия на социально-экономическую сферу. С помощью мер регулирующего воздействия, поддерживающих частную инициативу и ответственность граждан, социальное государство создает условия для обеспечения справедливого сочетания частных интересов и интересов общества.

Список литературы

1. Гидденс, Э. Социально ориентированное государство в современном европейском обществе / Э. Гидденс // Социология. – 2007. – № 3. – С. 14 – 23.
2. Ничипоренко, О. Глобализация и будущее социального государства / О.Ничипоренко // Социология. – 2007. – №1. – С.21 – 28.
3. Соколова, Г. Трансформационные процессы как предмет социологического анализа / Г. Соколова // Социология. – 2009. – № 3. – С.16 – 21.

Е.Э. Кривоносова, Э.И. Рудковский
Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, г.Витебск philosophy@vsu.by

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Развитие восточнославянских народов во многом определяется тем, что они оказались между двух миров – Востоком и Западом. Это не могло не сказаться на особенностях их экономического, политического и социокультурного развития. Многие исследователи справедливо указывают на необходимость сохранения восточными славянскими народами своей идентичности, укрепления их единства, т.к. только в союзе друг с другом они могут сохранить себя, найти свою нишу и место в мире.

Все это так. Но это сфера благих пожеланий. Другими словами – так было бы лучше: и союз восточнославянских народов, безусловно, надо укреплять, и особенности восточнославянской цивилизации сохранять, бережно относясь к ее культурным традициям, языкам, используя особенности менталитета и образа жизни.

Однако возникает ряд вопросов: разве мы не являемся свидетелями глобализациoонных процессов, процессов противоречивых, болезненных, но объективных. Отношение к данным процессам в общественном мнении и на уровне теоретического сознания различно. Встречаются противоположные подходы к оценке сущности и последствий глобализации: от вос-

торженно-оптимистического до крайне скептического. Согласно первому, глобализация – это источник будущего процветания, гармонии, единых для всех народов правил и путей выживания, повышения уровня жизни, социальной и политической жизни. Утверждается, что в эту эпоху традиционные нации-государства теряют свою былую роль, т.к. все общественные процессы проистекают в рамках глобального рыночного и политического пространства. Глобализация – это мощная трансформирующая мир сила, которая ведет к эволюции экономик, форм правления, культур. Сторонники второго подхода либо крайне негативно оценивают глобализацию, либо считают ее мифом, направленным на сокрытие конфронтационной реальности развития мировой экономики и всей системы международных отношений. Под глобализацией подразумевается прежде всего «культурная американизация» остального человечества. Отметим здесь, что не следует, на наш взгляд, смешивать американское военно-политическое доминирование в мире с культурной экспансией, хотя она также имеет место. Представители каждого из названных подходов по-своему правы.

Какая из тенденций является сегодня ведущей: тенденция всестороннего развития наций, цивилизаций, их культур, традиций, языка и т.п. или тенденция сближения наций, народов и цивилизаций? Нам представляется, что другая. Глобализационные процессы шли и в прошлые эпохи, хотя тогда не было таких технических возможностей массового распространения информации и манипулирования сознанием такого количества людей одновременно. Но что касается тенденций культурной унификации и стандартизации на огромных территориях, заселенных многими народами, то они происходили (часто вплоть до полной ассимиляции этносов). Возьмем к примеру, распространение христианства, ислама, латинского алфавита и т.д.

О противоречиях и конфликтах во взаимоотношениях цивилизаций известно давно. Вспомним хотя бы слова Р. Киплинга: «Запад есть Запад, а Восток есть Восток: и им никогда не сойтись». Данная проблема стала особенно актуальной вследствие глобализации мира. Сложилась качественно новая ситуация: начался процесс формирования мирового социума, цивилизации стали превращаться в его составные части, крепко связанные глобальными финансово-экономическими (пример тому нынешний финансово-экономический кризис) и культурно-информационными потоками.

В процессе взаимодействия и диалога цивилизаций идет процесс их необратимого сближения во всех сферах. Возьмем, к примеру, мир повседневности. Еще в начале XX столетия отдельные этносы существенно отличались по характеру одежды, питания, средствам транспорта, типу жилья. Что мы видим сегодня? Жители Пекина, Ташкента, Москвы, Парижа, Каракаса, Чикаго, Токио примерно одинаково питаются, одеваются, живут в урбанизированном типе жилья, перемещаются по городу при помощи типичных средств транспорта (метро, автомобиль, автобус и т.п.). Характер проведения свободного времени также приобретает все больше общих черт, что обусловлено расширяющейся индустрией развлечений.

Хорошо это или плохо? Многое в этом процессе не может не тревожить. По словам М. Хайдеггера, человек все больше превращается просто в безликое «das Man». Однако этот процесс носит объективный и, надо полагать, необратимый характер. То же можно наблюдать и в экономической, и в политической жизни. В экономической сфере рынок, биржи, банковская система стали неотъемлемыми элементами хозяйственного механизма большинства стран. В настоящее время, как показала практика, ни одно государство в мире не может успешно развиваться без интеграции в мировую экономику. Внешнеэкономические связи оказывают значительное влияние на динамику и устойчивость развития национальной экономики, формирование ее структуры, эффективность функционирования. Политические круги стран, избравших демократический путь развития (а таких большинство) заявляют о необходимости формирования гражданского общества и правового государства, утверждения реального народовластия. Все это говорит о нарастании элементов общности в жизни стран и народов, принадлежащих сегодня к различным цивилизациям.

Мы стали свидетелями единого и взаимозависимого мира. Каждая страна, этнос, безусловно, должны сохранять свою национальную культуру, особенности образа жизни, а не бросаться в омут некритичного восприятия ценностей Запада. Чем дольше мир будет мультикультурным, тем лучше. Но надо видеть и другое: крот истории роет землю. К примеру, в области культуры, как уже отмечалось, диалог цивилизаций развивается на всем протяжении обозримой истории. Цивилизационный обмен культурными ценностями идет полным ходом, распространяются художественные и архитектурные стили, унифицируются технические средства распространения культур (радио, телевидение, Интернет). Конечно, по-прежнему важно сохранять культурное разнообразие. Нельзя не видеть, что этот процесс при нынешней его модели не все страны и народы выводит в разряд победителей, есть и проигравшие. Глобализация привела к болезненной ломке общественных отношений и стереотипов многих сотен миллионов людей, что с неизбежностью порождает ту или иную форму сопротивления. Как известно, в свое время С. Хантингтон высказал мысль о возможности конфликта цивилизаций. Проблема существует. Справедливости ради следует отметить, что вопреки распространенному мнению С. Хантингтон – не сторонник, а убежденный противник такого столкновения. Избежать его, по мысли ученого, можно лишь в том случае, если Запад не станет считать свою цивилизацию эталоном для других стран и народов и откажется от навязывания им своих ценностей. Речь может идти только о диалоге, взаимопроникновении, взаимообогащении цивилизаций.

Общей тенденцией является усиление взаимовлияния национальных и цивилизационных культур, обмена культурными ценностями, формирование глобального информационно-культурного пространства, что способствует взаимопониманию народов, входящих в разные цивилизационные сообщества.

Е.А. Криштапович

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
г. Минск, noe_1776@mail.ru

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ

В XXI веке политическая мысль все больше обращает внимание на глобальные проблемы, которые затрагивают жизненные интересы всего человечества. Они угрожают гибелью цивилизации, если не будет найдено их конструктивное решение. Данные проблемы требуют для их преодоления коллективных, согласованных усилий всех стран и народов. Еще во второй половине XX века ученые различных стран, обеспокоенные обострением многих негативных явлений глобального характера в жизнедеятельности всего человечества, обратились к их исследованию. В результате сформировалась новая система научных знаний о жизненно важных общечеловеческих затруднениях – глобалистика. Важную роль в развитии современной глобалистики играет изучение вопросов, имеющих политологический характер. В 1990-е гг. в рамках рассматриваемой нами области знаний сформировалось новое направление, получившее название *политическая глобалистика.* Однако процесс «политологизации» глобалистики на практике протекал весьма неравномерно и противоречиво.

Авторы первых глобальных проектов недооценивали политическую сторону планетарной проблематики. В ходе дальнейшей эволюции глобалистики произошел постепенный поворот к вопросам политической природы. Он заключался, во-первых, в признании роли и значения политических факторов в решении глобальных проблем. Во-вторых, в понимании необходимости выдвижения новых политологических концепций, способствующих стабилизации мирового развития. В-третьих, проекты преодоления всемирных затруднений стали разрабатываться как с учетом вероятных изменений мирового политического порядка, так и на основе анализа важнейших процессов и явлений мировой политики. В то же время оригинальные работы в области глобалистики сами оказывают существенное влияние на политическую жизнь. В качестве другого примера могут послужить получившие всеобщее признание политико-глобалистские труды Института всемирного наблюдения (США. Каждый их выпуск представляет собой событие, по поводу которого созываются пресс-конференции в Вашингтоне с присутствием представителей дипломатических представительств и миссий, с широким участием ведущих средств массовой информации.

Внимательное отношение представителей политики к глобальным исследованиям во многом связано с анализом в этих работах вопросов, имеющих политическую природу. Среди них прежде всего выделяются задачи наиболее общего характера. Таковыми являются: изучение политических причин и факторов возникновения и обострения планетарных про-

блем; поиск политических путей преодоления общечеловеческих затруднений; прогнозирование политического устройства грядущего мирового сообщества, которое сможет стабильно и устойчиво развиваться, находя адекватные ответы как на уже известные, так и на новые глобальные вызовы. Значительный интерес вызывают и узкоспециализированные исследования. К ним, в частности, относятся разработка и изучение в контексте глобальной проблематики актуальных вопросов, связанных с политикой, в областях экологии, народонаселения, энергетики, транспорта, использования природных ресурсов, освоения космоса и Мирового океана. Существуют также важные научные задачи, которые могут быть решены только совместными усилиями политологов и глобалистов. Прежде всего это – осмысление планетарных проблем в качестве фактора мирового политического развития; анализ глобализации политических процессов на международной арене под воздействием обостряющихся общечеловеческих затруднений и некоторые другие задачи.

Политическая наука и глобалистика, таким образом, как система междисциплинарных знаний в наши дни имеют много точек соприкосновения. Политологические методики, категории и концепции все шире используются при изучении планетарной проблематики, а результаты глобалистских исследований находят свое применение при анализе политических процессов и явлений современного мира. Следовательно, уже сегодня стало возможным вполне определенно говорить о возникновении в рамках политической науки нового направления – политической глобалистики.

В политической глобалистике возможно по предмету исследований выделить три наиболее общих, тесно связанных друг с другом направления.

Первое направление включает в себя изучение политических причин происхождения, сущности и проявлений общечеловеческих проблем в мировой политике. В этой области накоплен большой научный материал, хотя существует и много дискуссионных вопросов. Например, один из центральных среди них – какие проблемы считать поистине всемирными? Сегодня уже можно сказать, что в современной глобалистике выделен круг наиболее актуальных и значимых вопросов. Специалисты в области политической глобалистики выделяют среди глобальных проблем три основные группы.

Первая группа включает проблемы, связанные со сферой международных отношений, и отражает присущие ей противоречия и объективно необходимые преобразования. В решении фундаментальных всемирных задач этого типа особую важность имеют политические предпосылки.

Вторую группу составляют глобальные проблемы, сфера возникновения и проявления которых связана со взаимоотношениями личности и общества. Эти проблемы непосредственно касаются перспектив человека и его будущего. Для этой группы особенно важны методы и способы, которыми осуществляется социальная политика.

К третьей группе относят глобальные проблемы в области взаимодействия человека и природы. Это проблемы несбалансированности потребнос-

тей жизнедеятельности людей и возможностей окружающей среды. Для разрешения данных вопросов всемирного масштаба наряду с политическими весьма большое значение приобретают и научно-технические предпосылки.

Второе направление политической глобалистики составляют исследования, связанные с поиском политических путей решения глобальных проблем. Это чрезвычайно актуальная задача. Угроза, которая исходит от планетарных проблем самому существованию всех землян, сейчас осознается все большим числом людей. Опасность дальнейшего углубления общечеловеческих затруднений находится в центре внимания как ученых, так и политиков, деятелей культуры, представителей широких кругов мировой общественности.

Третье – наиболее общее направление политико-глоблистских исследовавний представляет собой прогнозирование вероятных политических результатов и последствий возможного дальнейшего развития кризисных процессов и явлений нашей цивилизации. Причем спектр оценок здесь весьма широк: от пророчеств наступления планетарной катастрофы и коллапса всей мировой системы до предсказаний исцеления человечества от глобальных недугов и предвидений грядущего мирового политического порядка, свободного от кардинальных проблем нашего времени.

Дальнейшее обострение глобальных проблем может привести, согласно оценкам специалистов по политической глобалистике, к широкому распространению во всем мире таких негативных явлений, как деградация окружающей среды, голод, деморализация значительной части жителей планеты, вынужденная миграция населения, увеличение уровня детской смертности, безработица, утрата жизненных надежд и т.д. Все это будет способствовать резкому ухудшению политического климата в мировом сообществе. При реализации на практике подобного футурологического сценария дальнейшее существование рода человеческого может оказаться под угрозой. Чтобы этого не произошло, необходима эффективная и сбалансированная экологическая, энергетическая и сырьевая политика в национальном, региональном и глобальном масштабах.

Л.Е. Криштапович

Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь, г. Минск, levkrishtapovich@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА (ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА)

О гражданском обществе говорится много, причем это понятие выдается за некое новое слово в политической литературе, которое имеет

важное значение в демократизации современного политического процесса. На самом деле ничего научного, то есть истинного в концепции гражданского общества не заключается. Само понятие гражданского общества возникло в эпоху Нового времени, и было обязано своим происхождением атомистическому учению, по которому мир состоит из атомов и пустоты. Это атомистическое воззрение из физики было перенесено в политические учения нового времени, согласно которым воля отдельных людей образует принцип государства. Силой притяжения отдельных людей являются их личные потребности и интересы, а государство как некое всеобщее есть лишь результат внешнего договорного отношения между отдельными лицами. Таким образом, в концепции гражданского общества люди – это независимые друг от друга атомы, а государство – пустота, то есть ночной сторож, который охраняет сон и имущество своих атомов-индивидов, угомонившихся после дневного хаотического движения.

Нетрудно понять, что так называемое гражданское общество в действительности никаким обществом не является, а представляет собой атомистическую конструкцию применительно к политической сфере. В современной западной политической мысли гражданское общество трактуется не как реальность, а как теоретическая модель для анализа достижений в социальной сфере. Разумеется, в свое время концепция гражданского общества, опиравшаяся на тогдашнюю методологию познания (атомистику) и отбрасывавшая религиозное объяснение происхождения человека и государства, носила прогрессивный характер, несмотря на свою ненаучность. В дальнейшем эта атомистическая конструкция в политике получила название политической робинзонады как абстрактного, неистинного понимания происхождения общества и государства. Использование же этой политической робинзонады для анализа современного общества, для оценки уровня развития свободы человека и демократии, когда атомистическое учение, и философия Просвещения представляют собой пройденные ступени как в познании природы, так и общества свидетельствуют лишь о теоретической несостоятельности и политической реакционности идеологии либерализма.

Марксизм четко определил место философии Просвещения, а следовательно, и концепции гражданского общества в социальном познании. В афористической форме этот завершающий этап в становлении научной социальной теории был сформулирован К. Марксом в его десятом тезисе о Фейербахе. «Точка зрения старого материализма есть «гражданское» общество; точка зрения нового материализма есть человеческое общество, или обобществившееся человечество».

Таким образом, под гражданским обществом следует понимать совокупность общественных организаций, характерных именно для данного общества и государства. Именно в этом плане Президент А.Г. Лу-

кашенко и говорил о том, что наше гражданское общество опирается на Советы депутатов, профсоюзы и мощную молодежную организацию и ее союзников. «Вот три основных опоры нашего общества, которые призваны обеспечить связь народа с органами власти, вовлекая граждан в активное государственное строительство вместе с другими участниками политического процесса и осуществляя контроль за структурами власти, имеющими много этой власти и распоряжающимися материальными ресурсами».

Суть гражданского общества в этом аспекте – принятие стратегических для общества решений на основе широкого обсуждения актуальных проблем, использования ресурса «совета» в самом широком значении этого слова. Достаточно сказать, например, что республиканские референдумы в Беларуси проводились в 1995, 1996, 2004 годах. На обсуждение граждан выносились самые актуальные для общества вопросы.

Понятие «гражданское общество» можно уточнить, конкретизировать, если прибегнуть к сопоставлению с понятиями «этнос», «нация». В отличие от этноса, нации гражданское общество опирается и развивается, исходя из крепнущего правосознания. Внутри этносов преобладает власть обычаев, нациями же движут либо стихийные, либо осознанные национальные интересы.

Конечно же, крепнущее, устойчивое правосознание – лишь одна из определяющих черт гражданского общества, поскольку другой ее важнейшей чертой является именно «системность». Системность означает, что гражданское общество образуют не только многие «ведущие» формирования и движения, созданные инициативными людьми (молодежные, ветеранские, культурные, профессиональные и иные), но и понимание того, что она, эта системность, может явиться целенаправленной деятельностью самого государства. Смысл последнего замечания состоит в том, что во многих государствах гражданское общество «вырастает» не только из инициативы граждан, но и вследствие той или иной (правовой, политической, социальной) деятельности государства.

Конечно, мнения членов различных структур гражданского общества могут отличаться, однако есть нечто общее, что сближает всех: интересы белорусского общества, реализация тех задач, которые близки и понятны нашим гражданам.

Гражданское общество основано на бескорыстно служении гуманистическим идеалам, нормам, установкам. Сложно представить себе структуры, которые называю себя «гражданскими», но преследуют сугубо политические, «властные» цели. Гражданское общество потому и гражданское, что опирается на инициативу своих членов, на энтузиазм и добросовестный труд рядовых членов общественных организаций, стремится к балансу интересов, а не пытается решить задачи сугубо прагматического свойства, связанные с достижением каких-то узкокорыстных целей.

А.Н. Круглашов

Черновицкий национальный университет имени Ю. Федьковича, г. Черновцы, akruglas@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА В УКРАИНЕ И БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

Политическая наука на постсоветском пространстве имеет непродолжительную историю. Возродившись или впервые возникнув в конце горбачевской перестройки, она начала особенно активно формироваться с распадом СССР и появлением новых независимых государств. Курс на формирование новых государств, проходивший под лозунгами демократизации и системных реформ, потребовал подготовки квалифицированных управленческих кадров, профессиональных экспертов и аналитиков, способных принимать участие в создании публичной политики. Однако в дальнейшем формирование как институциональных основ, кадрового потенциала, так и направлений и приоритетов исследовательской тематики в постсоветских странах стали все более существенно отличаться. В этом отношении представляется особенно ценным сопоставить как накопленный опыт и потенциал белорусской и украинской политической науки, так и выделить то общее и особенное, что проявилось за годы их самостоятельного развития.

Отметим, что вначале 1990-х гг. политическая наука в обеих странах развивалась по схожему сценарию. Происходила достаточно успешная ее первичная институционализация, нормативно-правовое урегулирование, политология вводилась в состав предметов, изучаемых в высших учебных заведениях, открывались профильные, выпускающие кафедры политологии. Активно складывался кадровый состав профессиональных политологов – преподавателей и исследователей, создавались их профессиональные объединения, как в национальных масштабах, так и на региональном уровне, которые ставили перед собою задачи представительства и защиты интересов профессионального сообщества.

Однако со второй половины 1990-х гг. ситуация с политической наукой в Украине и Беларуси стала все более отличаться. Если, невзирая на все сложности и колебания государственной политики, украинская политология продолжила свое поступательное развитие, то в белорусской науке произошел раскол на проправительственную, официальную и оппозиционную политологию. Представители обеих лагерей крайне редко общаются друг с другом, и этот раскол остается не преодоленным до нынешнего времени. В конце 1990-х – в начале 2000 гг. общественно-политическая ситуация в наших странах была различной, но определенные черты сходства в ней все же были, особенно в доминирующей тенденции к усилению президентской вертикали и централизованного контроля над государственными и общественными ресурсами. Однако уровень академической сво-

боды оставался достаточно высоким на Украине. Тут власть не предпринимала активных шагов по поддержке как институтской, так и вузовской политической науки, тем не менее, активно не вмешивалась в профессиональные вопросы политологов. Напротив, в РБ был взят курс на форсированное создание государственной идеологии и имеющиеся кадровый и институциональный ресурс белорусской политической науки был направлен на решение задач ее формирования, популяризации и преподавания в учебных заведениях страны. Проводились также управленческие эксперименты, вначале по объединению подготовки политологов с юристами, а также и с переквалификацией их, по сути, на идеологических работников советского образца. Тогда же стали возникать трудности с защитой докторских и кандидатских диссертаций по политическим наукам.

Белорусская официальная политология претерпела существенные трансформации своего предметного поля. В отличие от Украины и России, тут не появляются новые периодические профессиональные издания, в частности, политологические журналы, призванные освещать теоретические и практические вопросы мировой и отечественной политической науки (за исключением разве что международных отношений). Не заметен прогресс в развитии профильных кафедр, остается неясной перспектива адекватной современным требованиям подготовки научных кадров высшей квалификации.

На этом фоне украинская ситуация выглядит более динамичной. Научный поиск исследователей не ограничивался и не направлялся централизовано в определенное русло, в стране выходят десятки политологических изданий, в том числе, несколько достаточно успешных журналов, издано сотни монографий разного уровня теоретического качества и прикладного значения. Во многих центральных и практически во всех региональных университетах действуют кафедры политологии, а в отдельных ВУЗах – даже по две (например, во Львовском национальном университете имени И. Франка и Волынском национальном университете имени Л. Украинки). Общее количество защищенных кандидатов и докторов политических наук доходит до первой тысячи. Однако отмечая эти достижения, не стоит обольщаться отсутствием в Украине нерешенных проблем, связанных с развитием политической науки и преподаванием политологии. Например, в национальном классификаторе специальностей все еще нет места для выпускников политологических кафедр, что негативно влияет на перспективы их трудоустройства. В стране все еще нет единого государственного стандарта подготовки бакалавров политологии, не говоря уже о магистрах (Украина официально присоединилась к Болонскому процессу, в текущем году обязана завершить адаптацию своей высшей школы к его требованиям). Невзирая на достаточно развитую систему академических, других государственных и негосударственных исследовательских структур, как государственные, так и корпоративные заказы на актуальные политологические исследования в стране далеки от достаточности, прозрачности и равной конкурентности, а сам рынок исследовательских

заказов узок, в сравнении с масштабами страны и вызовами, вставшими перед нею. Наконец, содержание, а не форма диссертационного процесса в Украине вызывает справедливые нарекания. Прежде всего, потому, что в украинском случае имеет место не столько административное, сколько коррупционное давление на его участников. Не все в порядке и с системой контроля качества диссертационных работ в обеих странах.

В прошлом году под лозунгами либерализации условий обучения студентов в Украине ряд общественных дисциплин и политология стали предметом выбора студентов непрофильных специальностей, что поставило под вопрос систему государственного политического и гражданского воспитания в стране. В случае с Беларусью таковая проблема отсутствует, но направленность идеологической подготовки студентов вызывает вопросы иного содержания.

Важным общим негативным моментом современного состояния политических исследований в наших странах является их большая или меньшая изолированность от европейской и мировой политической науки. Насколько мне известно, на последнем всемирном мировом конгрессе по политическим наукам в Чили вовсе не были представлены обе наши страны. Это красноречиво свидетельствует как о степени включенности политологов в мировой академический коммуникационный процесс, так и о дееспособности их профессиональных объедений. В обеих странах наличествует по две профессиональных ассоциаций политологов. При всей разнице между нашими странами, уровень их действенности и влиятельности остается недостаточным. Особенно грустно, что ученые обеих стран практически не сотрудничают в общих исследовательских и преподавательских проектах между собою. Белорусским и украинским коллегам критически важно интенсифицировать диалог, как по поводу решения общих профессиональных проблем, так и с целью координации усилий по предложению качественного научного продукта, необходимого для современной государственной политики и развития гражданского общества в наших странах.

Список литературы

1. Рябов, С. Політична наука в Україні XXI століття: стан і перспективи / С. Рябов. – К., 2005.

2. Кармазіна М. Політична наука: дисертаційний аспект / М. Кармазіна // Політичний менеджмент. – 2009. – № 2 (35).

3. Тягло, О. Українська наука про політику. Спроба оцінки потенціалу / О. Тягло // Політичний менеджмент. – 2005. – № 1.

4. Антанович, Н. Политическая наука в Республике Беларусь: проблемы становления и развития / Н. Антанович // Палітычная сфера. – 2004. – № 3.

5. Паліталёгія ў пераходным грамадзтве. Круглы стол // Архэ. – 2004. – №3 (32).

Е.Г. Кудрицкая

Брестский государственный технический университет,
г. Брест, helenkudrizkaya@mail.ru

БЕЛОРУССКАЯ И РОССИЙСКАЯ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Перемены, происходящие, в Белоруссии и России осуществляются в условиях политической модернизации, которая, как правило, охватывает большое количество областей – от отношений собственности до менталитета населения. Общеизвестно, что реформирование может проводиться как радикально, так и постепенно, эволюционным способом, поэтому правильно выбранная стратегия и модель социально-экономического развития страны играет решающую роль в процессе модернизации. Между тем социально-экономические модели в странах – союзницах имеют существенные различия, которые связаны в первую очередь с различными стратегиями и путями модернизации. В Республике Беларусь акцентируется внимание на государственное регулирование, т.е. сохранение крупных предприятий в собственности государства, контроль ценообразования, банковской системой, валютными потоками во внешнеэкономической области при сохранении крупных расходов на поддержание социальной сферы. В Российской федерации – неолиберальное понимание механизмов рыночной экономики, упраздняющий многие ключевые функции государства в экономической и социальной сферах. Сравним две модели социально – экономического развития в условиях политической модернизации общества.

Структурные реформы в России привели к сильнейшему социально-экономическому расслоению общества, усилению сырьевой специализации промышленности и, соответственно к чрезмерной импортной зависимости внутреннего рынка. С начала 1992 года проведены ускоренное разгосударствление и приватизация собственности без учета эффективности приватизируемых предприятий, осуществлена либерализация внешней торговли и валютных отношений, жизненный уровень большей части населения страны при этом резко понизился.

Белорусская экономическая рыночная модель вобрала во многом в себя черты развития развивающихся стран региона Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии – от Индии до Южной Кореи. Как известно, в 1970-х – 1980-х годах эти страны активно включились в мировой трансформационный процесс благодаря высоким темпам экономического роста и индустриализации, осуществлению коренных структурных сдвигов и прорывов на мировые рынки. Указанная группа развивающихся стран имеет три отличительные черты. Во-первых, у них наблюдается относительно высокий уровень валового внутреннего продукта на душу населения по срав-

нению с другими развивающимися странами. Во-вторых, для данной группы стран характерна в основном промышленная, не сырьевая структура экспорта. В-третьих, в ходе форсированного и индустриального развития эти страны использовали специфические механизмы государственного экономического регулирования, и, прежде всего, меры эффективной промышленной политики, направленной на поддержку отраслей, находящихся на основных направлениях научно-технического прогресса и обеспечивающих экспортную ориентацию национальной экономики.

Основываясь на зарубежном опыте, используя приемлемые для республики идеи формирования различных моделей национальных экономик, Белоруссия, с приходом к власти А.Г. Лукашенко, сформировала национальную модель, направленную на рост заработной платы, развитие социальной сферы, наполнения внутреннего рынка товарами отечественного производства, стабильного национального согласия, предотвращения социального расслоения народа. Несомненно, что Россия как безусловный лидер среди стран СНГ оказала неоспоримое влияние на выбор стратегии рыночной трансформации. В результате, с учетом современных тенденций мирового экономического развития в Белоруссии была разработана стратегия устойчивого развития, в основу которой положена модель социально ориентированной рыночной экономики. Ее основными принципами являются:

- многоукладность национальной экономики, устойчивое функционирование производственного сектора;
- эффективное государственное регулирование с сохранением социальной направленности в приоритетах;
- гарантии прав, свобод и личных интересов граждан;
- свобода предпринимательства, равенство всех форм собственности;
- обеспечение зависимости благосостояния работника от результатов его труда;
- социальная защита нетрудоспособных и других социально уязвимых слоев населения.

При всей противоречивости и неоднозначности в оценках, белорусской модели социально-экономического развития, ее результаты более оптимистичные и прогнозируемые, чем результаты Российской социально-экономической модели. По темпам роста ВВП, промышленности, сельского хозяйства, капиталовложений, ситуации на рынке труда, уровню социальной защищенности населения и других аспектах белорусская модель имеет преимущества. По мнению экспертов Института экономики РАН, объем финансирования самых острых социально-экономических проблем в России недостаточен. Так, на финансирование четырех приоритетных национальных проектов, являющихся предметом особого внимания правительства и общественности, и их дальнейшую реализацию в 2007 году было выделено 238,6 миллиарда рублей, т.е. один процент от заложенных в федеральном бюджете финансовых ресурсов. В

объеме все расходы составили 1,8 % от всех финансовых ресурсов. Счетная палата РФ уже обратила внимание на существенное сокращение ассигнований на социальные нужды сразу же после предвыборного 2007 года. К 2010 году расходы по нацпроектам сократятся по прогнозам на 32,2 %. В Белоруссии роль государства в экономике проявляется как в непосредственном контроле над средствами производства, так и через механизм ее регулирования. Одна из ключевых целей регулирования экономики – сохранение рабочих мест. На это направлена система профессионально образования для молодежи. В РФ она почти разрушена. Количество бомжей, детей-беспризорников в России, можно сравнить по числу периода времен Гражданской войны.

В экономической сфере белорусское государство решает такие ключевые задачи, как определение национальной стратегии, регулирование кредитно-финансовых отношений и отношений собственности в многоукладной экономике, развитие экономической инфраструктуры, обеспечение правовых основ деятельности общества и укрепление национальной безопасности. В результате активного использования комплекса мер по государственному регулированию национальной экономики в период кризиса данная модель социально – экономического развития позволяет добиваться и поддерживать один из самых высоких темпов экономического роста среди стран СНГ по ВВП. По оценкам экспертов ООН, в Белоруссии уровень так называемого индекса развития человеческого потенциала (показатель, учитывающий душевой уровень производства ВВП, уровень образования и продолжительность жизни) заметно выше, чем в России. В Белоруссии существенно ниже уровень преступности. Если в России на 10 тыс. чел. приходится 248 преступлений в год, то в Белоруссии – 197. При этом уровень тяжких преступлений в Белоруссии в 3,5 раза ниже, чем в России. В России на одну тысячу жителей приходится 75 тяжких преступлений, в Белоруссии – 21. В Белоруссии наблюдается один из самых низких уровней имущественного расслоения населения. Доходы 10 % самых богатых превышают доходы 10 % самых бедных всего в четыре раза, а в России – более чем в 20 раз.

Таким образом, белорусская социально – экономическая модель по всем основным показателям демонстрирует свои неоспоримые преимущества перед российской неолиберальной монетаристской системой.

Список литературы

1. Лапкин, В.В. Варианты политической модернизации и альтернативные политики мирового развития / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // Материалы интернет-конференции [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: http://www.politstudies.ru/politinfo/interconf/1.htm#3 – Дата доступа: 11.01.2010.

И.А. Кузнецова

Белорусский государственный университет, г. Минск, 4008016@mail.ru

НЕОКОРПОРАТИВИСТСКАЯ И СЕТЕВАЯ МОДЕЛИ В ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Среди многообразия исследовательских моделей в теории принятия политико-управленческих решений неокорпоративизм и сетевой подход отличаются тем, что акцентируют внимание на субъектах принятия решений, а также взаимодействиях, возникающих в ходе осуществления данного решения в определенной области политики. Неокорпоративизм является одной из версий концепций групповой репрезентации в теории принятия политических решений. Однако если в классическом корпоративизме в качестве основного агента принятия решений рассматриваются ассоциации интересов (группы интересов, группы давления), то неокорпоративистская модель на первый план выводит институты, осуществляющие посреднические функции между корпорациями интересов и государством. Автор данного подхода Ф. Шмиттер определяет неокорпоративизм как «систему представительства интересов, составные части которых организованы в несколько особых, принудительных, неоконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющих их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [1, с. 15]. Выделяют две формы корпоративизма: государственный, где согласие достигается под жестким контролем госаппарата, и социетальный, когда представители групп интересов совместно вырабатывают решение в определенной области политики. Основной тенденцией неокорпоративизма является непосредственное участие государственно-бюрократических структур в процессе консолидации интересов и в выработке компромиссных решений между различными конкурирующими группами интересов.

Таким образом, неокорпоративизм исходит из постулата о том, что в современном мире индивидуальное и групповое представительство интересов невозможно без посредничества государственный структур, что приводит к замене граждан или групп интересов как участников процесса принятия политических решений на организационные структуры. В связи с этим данный подход получил название институционализма. С целью оправдания доминирующей роли государства в процессе выработки решений приводится тезис о том, что в рамках институтов корпорации интересов получают возможность хотя бы на формальных основаниях участвовать в политико-управленческом процессе, а также им

гарантируется определенное внимание со стороны государственных органов в решении их проблем.

В отличие от неокорпоративизма сетевая модель рассматривает в роли основного субъекта в процессе принятия политико-управленческих решений не институционально оформленные корпорации интересов, а структурные образования, сформированные в определенном политико-управленческом домене. Сетевой подход смещает акцент с агентов принятия решений на взаимоотношения, возникающие внутри сети, причем предполагается активное и осознанное взаимодействие между этими агентами в ходе выработки и имплементации политических решений. В состав сети могут входить как государственные, так и негосударственные акторы, действующие на основе формальных и неформальных правил игры. Если неокорпоративизм отводит государству ключевую роль в выработке совместной политики с элементами гражданского общества, то сетевая модель предполагает наличие самоуправляемых политических сетей. «Политическая сеть предстоит в качестве научного инструмента анализа неустойчивости и открытости при взаимодействии множества политических акторов, объединенных общим интересом, взаимозависимостью, добровольным сотрудничеством и равноправием» [2, с. 105].

Наиболее известными модификациями сетевой модели являются концепции «железных треугольников» (Дж. Фримен), «проблемных сетей» (Х. Хекло) и политико-управленческих сетей (Д. Ноук). Концепция «железных треугольников» возникает в 60-е годы XX века и характеризуется стабильностью состава участников сети, куда входят профильные комитеты (или подкомитеты) парламента, отраслевые административные ведомства и лоббирующие группы интересов. Итак, «железные треугольники» включают органы законодательной и исполнительной власти, а также структуры гражданского общества, образованные в определенной сфере политики. В противовес данному подходу появившаяся в 1978 году концепция «проблемных сетей» настаивает на крайней изменчивости и непостоянстве агентов сети, созданной для решений некой политико-управленческой проблемы. Модель политико-управленческих сетей (возникает в 70-80 годы XX века) характеризуется относительной стабильностью сети и смещает ракурс анализа на внутрисетевые взаимодействия, предполагающие постоянный обмен ресурсами (властными, материальными, информационными и др.) между участниками сети. Эти взаимодействия отличаются такими свойствами, как интенсивность (количество передаваемых ресурсов внутри сети), направленность (вектор перемещения ресурсов от центра сети к периферии). Дальнейшее развитие сетевых концепций связано с появлением самостоятельно функционирующих сетей в более частных областях государственного управления.

В зависимости от сферы образования политико-управленческие сети подразделяются на политические сообщества (характеризуются относительной стабильностью состава, вертикально-организованными связями,

изолированностью от других сетей), профессиональные сети (рассматривают профессиональные группы в качестве агентов принятия решений, отличаются вертикальной взаимозависимостью внутри сети и изолированностью от других сетей), межуправленческие сети (предполагают участие государственных структур и активное взаимодействие с другими сетями), сети производителей (имеют подвижное членство и зависимость центра от низовых структур), проблемные сети (включают большое количество участников с невысокой степенью взаимозависимости).

В целом, отличительными особенностями сетевых образований как особых форм политико-управленческой деятельности являются: 1) в состав сети входят не только государственные институты, но и структуры гражданского общества; 2) участники сети объединены общими политико-управленческими интересами; 3) происходит постоянный взаимообмен ресурсами внутри сети; 4) участники сети обладают относительно равным статусом в принятии решений и в выработке общей корпоративной цели; 5) взаимоотношения между агентами сетевых структур построены как на формальных, так и на неформальных правилах игры.

Таким образом, в противовес институтам политико-управленческая сеть представляет собой не формально существующую иерархически устроенную организацию, а созданную на договорной основе структуру, главной целью которой является совместное принятие решений в определенной сфере политики. «Важное место в сетях занимают формулы интересов, типы коммуникаций и совместных действий, а также внутрисетевые статусы и ранги и функции составляющих сеть акторов» [3, с. 171]. Если в рамках неокорпоративизма происходит своеобразный отход от демократического представительства в сторону доминирования роли государства в процессе принятия политических решений, то сетевая концепция содержит в себе признаки классического корпоративизма, предполагающего участие групп интересов в выработке государственной политики, а также, на равной основе, институтов государственной власти и управления. В данной связи сетевую модель можно считать своеобразным сочетанием корпоративизма и институционального подхода в теории принятия политических решений.

Список литературы

1. Шмиттер, Ф. Неокорпоративизм / Ф. Шмиттер // Полис. – 1997. – № 2. – С. 14 – 22.

2. Сморгунов, Л.В. Сетевой подход к политике и управлению / Л.В. Сморгунов // Полис. – 2001. – № 3. – С. 103 – 112.

3. Дегтярев, А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений / А.А. Дегтярев // Полис. – 2003. – № 2. – С. 164 – 173.

А.В. Курьянович

Международный институт трудовых и социальных отношений, г. Минск, teleskop@bk.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА XII СОЗЫВА)

Формирование подлинного парламентаризма в Беларуси началось еще в советские времена: в марте 1990 г. в республике прошли выборы в Верховный Совет XII созыва. Эти выборы, в отличие от прошлых лет, действительно проходили в совершенно иных условиях, когда одним из главных условий победы кандидата было не только высокое социальное положение, принадлежность к партийной элите, но и его личные качества, умение понравиться избирателям и т.д.

Около полторы тысячи кандидатов претендовали на 360 депутатских мандатов. Наряду с представителями компартии, ветеранских организаций в Верховный Совет прошли люди, которые еще вчера были рядовыми гражданами. Теперь именно они должны были заложить фундамент суверенной Беларуси.

Структура Верховного Совета XII созыва в целом сохранилась та же, что и в прошлые созывы. «Ячейкой» парламента осталась постоянная комиссия, курирующая определенное направление деятельности. Всего было сформировано 22 постоянных комиссии (комиссия по законодательству, комиссия по экономической реформе, достижению экономической самостоятельности и суверенитета, комиссия по вопросам гласности, средств массовой информации и прав человека и др.) и несколько временных комиссий. Из временных комиссий самой важной, пожалуй, стала конституционная комиссия, главной задачей которой являлась разработка проекта новой Конституции Беларуси.

Особенностью Верховного Совета XII созыва стало образование в нем различных парламентских фракций, объединений, как правило, по партийному признаку. Самыми многочисленными были коммунисты, но среди них вычленялись альтернативные депутатские объединения: «Коммунисты Белоруссии – за демократию», «Демократические реформы».

Коммунистам противостояли объединения национал-патриотического толка: Белорусская социал-демократическая громада (БСДГ), Объединенная демократическая партия (ОДП). Наибольшую по численности фракцию (27 человек) удалось сформировать Белорусскому Народному Фронту (БНФ) «Адраджэнне».

В парламенте также было сформировано крупное депутатское объединение «Беларусь». Оно активно лоббировало интересы главы правительства В. Кебича.

Благодаря активной парламентской деятельности на всю республику (и за ее пределами) стали известны такие депутаты как А. Лукашенко, Д. Булахов, В. Гончар, С. Шушкевич и др. Они выступали в печати, смело ставили наиболее острые вопросы, касающиеся развития республики. Например, молодые депутаты выступали за сильную власть, введение института президентства. Так, в одном из выступлений будущий белорусский Президент А. Лукашенко заявил, что вопрос о власти решают быстро и четко [1, л. 232].

За годы своей деятельности депутаты Верховного Совета XII созыва провели огромную законотворческую работу. Принятые нормативно-правовые акты политического и социально-экономического характера способствовали укреплению суверенитета Беларуси, повышению ее авторитета на международной арене. Безусловно, вершиной законодательной деятельности Верховного Совета XII созыва стало утверждение Декларации о государственном суверенитете [2, л. 222-223] и Конституции [3, л. 200].

Список литературы

1. Протокол №40, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень №40 сорокового заседания 1-й сессии Верховного Совета БССР двенадцатого созыва от 22 июня 1990 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2775. – Л. 299.

2. Протокол №81, протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень восемьдесят первого заседания 1-й сессии Верховного Совета БССР двенадцатого созыва от 27 июля 1990 г. // НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 2817. – Л. 199.

3. Протокол № 78 протоколы регистрации и голосования, стенограмма, бюллетень № 78 семьдесят восьмого заседания 13-й сессии Верховного Совета Республики Беларусь двенадцатого созыва от 15 марта 1994 г. // НА РБ. – Ф. 968. – Оп. 1. – Д. 3317. – Л. 242.

О.В. Лапа

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, hielga@tut.by

ИДЕОЛОГИЯ РАДИКАЛЬНОГО ФЕМИНИЗМА КАК ПРОЕКЦИЯ ПОСТМОДЕРНА

Во второй половине. XX в. феминистское движение претерпевает идеологический сдвиг, направленный на преодоление односторонности при рассмотрении круга проблем по положению женщин в обществе. И до

настоящего времени происходит качественная переоценка многих идей феминизма, что сказывается на трансформации его целей и задач.

Идеологический сдвиг в теории феминизма был вызван ростом социально-протестных движений, сексуальной революцией 60-х гг. XX в. и утверждением такого культурного феномена, как постмодернизм. Теория постмодернизма, выдвигая на первый план понятия плюрализма, различия, «друговости», маргинальности и гетерогенности, обеспечила философско-интеллектуальной поддержкой программу феминизма. Постмодернизм не просто активизировал феминизм, но и явился теоретическим фундаментом в построении нового идеологического направления – радикального феминизма.

Теория и практика радикального направления феминизма сконцентрирована на борьбе с сексизмом и мужским доминированием. В данном направлении особое место ввиду своего резонансного звучания занимают постструктуралистский/постмодернистский и сепаратистский феминизмы. Постмодернистский феминизм отрицает идею предопределенной фемининности и телесности, подчеркивает гендерный характер дискурса, языка и мысли. Этот феминизм осмысливает различия между мужским и женским в эпистемологическом, историческом, юридическом и культурологическом смыслах. В настоящее время постмодернистский феминизм сосредоточил свои усилия на анализе категорий расы и этноса, на тех аспектах общественной жизни, внутри которых формируются гендерные отношения [1, с. 51].

Однако отношения постмодернистского феминизма с самим постмодернизмом, несмотря на схожесть некоторых их позиций, противоречивы. Как отмечает Дж. Ритцер, постмодернизм уводит феминисток от материальных явлений неравенства, несправедливости и дискриминации к неоидеалистической позиции, рассматривающей мир как «дискурс», «репрезентацию» и «текст» [2, с. 399]. Призыв постмодернистского феминизма сделать феминизм более самокритичным, утверждение, что любые знания и философские категории относительны, поставили феминизм под угрозу существования [3, с. 236]. Теория постмодернизма и постмодернистский феминизм, с одной стороны, расширили круг вопросов, сформировали новые подходы к анализу проблем положения женщин. Но, с другой стороны, заявили проблему необходимости феминизма как социально-политического движения, что вызвало неоднозначное к себе отношение внутри самого феминизма.

Логика развития радикального направления феминизма привела к возникновению тенденции сепаратизма как отказа от гендерных императивов патриархатного общества. В рамках радикального феминизма складывается сепаратистское течение – культурный, лесбийский феминизмы. В сепаратистском феминизме присутствует идея создания сестринской общины как альтернативы патриархату; создание отдельной женской культуры, связанной с чисто женскими интересами. Только обособленная женская культура и может быть противопоставлена традиционным структурам патриархата и авторитаризму.

Радикальные феминистки убеждены, что все известные общества являются патриархатными и андроцентристскими, а угнетение женщин есть самая первичная и фундаментальная форма угнетения. Патриархат полезен и необходим только мужчинам, ибо женщины здесь выступают как: «рабочая сила, иллюстрация статуса и власти мужчин, источник эмоциональной поддержки и фон, оттеняющий мужское чувство первостепенной социальной значимости» [2, с. 384]. В теории радикального феминизма основу эксплуатации женщин составляет все, что связано с полом, с сексуальным воспроизводством. Поэтому сексуальное насилие рассматривается не как выражение психофизических отклонений, а как проявление мужской власти, одна из сторон контроля мужчин над женщинами. Сексуальность и мужское насилие в феминизме есть средства патриархатного контроля, с которыми следует бороться. Власть мужчин также выражается в физической силе, опираясь на которую мужчины терроризируют и вызывают страх среди женщин. В патриархатном обществе вся философия и теория конструируется на мужской парадигме, в то время как опыт и способ мышления женщин игнорируется. Поэтому женщина в патриархате выступает как пассивный объект, а феминные качества – результат мужского мышления с целью закрепления власти мужчин и их доминирования в обществе [4, с. 212].

Радикальный феминизм выступает за нарушение самой фундаментальной, биологической основы неравенства – репродуктивной функции женщин, их сексуальной жизни. Основание для реализации подобной задачи присутствует в сфере современных технологий искусственного оплодотворения, которые станут предпосылкой полного освобождения женщин. Самоконтроль за своими репродуктивными способностями – важнейший фактор освобождения женщин. Таким образом, репродуктивная деятельность женщин в теории феминизма получает политическую окраску, отражая властные аспекты взаимоотношений между полами.

Система патриархата может быть ликвидирована, во-первых, путем изменения сознания женщин, через осознание ими собственной силы, значимости и своей ценности. С этой целью создавались и активно действовали просветительские группы «изменения сознания» (consciousness-raising groups). Во-вторых, формированием сестринского сообщества доверия, поддержки и взаимной защиты. Задача института сестринского сообщества заключается в достижении сепаратизма от мужчин во всех сферах общественной жизни.

Именно в этом аспекте и необходимо рассматривать призыв радикального феминизма к лесбийству. Переход к лесбийству в рамках феминизма есть политический протест против доминирования мужчин и эмоциональной и/или эротической привязанности к ним со стороны женщин. Однако идею политического лесбийства не поддержали другие направления феминизма. В то же время идея создания «феминной цивилизации», в которой центральное место отводится женщине и традиционным женским ценностям получила признание в радикальном направлении феминизма. И только за «феминной цивилизацией», ориентированной, в отличие

от патриархата, на взаимопомощь, партнерство, целостность всего человечества (единство женщин и мужчин), и есть будущее [5].

Радикальный феминизм представляет в настоящее время самое яркое направление в феминизме и трактуется как разнообразное смешение концепций, объединяемых исследованием таких проблем, как исключительность женского опыта и восприятия женщин, угнетение женщин как самая фундаментальная и универсальная форма подавления. Патриархат в их концепции есть автономная социальная и историческая сила. Неравенство полов, с точки зрения радикального феминизма, можно ликвидировать только в случае захвата женщинами всех средств воспроизводства человека, среди которых главенствующее значение отводится репродуктивным правам и воспитательному процессу. Заслуга радикального феминизма состоит в том, что отличия женщин от мужчин уже не рассматриваются исключительно как форма неравенства и источник неполноценности, но как источник гордости и веры в свои силы.

Список литературы

1. Сорокина, И.В. Женское движение в США: история, теория, практика / И.В. Сорокина. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 71 с.

2. Ритцер, Д. Современные социологические теории / Д. Ритцер. – СПб., 2002. – 688 с.

3. Брайсон, В. Политическая теория феминизма / В. Брайсон. – М.: Идея-пресс, 2001. – 304 с.

4. Дворкин, А. Порнография. Мужчины обладают женщинами / А. Дворкин // Введение в гендерные исследования: хрестоматия. В 2 ч. / под ред. С.В. Жеребкина. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – Ч. 2. – С.201 – 213.

5. Айслер, А. Чаша и клинок / А. Айслер // Библиотека Максима Машкова [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: http://www.lib.ru/URIKOVA/AJSLER/klinok.txt

Н.О. Ларионова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, г. Гродно, lnatulya@tut.by

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Торговля людьми – одно из наиболее негативных явлений современности. На основании данных Организации Объединенных Наций этот вид

преступности занимает по доходности третье место наряду с такими преступлениями, как торговля оружием и наркотиками.

Через территорию Беларуси пролегают основные транспортные пути из России, других стран СНГ и Балтии в государства ближнего и дальнего зарубежья. В условиях масштабных интеграционных процессов и открытых государственных границ торговля людьми, как проявление транснациональной преступности, получила распространение и в Беларуси, обусловив тем самым принятие разносторонних государственных мер противодействия этому криминальному злу.

Республикой Беларусь были своевременно приняты кардинальные меры по защите своих граждан. В 2001 году была принята Государственная программа комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции на 2002-2007 годы, которая была выполнена в полном объеме. Реализация данной программы обеспечила согласованность и взаимную дополняемость в действиях более пятнадцати министерств и ведомств и позволила сконцентрировать внимание белорусского общества на актуальности проблемы торговли людьми.

В целях усовершенствования этой работы с учетом современных тенденций указом Президента Республики Беларусь № 624 от 6 декабря 2007 года утверждена Государственная программа противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2008-2010 годы.

Главной целью Государственной программы является обеспечение плановой и скоординированной деятельности государственных органов и иных государственных организаций в сфере борьбы с торговлей людьми, а также устранение причин, порождающих это общественно опасное явление. При этом основное внимание акцентировано на проведении мероприятий по предупреждению и пресечению таких наиболее опасных правонарушений, как торговля детьми, распространение детской порнографии и проституции, а также правонарушений, совершаемых с использованием широких возможностей глобальной компьютерной сети Интернет и под видом оздоровления и обучения несовершеннолетних лиц за границей.

Реализация Государственной программы ведется в нескольких направлениях: выявление и раскрытие преступлений в области противодействия торговле людьми, нелегальной миграции, распространению проституции и другим связанным с ними противоправным деяниям, защита и реабилитация жертв торговли людьми и профилактика данного явления.

За период с 2000 по 2010 годы правоохранительными органами Республики Беларусь зарегистрировано более 4 000 преступлений в сфере противодействия торговле людьми, иным связанным с ней преступлениям [1]. Однако в современных условиях торговля людьми и связанные с ней противоправные деяния становятся все более скрытными, заранее подготавливаемыми, замаскированными. Их выявление, расследование и предотвращение значительно усложняются с каждым годом. С 1996 года в

системе Министерства внутренних дел создана специализированная служба для координации деятельности всех государственных органов в области противодействия торговле людьми. В 2006 году служба преобразована в управление по наркоконтролю и противодействию торговле людьми.

Часто в преступных целях используются широкие возможности глобальной компьютерной сети Интернет. Ограничить доступ к информации, содержание которой направлено на содействие незаконной миграции и торговле людьми, распространение порнографических материалов, пропаганду насилия, жестокости и других деяний, запрещенных законодательством, позволят меры, предусмотренные Указом Президента Республики Беларусь № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» от 01.02.2010 [2].

Согласно проведенным Республиканским центром анализа и прогнозирования преступности НИУ «НИИПККиСЭ» Министерства юстиции Республики Беларусь исследованиям, основная группа более всех подверженная виктимизации от торговли людьми в Республике Беларусь – это молодые женщины и девушки, имеющие низкий либо недостаточно высокий уровень образования, не состоящие в браке, часто имеющие на иждивении несовершеннолетних детей и, помимо этого, не имеющие работы или работающие, но с низкой оплатой труда. Около 15 % жертв – несовершеннолетние. Именно данные группы требуют к себе повышенного внимания со стороны государственных органов, общественных организаций для осуществления профилактики данного явления [3].

Социальную помощь и поддержку жертв торговли людьми осуществляют в Республике Беларусь как государственные органы социальной защиты – территориальные центры социального обслуживания населения Министерства труда и социальной защиты, социально-педагогические центры и социальные приюты Министерства образования, так и неправительственные организации, такие как Общественная организация «Белорусский союз молодых христианских женщин» в рамках программы «La Strada Беларусь»: Предотвращение торговли людьми в странах Центральной и Восточной Европы, Белорусское Общество Красного Креста.

Особое внимание в республике уделяется информированию общественности и проведению профилактических мероприятий. Серьезное внимание данной проблеме уделяют белорусские средства массовой информации. На всей территории Республики Беларусь созданы «горячие линии» и «телефоны доверия» по вопросам безопасного выезда за границу.

При планировании и проведении мероприятий, разработке общегосударственных программ по противодействию торговле людьми особое внимание уделяется организации взаимного информирования и взаимодействия между государственными, правоохранительными органами, а также неправительственными и общественными организациями.

В целом, в Республике Беларусь создана довольно эффективная система противодействия торговле людьми. В результате согласованных дей-

ствий государственных органов наблюдается стабильное (с 2005 года) снижение количества преступлений в сфере противодействия торговле людьми, иным связанным с ней преступлениям.

Список литературы

1. Использованы статистические данные, представленные на официальном сайте МВД РБ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mvd.gov.by/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=456 – Дата доступа: 20.02.2010.

2. О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет: Указ Президента Республики Беларусь, 1 февр. 2010 г., № 60, 01.02.2010 / Нац. Реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010 – № 1/11368

3. Дятлова, В.О. Социально-демографическая характеристика жертв преступлений, связанных с торговлей людьми / В.О. Дятлова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы: сб. науч. тр. – Мн.: Право и экономика, 2005. – С.35 – 37.

А.В. Лешков

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, Layshkou_a@tut.by

ВЫБОРЫ-2010 И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ САЙТЫ КАНДИДАТОВ В ПРЕЗИДЕНТЫ РЕСПУБЛИКИ УКРАИНА

17 января и 7 февраля 2010 года в Украине в два тура прошли очередные президентские выборы. На начальном этапе 18 кандидатов боролись за высший государственный пост, из них 10 являлись членами политических партий, а 8 были беспартийными. При этом 8 из 10 партийных кандидатов в Президенты были выдвинуты своими политическим партиями. Практически все кандидаты в Президенты Украины располагали своими Интернет-ресурсами, за исключением трёх кандидатов: Противсих В.В., Пабата А.В. и Ратушняка С.Н.

В первом туре выборов пятёрку наиболее успешных кандидатов составили: Янукович В.Ф., Тимошенко Ю.В., Тигипко С.Л., Яценюк А.П. и действовавший Президент Ющенко В.А., которые в совокупности набрали более 85 % голосов проголосовавших избирателей. Все выше перечисленные политические лидеры располагали своими Интернет-ресурсами.

Сайт кандидата в Президенты Януковича В.Ф. размещался по адресу: http://yanukovych.com.ua/ и публиковал информацию только на украинском языке. Интернет-ресурс содержал 8 основных разделов; в частности,

посетители сайта могли ознакомиться с новостями избирательной кампании, программой, биографическими сведениями, хроникой встреч, актуальными комментариями, фото- и видеоматериалами кандидата в президенты, а также информацией его пресс-центра. Персональный сайт Януковича В.Ф. предусматривал регистрацию посетителей.

Сайт его главного оппонента кандидата в Президенты Тимошенко Ю.В. «Вибори 2010 – Юлія Тимошенко» (http://www.tymoshenko.ua/) располагал страницами на трёх языках – украинском, русском и английском. Интернет-ресурс имел 9 основных разделов, которые содержали новости избирательной кампании, программу, биографические сведения, блог кандидата в Президенты Тимошенко Ю.В., а также фотогалерею, справочную информацию и специальную страницу об успехах и достижениях данного политического лидера. Кроме того, с главной страницы сайта можно было перейти на Интернет-ресурс сторонников Ю. Тимошенко «ВірЮ!» (http://viryu.tymoshenko.ua/).

Сайт кандидата в Президенты Тигипко С.Л. (http://tigipko.com/) имел версии на трёх языках: украинском, русском и английском. Персональная страница содержала 9 разделов, в которых были представлены сведения о биографии, программе, новостях избирательной кампании, фото- и видеоматериалы, контактные телефоны и адреса, заявления и реализуемые кандидатом в Президенты проекты. Кроме того, в разделе «Нам пишут» публиковались обращения и высказывания граждан. Особо необходимо отметить большое количество Интернет-ресурсов Тигипко С.Л. в различных социальных сетях (Twitter, LiveJournal, FaceBook, вКонтакте, YouTube, Одноклассники, Flickr, Politiko, Яндекс), на которые можно было перейти по гиперссылкам с главной страницы:

- http://twitter.com/SergeyTigipko,
- http://tigipko.livejournal.com/,
- http://www.facebook.com/profile.php?id=100000066798118,
- http://vkontakte.ru/id43614091,
- http://www.youtube.com/user/SergeyTigipko,
- http://www.odnoklassniki.ru/,
- http://www.flickr.com/photos/sergeytigipko,
- http://politiko.com.ua/profile-104483,
- http://video.yandex.ru/users/SergeyTigipko/).

На сайте кандидата в Президенты Яценюка А.П. (http://arseniy.com.ua) публиковалась информация только на украинском языке. Его персональная страница имела 8 разделов, в которых Интернет-аудитория могла найти информацию о биографии Яценюка А.П., его заявления, интервью и программы, новости избирательной кампании, фото- и видеоматериалы. Для быстрого поиска необходимой информации на сайте применялось около десятка тегов (ключевых слов), которые позволяли оперативно ознакомиться с позицией кандидата по наиболее актуальным проблемам общественной жизни страны. С главной страницы Интернет-ресурса

Яценюка А.П. можно было перейти на сайты его благотворительного фонда «Open Ukraine» (http://www.openukraine.org/ua/) и созданного им движения «Фронта Змин» (http://frontzmin.org/), а также на страницу в социальной сети YouTube.

Персональный сайт кандидата в Президенты Ющенко В.А. (http://www.nashvybir.com.ua) размещал информацию только на украинском языке. Его Интернет-ресурс имел 9 разделов, которые знакомили посетителей с новостями избирательной кампании, с деятельностью Ющенко В.А. на постах президента страны и руководителя политической партии, а также иными сведениями. Отличительной чертой данного Интернет-представительства следует признать наличие разделов: «Наш лидер», «Наш президент», «Наш кандидат» и «Проголосовать за Ющенко». С главной страницы сайта можно было перейти на Интернет-ресурсы Президента Украины (http://www.president.gov.ua/), политической партии «Наша Украина» (http://www.razom.org.ua/) и персональные страницы Ющенко В.А. в социальных сетях YouTube, вКонтакте, Flickr, FaceBook, (http://youtube.com/viktoryushchenko, http://vk.com/id58878865, http://www.flickr.com/photos/viktor_yushchenko, http://www.facebook. com/#/pages/Viktor-Yushchenko/24679450252?ref=nf).

На основании вышеизложенного можно сделать определённые выводы. Лидеры президентской гонки в ходе избирательной кампании 2010 года в Украине активно использовали персональные Интернет-ресурсы для информационно-пропагандисткой, агитационной работы и мобилизации своих сторонников. Для этого вокруг их сайтов создавалась определённая сеть, в которую входили Интернет-ресурсы политических партий, общественных движений, рядовых сторонников конкретного политического лидера, а также персональные страницы кандидатов в Президенты в различных социальных сетях. При этом необходимо отметить, что Янукович В.Ф. и Тимошенко Ю.В. не были представлены в социальных сетях в отличие от Тигипко С.Л., Яценюка А.П. и Ющенко В.А. Бесспорным лидером по количеству охвата социальных сетей был Тигипко С.Л., который располагал персональными страницами в 8-ми социальных сетях. Янукович В.Ф. и Тимошенко Ю.В. своё отсутствие в социальных сетях компенсировали созданием своих собственных социальных сетей. Так, Интернет-ресурс кандидата в Президенты Януковича В.Ф. предусматривал регистрацию посетителей, после чего их персональные профили и высказывания отображались на сайте. Кандидат в Президенты Тимошенко Ю.В. пошла дальше и создала отдельный сайт для своих сторонников. Подход двух основных претендентов на пост Президента Украины в вопросе создания и использования социальных сетей говорит об их стремлении к жесткой централизации и контролю за подобными Интернет-ресурсами. Кроме того, следует отметить, что персональные страницы кандидатов в Президенты содержали как общую для всех информацию (биографии, программы, фото- и видеоматериалы), так и имели свои специфические черты.

А.В. Лешков

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, Layshkou_a@tut.by

ТЕНДЕНЦИИ В ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ (НА ПРИМЕРЕ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Развитие политических Интернет-технологий требует от научного сообщества осмысления этого феномена. Одной из задач в рамках данной проблематики является изучение и совершенствование практики применения Интернет-технологий для информационного обеспечения избирательных кампаний, в том числе органов местного самоуправления.

25 апреля 2010 года в Республике Беларусь пройдут выборы в местные Советы депутатов. Предыдущие местные выборы состоялись в 2007 году. По результатам их мониторинга были опубликованы некоторые выводы об информационной политике Интернет-ресурсов органов местного управления и самоуправления в период избирательной кампании. В частности, в выводах были отмечены: необходимость унификации информационной политики, более оперативное осуществления информационного обеспечение и сопровождение каждого этапа избирательной кампании, увеличение количества, качества и разнообразия материалов, посвященных ходу избирательной кампании и т.д. [1].

В продолжение этой работы в данной публикации представлены результаты анализа информационного обеспечения начального этапа избирательной кампании 2010 г., проведенного автором в период времени с 18 января по 14 февраля. В указанный период времени прошло несколько важных этапов выборов организационного характера – создание окружных и территориальных избирательных комиссий, участков для голосования, определение мест агитации и начало выдвижения кандидатов в депутаты.

Сравнивая практику использования сайтов органов местного управления и самоуправления в информационном обеспечении последних двух избирательных кампаний можно отметить наличие в ней определённых изменений. К началу прошлой избирательной кампании по выборам депутатов местных Советов все районные исполнительные комитеты Гомельской области и одна районная Администрация г. Гомеля (Советского района) имели свои сайты в сети Интернет, а также сайтами располагали Гомельский облисполком и Гомельских горисполком. К началу избирательной кампании 2010 года к вышеперечисленным Интернет-ресурсам прибавились сайты Администраций Центрального, Новобелицкого и Желез-

нодорожного районов г. Гомеля. Кроме того, были разработаны и созданы сайты районных и городских газет, учредителями которых являются местные органы государственной власти Гомельской области.

В настоящее время в каталоге Интернет-портала Президента Республики Беларусь можно найти ссылки на 27 Интернет-ресурсов местных государственных органов власти Гомельской области, а именно: 21 сайт районных исполнительных комитетов, 1 сайт городского исполнительного комитета, 1 сайт областного исполнительного комитета и 4 сайта районных Администраций г. Гомеля.

Все указанные Интернет-ресурсы на своей главной странице содержали баннер «Выборы-2010», выполненный в цветах государственного флага, который содержал гиперссылку на специальную страницу сайта, посвящённую выборам в местные Советы депутатов. На этой странице имелось от 1 до 5 разделов, посвященных новостям избирательной кампании, сведениям о составе окружных и районных комиссий, избирательному законодательству, информации об участках для голосования. Все сайты содержали раздел «Законодательство» с гиперссылкой на текст Указа Президента Республики Беларусь «О назначении выборов в местные Советы депутатов Республики Беларусь двадцать шестого созыва» (№21 от 18.01.2010 г.), а также сведения о персональном составе и месте расположения районных, городской и областной избирательных комиссий (за исключением сайта Хойникского райисполкома). При этом почти половина из них (11 Интернет-ресурсов) в разделе «Законодательство» не содержали текстов решений местных органов государственной власти.

Шесть сайтов из 27 не содержали информации о названии, границах и количестве избирателей в избирательных округах по выборам депутатов районных Советов. Девять Интернет-ресурсов содержали раздел «Новости избирательной кампании», при этом только пять из них имели информационное наполнение. У четырех сайтов (Брагинского, Житковичского, Рогачёвского, Чечерского) райисполкомов раздел «Новости избирательной кампании» был пуст. Десять Интернет-ресурсов местных органов государственной власти не содержали новостей о ходе избирательной кампании ни в своей новостной ленте, ни на страницах районных Интернет-СМИ. Наибольшее количество новостных сообщений (11) размещалось на сайте Гомельского горисполкома.

Для сравнения нынешнего состояния практики применения политических Интернет-технологий с предыдущими местными выборами приведём несколько цифр. Количество предвыборных материалов в 2007 г. было невелико, в большинстве случаев от 1 до 3 за весь период избирательной кампании. Причём подавляющее большинство из них появились только на предпоследнем этапе кампании – стадии агитации в декабре 2006 г. – ян-

варе 2007 г. Исключение составлял сайт Гомельского облисполкома, на котором насчитывалось около двух десятков подобных материалов. В нынешнюю электоральную кампанию эти показатели превышены уже на начальном этапе. Три года назад только восемь сайтов из 24 опубликовали сведения о границах избирательных округов и количестве их избирателей. В 2010 году эту информацию можно уже найти на страницах 21 органа местной государственной власти. Если в избирательную кампанию-2007 лишь шесть Интернет-ресурсов местных исполнительных органов власти предоставляли возможность ознакомиться с персональным составом районных избирательных комиссий, то в нынешнюю кампанию такие сведения были доступны практически на всех сайтах.

На основании вышеизложенного можно сделать определённые выводы и проследить некоторые тенденции. Выборы 2010 года завершили этап создания Интернет-представительств местными исполнительными органами государственной власти Гомельской области. На данных Интернет-ресурсах увеличилось количество информационных материалов предвыборного характера и оперативность их размещения. Появилась некоторая системность в информационной работе в период избирательной кампании. Так, например, на всех сайтах были созданы специальные страницы «Выборы-2010», на которых можно ознакомиться с нормативно-правовыми актами, регулирующими проведение выборов, персональным составом районных избирательных комиссий, информацией об избирательных округах и количестве избирателей. Тем самым была устранена часть недостатков, о которых говорилось по итогам избирательной кампании 2007 года. Вместе с тем, следует продолжить работу по совершенствованию практики применения Интернет-технологий для информационного обеспечения избирательных кампаний с учётом отмеченных фактов. Кроме того, следует обратить внимание на развитие Интернет-СМИ и использование Интернет-представительств структурами гражданского общества в контексте избирательных кампаний.

Список литературы

1. Лешков, А.В. Использование сайтов исполнительных комитетов в информационном обеспечении выборов в местные Советы депутатов 25-го созыва (на примере Гомельской области) / А.В. Лешков // Основы государственного управления: X Республиканская научно-практическая конференция молодых учёных, Минск, 15 мая 2007 г.: доклады и сообщения / под общ. ред. д-ра экон. наук Л.В. Пакуш. – Мн.: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2007. – С. 195 – 196.

Н.Е. Лихачёв

Могилевский институт региональных социально-политических исследований, г. Могилев, mirspi@mogilev.by

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В АГРОГОРОДКАХ

Нужды людей в территориально-поселенческих образованиях обретают конкретное воплощение в процессе совместного проживания. Единство их интересов образуется, во-первых, на объединённом использовании земли и природных ресурсов, а также местного промышленного и аграрного потенциала; во-вторых, на имеющейся общей коммунально-бытовой и социальной инфраструктуре; в-третьих, на регулировании межличностных и коллективных отношений в границах предприятий и на уровне соседства. Основополагающим критерием подходов к степени приемлемости условий выступает принцип целесообразности и полезности в организации жизненной среды по месту проживания. Анализ удовлетворённости людей своим материальным положением, состоянием здоровья, бытовым и культурным обслуживанием позволяет получить представление о состоянии социально-психологического самочувствия населения не только в отдельных поселениях, но и проследить динамику настроений в региональном масштабе.

Становление и развитие социальной инфраструктуры села зависит от многих факторов, но в обобщенном виде их можно свести к трем позициям:

• концентрация усилий сельского населения, местных домохозяйств на деятельности по обустройству мест проживания;

• инициативы территориальных органов управления и самоуправления в решении вопросов местного значения, направленных на обеспечение населения социальными услугами, укрепление собственной хозяйственно-экономической базы на принципах самоорганизации;

• повышение эффективности социальной политики государства в отношении сельских регионов, оказание им помощи в решении наиболее сложных проблем по обустройству и социальному обслуживанию, а также определение общих направлений рационального использования финансовых и материальных ресурсов регионов.

Государственная политика, направленная на развитие социальной инфраструктуры села, должна учитывать определенные негативные тенденции. Сельский социум представляет собой сложное субъектно-объектное образование и характеризуется наличием ряда противоречий, прежде всего, между стремлением сельчан к высокому качеству услуг и практикой их удовлетворения.

По результатам социологического исследования: «Состояние семейно-брачных отношений и современных демографических процес-

сов в сельской местности Могилевщины», проведенного коллективом Могилевского института региональных социально-политических исследований в 2008 году наиболее «болезненные точки» – работа общественного транспорта, бытовое обслуживание, функционирование учреждений культуры. Связано это в первую очередь с невысоким уровнем финансовых возможностей местных органов власти и недостаточным бюджетным финансированием сельских учреждений быта, а также центров культуры и досуга. Большие претензии у сельчан к обеспечению общественного порядка, учреждениям здравоохранения, снабжению топливом. По мнению респондентов, для современного сельского жилья наиболее рациональны постройки усадебного типа: кирпичный коттедж (58,7 %) или деревянный сельский дом (34,6 %). Такой вариант жилища, как квартира в многоэтажном доме, предпочли бы лишь 4,7 % жителей села.

Жители села поддерживают осуществляемые государством меры в данной связи. 59,4 % респондентов считают, что необходимо продолжить строительство жилья (домиков) в сельской местности; 25,8 % поддерживают мнение о прекращении строительства такого жилья и перенаправлении выделенных для этого средств на субсидирование сельских жителей для строительства домов по индивидуальным проектам.

Самый важный показатель отношения населения к созданию и развитию агрогородков, в целом их необходимости – это предпочтения жителей села относительно жизни в том или ином типе сельских поселений. На вопрос: «Где бы Вы лично предпочли жить в сельской местности?» ответы распределились в следующей последовательности: в малой деревне – 3,4 %; в средненаселенном селе – 18,5 %; в агрогородке – 72,8 %; затруднились ответить – 5,4 %. Из всех типов сельских поселений наиболее предпочитаемым является агрогородок. Этого мнения придерживаются представители всех возрастных групп сельчан. И те, кому уже посчастливилось жить в агрогородках области, не желают принципиально менять место проживания.

Агрогородки являются качественно новым типом сельских поселений. Их создание и развитие предусмотрено Государственной программой возрождения и развития села на 2005-2010 гг. в рамках обеспечения устойчивого социально-экономического развития сельских территорий, способствующего формированию необходимых условий для жизнеобеспечения населения, придания привлекательности сельскому образу жизни и труда, достижения установленных социальных стандартов. Агрогородки представляют собой сельские населенные пункты, преобразованные в благоустроенные поселки, с развитой производственной и социальной инфраструктурой, создаваемой посредством жилищного, коммунального и культурно-бытового строительства. Обратимся к оценкам респондентов по поводу развитости инфраструктуры этих поселений. Больше всего на-

реканий у их жителей вызывает состояние дорожного покрытия, транспортное сообщение и ассортимент промышленных товаров в торговых заведениях. Другая отличительная особенность агрогородков – жилищное строительство, осуществляемое в целях улучшения жилищных условий сельских жителей, привлечения молодых специалистов в сельскохозяйственную отрасль, приближения строящегося жилья по комфортности к городскому.

Насколько комфортны условия нового жилья для его обитателей? С этой целью респондентам (недавно вселившимся в новый дом от СПК) задавался ряд вопросов по поводу удовлетворенности качеством строительства и архитектурно-планировочным решением этого дома. Единственный критерий, удовлетворенность по которому чуть превышает недовольство у хозяев новых домиков, – внешний архитектурный облик дома. Но ведь это далеко не самый важный критерий в деле строительства жилья, а особенно для жилья, строящегося с целью привлечения и закрепления в нем жителей в лице молодых специалистов. Больше всего недовольства вызывает общее качество постройки (60,2 %), а особенно – внутренней отделки (63,6 %); вызывает нарекания и обустройство хозяйственных построек (51,2 %) и прилегающей территории (52,5 %). А ведь это основные критерии удобства, комфортности и в целом общей удовлетворенности новым жильем.

Сельское население все больше стремится к такому стилю жизни, который по комфортности не уступал бы городскому. Но при этом следует принимать во внимание и факт проживания людей в непосредственном природном окружении, необходимость вести приусадебное хозяйство, специфические особенности аграрного труда и др. Следовательно, наряду с государственно-плановой перестройкой социальной инфраструктуры важен учет индивидуальных запросов сельчан и ориентацию их на стратегию самоорганизации. Основным методологическим подходом в реформировании агросектора должен стать переход от стратегии развития сельскохозяйственной отрасли к стратегии комплексного развития сельских территорий. В основе оценки успешности аграрного реформирования следует расставить акценты в следующей последовательности: *1* – развитость социальной сферы сельского поселения; *2* – уровень социальной защищенности жителей села; *3* – экономическая эффективность агропроизводства. Социальная составляющая агросферы должна быть главным структурным компонентом. Внедрение в сельскую действительность социальных стандартов качественно не ниже, а по некоторым показателям и выше городских, позволит сдержать миграционные процессы и сделать сельские поселения привлекательными для проживания и трудовой деятельности.

С.Н. Лихачёва

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова, г. Могилёв, lihacheva@me.by

МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Включение молодёжи в систему общественных отношений представляется сложным и неоднозначным процессом, обусловленным многоукладностью экономики, ростом социального расслоения и дифференциации, интенсивностью социокультурных процессов. Реформирование социальной политики обозначило целый ряд проблем, от решения которых во многом зависит эффективность и слаженность механизма социального воспроизводства, где молодёжь является главным действующим лицом.

Социальную политику можно обозначить как концептуально-стратегическое обоснование форм и методов, программ и нормативной базы поддержания устойчивого развития социальных систем (человека, семьи, коллектива, общества) и организацию их выполнения в целях обеспечения достойного уровня жизни, регулирование социальной дифференциации и способа жизни, стимулирование собственной активности [1; с. 15-16]. Она приобретает свои особенности на уровне регионов и осуществляется в виде областных целевых программ. К субъектам формирования и реализации региональной социальной политики в отношении молодежи относятся региональные исполнительные и представительные органы власти, общественные объединения, организации и предприятия всех форм собственности.

Социально ориентированная рыночная экономика предполагает значительную роль государства в решении социальных вопросов. Общество всегда стоит перед выбором – рост доходов населения за счет низкого уровня налогов или повышение уровня удовлетворения на льготных условиях социально значимых потребностей определенных категорий. При сохранении конкурентной среды в хозяйственно-экономической деятельности, в социальной сфере становится необходимостью поддержка определенных групп населения. Причем для молодых это своего рода «аванс», предполагающий в будущем отдачу в виде добросовестного выполнения гражданских, профессиональных, семейных функций. Отношения государства и этой социально-демографической группы складываются непросто, в том числе и на уровне восприятия социальной поддержки. При проведении социологического исследования проблем молодежи Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) в 2008 году на вопрос: «Как государство относится сегодня к молодежи по сравнению с другими группами населения?» молодые жители Могилевщины дали следующие ответы: лучше, чем к другим группам – 8 %; также

как к другим группам – 48,4 %; хуже, чем к другим группам – 15 %; затруднились ответить – 28,6 %. Популярный когда-то лозунг: «Молодым везде у нас дорога!» уходит в прошлое. Около половины участников исследования считают, что в отношении к молодежи со стороны государства нет ничего особенного. Более критично настроены студенты вузов (19 % отметили худшее отношение), что связано, на наш взгляд, с широким распространением платных форм получения образования, удорожанием самого процесса обучения (ксерокопирование, Интернет, стоимость учебной литературы, проживание и проезд иногородних).

Длительная материальная зависимость от родителей ведет к зависимости социальной, выражающейся в пассивности, неуверенности в себе, нежелании брать ответственность за себя и других. Несмотря на то, что будущее всегда было и будет за молодыми, они не демонстрируют стремления активно на него влиять. На вопрос: «Как Вы считаете, в какой степени Вы можете влиять на будущее развитие нашего общества?» участники исследования ответили: могу в значительной степени – 8,6 %; могу, но в незначительной степени – 40,6 %; не могу, от меня ничего не зависит – 36,9 %; могу, но при определенных обстоятельствах 12,4 %, в качестве которых назывались «если займу руководящую должность», «если поставлю такую цель», «если буду не один» и др.

Важной составляющей социальной политики является поддержка молодых семей. По информации Национального статистического комитета численность населения Беларуси за январь 2010 года уменьшилась на 13,6 тысячи по сравнению с январем 2009 года. За январь 2010 года в стране родился 8 тыс. 481 ребенок (на 824 меньше по сравнению с январем 2009 года), умер 12 тыс. 391 человек (на 229 больше) [2]. Экономические и другие причины ведут к тому, что ожидаемое число детей в современных семьях 1-2, и есть большая вероятность, что многие остановятся на одном ребенке. По результатам социологического исследования молодых семей, проведенного МИРСПИ в 2009 году установка на однодетность имеется у 23,7 %, причем у женщин – 28,7 %.

Содержание социальной политики, средства ее реализации и результаты зависят от того, насколько ее цели и задачи адекватны тем жизненным реалиями тенденциям, которые сложились в обществе. Наиболее волнующей молодежь проблемой является трудоустройство и здесь имеется немало сложностей (см. табл.).

С отказами в приёме на работу сталкивался каждый второй респондент. В первую очередь из-за отсутствия опыта работы, которого молодым просто негде взять, точно так, как избавиться от молодого возраста. Наличие маленького ребёнка не устроило работодателей, к которым обращались 15,4 % молодых женщин, также эта цифра выше в крупных городах. Отсутствие жилья чаще является причиной в сельской местности. Таким образом, молодёжи достаточно сложно вписаться в трудовую сферу, недостаточно отрегулированы механизмы занятости молодых, особенно с их «временными» проблемами.

Таблица – Распределение ответов на вопрос: «По каким причинам Вы лично сталкивались с отказом в приёме на работу?», %

Варианты ответов	Общее распределение	Мужчины	Женщины	Крупный город	Райцентр	Село
Отсутствие опыта работы	34,0	33,3	34,4	39,5	25,3	26,2
Молодой возраст	14,4	16,3	13,1	14,3	14,7	14,8
Наличие маленького ребёнка	10,7	3,8	15,4	12,6	8,2	7,4
Отсутствие жилья	2,6	3,1	2,3	1,6	3,5	4,9
Отсутствие детей	2,2	0,3	3,4	2,3	3,5	---
С отказом не сталкивался	49,0	51,5	47,2	44,4	58,2	52,5

Осуществление социальной политики, в особенности на региональном уровне, предполагает решение комплекса управленческих задач. Эффективность этой деятельности зависит от ее информационного, правового и финансового обеспечения. Важным обстоятельством является и то, что в современном обществе усиливается социальное расслоение, которое затрагивает и молодых. Поэтому имеется необходимость проведения именно адресной социальной политики с учётом дохода и возможностей разных категорий.

Список литературы

1. Шавель, С.А. Социальная политика суверенной Беларуси / С.А. Шавель, Р.А. Смирнова. – Минск, 1996.

2. Носова, М. За январь численность населения Беларуси уменьшилась на 13,6 тыс. / М. Носова // БелаПАН [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: http://news.tut.by/society/162581.html – Дата доступа: 20.02.2010.

Л.И. Лукьянова

Гродненский государственный медицинский университет, г. Гродно, kgnmed@mail.ru

МЕТОД КОМПАРАТИВИСТИКИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Проблема сопоставления различных вещей и явлений, действий людей и наших представлений о них является естественной способностью

человека, помогающей ему ориентироваться в мире и осваивать этот мир при помощи наличных форм чувственности, ассоциативного мышления, аналогий и паралогий, слов и понятий и т.п. При этом в процессе житейских сравнений наличие критической рефлексии отнюдь не обязательно, вполне достаточно простого восприятия. Для научного знания характерным является проблематизация сравнения, постановка вопроса об эквивалентной мере и критериях сравнения, т.е. высокая степень критической рефлексии.

В сфере политологического знания сравнения и сопоставления соединяют политическую теорию с данными политической практики, с конкретными контекстами политического участия. В этом смысле, как подчёркивал Н. Смелзер, «...сравнительный метод есть заменитель эксперимента» [1, с. 51].

В процессе формирования компаративистики как метода во второй половине XIX века сложились две основные исследовательские традиции. Первая – теоретическая – направлена на выявление общей логики поиска данных при сравнении. Вторая – описательная – ориентирована на сбор и фиксацию наличных данных и в лучшем случае опирается на их индуктивное обобщение.

Первая традиция представлена, например, в книге британского политолога Э. Фримена, посвящённой сравнительному изучению политических институтов и форм правления. Вторая – успешно использована в трудах американского политолога Ф. Либера, настаивавшего на внедрении в политические исследования историко-сравнительного метода.

Однако подлинное господство компаративистики как метода приходится на XX век. Предпосылкой взлета стал выход в 1930 году первого тома произведения А. Тойнби «Постижение истории», которое стало образцом компаративистики и подняло сравнительные исследования на качественно новую высоту. Отвечая на известную проблему уникальности политических явлений, он пишет: «Наш ответ состоит в том, что хотя каждый факт, как и каждый индивид, уникален и тем самым в некоторых отношениях несравним, в других отношениях он может оказаться элементом своего класса и потому сопоставимым с другими элементами данного класса, насколько это позволяет классификация» [2, с. 43].

Однако настоящий бум сравнительных политологических исследований приходится на вторую половину XX века, точнее 70-80-е годы, когда представители американской политической науки – футурологи – разработали концепции, определяющие единые магистрали развития человеческой истории, не взирая на особенности этого развития в различных странах. Так появилась теория «стадий экономического роста» У. Ростоу, теория «постиндустриального» общества Р. Арона, «Третьей волны» О. Тоффлера и др.

Все эти разнохарактерные концепции получили общее название теорий «единого индустриального», «постиндустриального», «технотронного», «информационного» и т.п. общества, гносеологическую основу которых составлял принцип технологического детерминизма, абсолютизация

некоторых характерных черт и особенностей научно-технической революции, её последствий и направлений воздействия на все проявления жизнедеятельности в любом обществе.

В начале 60-х годов компаративистика получает организационное оформление. Так, в марте 1954 года создаётся комитет по сравнительной политологии, который возглавил известный американский политолог Г. Алмонд. Деятельность Комитета, в котором принимали участие 245 человек (в том числе 199-американцев и 46 представителей других стран, в основном европейских) отличалась широтой и разнообразием и была направлена на создание «общей науки, разрабатывающей единый комплекс теоретических проблем, представляющих единую методологию исследования» [3, с. 16].

В начале 80-х годов по инициативе Европейского координационного центра была организована серия специальных международных семинаров, посвящённых сравнительному изучению процессов, происходящих в различных странах.

В этой связи следует обратить внимание на труды американского футуролога О. Тоффлера. В 1970 г. он издал книгу «Шок будущего» семимиллионным тиражом, в 1975 издал «Доклад об экоспазме», в 1980 – выходит ещё одна нашумевшая книга О. Тоффлера «Третья волна», ставшая международным бестселлером. Интервью, взятое у Тоффлера японским, канадским и американским телевидением, позволило им сделать серию передач, основанных на сюжетах «Третьей волны».

Многие идеи О. Тоффлера не могут не вызывать интереса и сегодня. В книге- интервью «Прогнозы и предпосылки» он писал: «Три вещи будут определять наше политическое будущее: первое – это рост работников умственного труда, второе – головокружительный рост числа проблем, требующих принятия решений, третья – компьютеры» [4, с. 118].

Вызывает интерес ещё один тезис О. Тоффлера. С его точки зрения (а в 90-е годы это звучало провидчески), роботизация и автоматизация производства приведут к возникновению качественно новых отношений в обществе. «Компьютер, – писал он, – имеет невероятное число воздействий на политическую систему. Большая, замкнутая, централизованная политическая система увеличивает власть государства над индивидуумом. Но маленький децентрализованный компьютер и компьютер-сеть могут быть использованы для индивидуальной власти [5, с. 2].

Технооптимистические прогнозы Тоффлера вызвали ответную волну технопессимистических теорий развития мира. Отметим среди предостерегающих сценариев политического будущего мира идеи французского идеолога Ж.Ф. Прево. «Научно-технический прогресс, – указывал он, – может породить как демократию, которая действительно будет служить человеку, так и всё более угнетающий тоталитаризм. Информатика позволяет вести досье на всех граждан общества и контролировать их личную жизнь. В то же время она даёт возможность распространить не только знания, но и власть на огромное число людей»[6, с.248].

Что касается сравнительной политологии в XXI веке, то здесь вновь встала проблема ее обновления и методологически, и методически. Намечается переход от исследования традиционных институтов и факторов политической деятельности (государство, партии, избирательные системы, СМИ) к осмыслению новых явлений (окружающая среда политики, корпоративные интересы и неокорпоративизм, новые общественные движения, постматериальные ценности и др.). Совершенствуется и расширяется область применения математических методов при анализе политических процессов. Оформляются такие относительно новые направления, как анализ демократизации и транзитологии. Появились новые области исследования – переходные процессы, конфликты, коррупция и т.п.

Оценку будущего сравнительной политологии, можно завершить словами Вербы С., сказанные им более 20 лет тому назад и сохраняющие своё значение по сей день: «В будущем, – писал он, – можно ожидать, что ситуация в области сравнительной политологии останется прежней...Дисциплина сохранит неоднородность своих стилей и теорий, а большинство её приверженцев будут по-прежнему считать это благом» [7, с. 36].

Список литературы

1. Smelser, N. The Methodology of Comparative Analysis / N. Smelser. – Comparative Research Methods. – Englewood Cliffs. – 1973.

2. Тойнби, А. Постижение истории / А. Тойнби. – М., 1991.

3. Almond, G.A. Political Development / G.A. Almond. – Boston, 1970.

4. Toffler, A. The Adaptive Corporation / A. Toffler. – London, 1985.

5. Le cartes du Future // Futurible. – 1984. – № 75.

6. Prйvost, J.-F. Le peuple et son maоtre, pour un coup d'Etat de l'individu / J.-F. Prйvost. – Paris, 1983.

7. Verba, S. Comparative Politics, Where have We been, Where are We going / S. Verba. – Boulder, 1986.

Е.С. Лученкова

Витебский государственный технологический университет, г. Витебск, elena.stepanovna@tut.by

МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ФОРМИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО ТИПА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Современная Беларусь представляет собой трансформирующееся общество, в котором пока еще не сформирована целостная система мировоззренческих ценностей. С одной стороны, возникают новые демокра-

тические модели мировосприятия, с другой, довлеет славянский тип ментальности.

Ментальность как самостоятельный феномен следует отличать от общественных настроений, ценностных ориентаций. Она выражает привычки, пристрастия, коллективные эмоциональные шаблоны. Общественные настроения переменчивы, ментальность более устойчива. Она включает в себя ценностные ориентации, но не исчерпывается ими, так как характеризует собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания. Ментальность можно рассматривать как устойчивую настроенность внутреннего мира людей, которая сплачивает их в социальные и исторические общности. В социально-психологическом и гносеологическом смысле ментальность есть совокупность установок и предрасположенностей индивида к определенному типу мышления и действия.

Ментальность, как и политическая культура, мотивирует образ действий, и предлагает отчетливые схемы поведения. Политическая культура – это система сложившихся объективных политических ценностей: идей, учений, теорий, программ, лозунгов, субъективируемых человеческими чувствами и эмоциями, реализующаяся в политической деятельности, политическом поведении людей.

Политическую культуру можно рассматривать и как проблему политического наследия, преемственности политического опыта, в прямых и превращенных формах, оказывающих влияние на политику. Политическая культура, следовательно, получает субъективно- объективную интерпретацию. Она выступает, с одной стороны, в форме выработанной творческой способности, с другой – в виде объективных культурных форм, представленных в виде знаков, символов, ценностей, норм и институтов. Именно поэтому политическая культура образует матрицу политического процесса. Вместе с ментальностью она дает устойчивые, воспроизводимые на протяжении исторического периода формы.

Можно сказать, что всякой политической системе будет присуща своя специфическая политическая культура. Каждой политической системе соответствует особая собственная базисная модель, которая в каждой стране проявляется в национально-специфических формах.

Культурно-исторический опыт Беларуси достаточно противоречив, что дает возможность не относить его к определенному типу политической культуры, а выделить лишь определенные доминанты культуры.

В эволюции духовных ценностей, в формировании особого типа политической культуры восточного славянства решающую роль сыграли такие исторические вехи, как формирование Киевской Руси, Московского княжества и Великого княжества Литовского, единого Российского и советского государства (учитывая некоторое отклонение существования западных белорусов в составе Польши, а также современная суверенность трех восточнославянских народов).

Духовные ценности белорусов формировались в контексте восточнославянской ментальности, традиционно испытывая трудности существования между Востоком и Западом и осуществляя поиск собственного пути развития. Белорусская ментальность впитала в себя и униатскую склонность к компромиссам, и героику католицизма и строгую воздержанность вместе с индивидуализмом протестантизма. Многие исследователи отмечают, что белорусы миролюбивы, для них не характерно чувство национального превосходства над другими национальностями. Говоря о толерантности белорусской нации, обычно выделяют такие черты как рассудительность и поиск справедливости без насилия, стремление к разумному компромиссу, терпимость, чуткость, уважение к людям с иным мировосприятием и стилем мышления.

Вместе с тем в политической культуре белорусского общества четко прослеживается тенденция зависимости индивида от власти, привычка ожидать от нее решения всех своих проблем. Данная доминанта обусловлена концентрацией политического государства в центре власти. Это связано как с географическими особенностями, так и с менталитетом народа.

Все вышеизложенное дает возможность определить фундаментальные приоритеты в формировании политической культуры нового типа современного белорусского общества:

1) национальные интересы, предполагающие обеспечение национальной безопасности Беларуси;

2) экономические приоритеты, направленные на создание динамично развивающейся, социально-ориентированной рыночной экономики;

3) основные приоритеты в социальной сфере, предусматривают реализацию принципов социальной справедливости, обеспечение условий для реализации творческих способностей людей, сохранения научных школ и направлений.

Политическая культура белорусского государства, учитывая менталитет белорусского народа, его историю, традиции, особенности национального характера, предусматривает в качестве важнейшего постулата сочетание преимуществ рыночной экономики с осуществлением принципа социальной справедливости и консолидацией всего народа для достижения главных целей развития нашей страны.

К этим целям относятся:

- обеспечение постепенного перехода к постиндустриальному, информационному обществу на основе реализации научных нововведений и новых технологий, неуклонного роста производительности труда и валового внутреннего продукта;

- достижение на основе повышения эффективности экономики и опережающего развития социальной сферы европейских стандартов материального обеспечения граждан и повышение качества жизни;

- формирование гражданского общества и создание эффективного правового государства, обеспечивающего реализацию указанных ориентиров;

- идея социального государства, которая является формулой народного согласия, так как она предусматривает: движение к утверждению в обществе социальной справедливости; ослабление социального неравенства; предоставление каждому человеку работы или иного источника существования; сохранение мира и согласия в обществе; формирование благоприятной для человека жизненной среды.

Таким образом, в современной Беларуси назрела необходимость в появлении нового типа политической культуры, которая помогла бы осуществить все намеченные цели в преобразовании государства. Ментальность в этом случае будет выступать установкой в матрице политической культуры.

А.И. Лысюк

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина,
г. Брест, ailysiuk@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В КОНТЕКСТЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

В последние годы изучения феномена публичной политики переживает своеобразный Ренессанс. Это обусловлено, по меньшей мере, двумя объективными обстоятельствами. С одной стороны, вступлением развитых западных государств в стадию постмодерна, сопровождающуюся активизацией политического участия граждан. С другой стороны, в государствах Восточной Европы, переживающих стадию социальной модернизации, наблюдается всплеск общественной самодеятельности граждан.

Публичная политика представляет собой специфический способ существования власти и народа, включающий как «политику для общества», исходящую от органов государственной власти, так и то, что эта политика осуществляется «вместе с обществом», т.е. структурами гражданского общества. Публичная политика ориентирована на оптимальное решение ключевой задачи – достижение социального консенсуса, т.е. общественного согласия по фиксированным и общезначимым социальным проблемам.

Структура публичной политики, понимаемой таким образом, состоит из пяти элементов. Во-первых, отталкиваясь от того, что публичная политика является формой социальной самодеятельности граждан, в число ее конституирующих компонентов включает: (1) различные некоммерческие и негосударственные общественные организации; (2) консультативные и общественные советы при органах государственной власти; (3) предпринимательские структуры и финансово-промышленные группы; (4) правозащитные организации, защищающие права отдельных людей, а также следящие за соблюдением законов самим государством; (5) церковные

организации в той мере, в какой они включены в общественный процесс; (6) локальные и общенациональные социальные инициативы. Политические лидеры в этом случае должны, с одной стороны, быть чрезвычайно чувствительными к исходящим от этих структур общественным запросам, а с другой – рассматривать их в качестве партнеров по продвижению политической линии.

Во-вторых, пространство публичной политики составляют и органы государственной власти, утверждающие и реализующие конкретные социальные программы и проекты. Действительно, при всей значимости институтов гражданского общества в демократических государствах, основная ответственность за решение социальных проблем возлагается, тем не менее, на государственных лидеров. Отсюда в современном мире наблюдается возрастающий спрос на политических лидеров – «провидческих реалистов», для которых моральное лидерство является безусловным политическим приоритетом.

В-третьих, не любая проводимая политика является публичной, а только та, которая проводится в интересах «публики», граждан определенного государства. Поэтому она включает в себя не только социальные ожидания, которые должны составлять основу деятельности органов власти и общественных инициатив, но и эффективность реализуемой ими политики. Как правило, в демократическом обществе именно эффективность политических практик является основным критерием оценки деятельности государственного лидера. Кроме этого, публичная политика предполагает наличие механизмов «обратной связи», обеспечивающих контроль «публики» над процессом принятия и реализации политических решений, деятельностью властвующей элиты. Бесспорно также, что публичная политика – это сфера конкуренции позиций и практик многих социальных групп, включая и отношения между органами государственной власти и общественностью, но это такая конкуренция, которая в качестве обязательного пункта предполагает согласование и достижение между ними консенсуса по фиксированным проблемам.

Отметим, при этом, что публичная политика не исключает реализацию частного и группового интереса, а наоборот, поощряет позиционирование активных групп и лоббирование ими своих интересов, но не с целью осуществления собственных интересов, а с целью их реализации через компромисс. В этом отношении своеобразным антипримером являются политические режимы в России и Украине, в которых политические лидеры являются проводниками интересов олигархических кланов.

В-четвертых, публичная политика для собственного осуществления нуждается в совокупности действий, реализующих искомые цели и задачи. В первую очередь, учитывая ее коммуникативную природу, речь идет о выборе эффективных коммуникативных стратегий, интегрированных в социальное пространство. Нельзя не согласиться с белорусским политологом И. Бугровой, утверждающей, что публичную политику следует понимать как

«общественный ангажемент, стимулирование общественной поддержки, продвижение идей, партий, лидеров, структур». А учитывая то, что «публичная политика – это своеобразная витрина политики в целом, это артикулируемые и символизируемые образы и образцы, которые те или иные политические и общественные акторы желают растиражировать, сделать всеобщим достоянием», становится очевидным, что субъекты публичной политики не могут не выступать в социуме в качестве организаторов коммуникативных действий и интенсивной масс-медийной коммуникации [1, с. 18]. По этой причине ключевым политическим качеством современного политика является искусство ведения социальных коммуникаций.

С другой стороны, публичная политика выступает как совокупность практических акций, направленных на регулирование совокупности социальных отношений: предупреждение преступности, борьба с наркоманией, экологические акции, контроль за органами государственной власти, оптимизация сферы социальной защиты и т.п. Поэтому успешный политический лидер не может не быть эффективным менеджером. Естественная близость общественности и местной власти по решению определенного спектра локальных проблем на региональном уровне делает очевидным, что в наибольшей степени и с наибольшей отчетливостью феномен публичной политики представлен на уровне местного самоуправления, включая и сферу политического лидерства. Собственно говоря, если говорить об образцах политических лидеров в государствах Западной Европы, то практически все они (лидеры) стартовали с властных позиций на местном уровне.

В-пятых, своего рода интегративным компонентом публичной политики является совокупность мотивов, регулирующих социальное поведение и политические стратегии ее субъектов. В мотивации государственных лидеров доминирует гуманистическая составляющая, в рамках которой за каждым человеком признается самоценность и равенство по отношению к правам, свободам и обязанностям. Политический лидер, действующий на ее основе, осознает себя в качестве «служителя» окружающих его людей, а также политического субъекта, стремящегося в своей деятельности принимать во внимание господствующие в социуме надситуативные и внеличностные мировоззренческие императивы – мотивы служения, долга, ответственности и др. Лидер при этом чувствует высокую степень ответственности за общее благо, потенциально готов ради его осуществления приложить максимум усилий, вплоть до жертвенности и личного героизма.

Список литературы

1. Бугрова, И.И. Публичная политика как реабилитация политики / И.И. Бугрова // Новости НИСЭПИ (IISEPS News). – 2002. – № 1. – С. 16–19.

СОДЕРЖАНИЕ

Адуло Т.И. Средний класс как субъект современного исторического процесса............3

Андреев И.В. Проблематика партийных систем в русской либеральной политологии............6

Аныл М. Интеграционные процессы Республики Беларусь на постсоветском пространстве в условиях глобализиции и неоимпериализма............9

Астаповский В.Е. Сущность форм и методов идеологической работы.....11

Астроўскі Ю.А. Генезіс партыі зялёных у ФРГ............13

Бобрович В.И. «Бегство от свободы» Э. Фромма в контексте постсоветской политической культуры............16

Бодак М.С. Идеология консерватизма и ее функционирование на территории Республики Беларусь............19

Бойко И.В. Политико-правовые основы государственно-конфессиональных отношений в Республике Беларусь............22

Бондарь Ю.П. Трансформация постсоветских обществ: Методы политического анализа............26

Боярчук Т.Н. Реализация государственной политики Республики Беларусь в сфере сохранения и развития национальных культур.............29

Браим И.Н. О ментальных характеристиках этносов в условиях политической трансформации............31

Бурдяк В.И. Модель политической системы Республики Беларусь...........33

Буховец О.Г. Достижения и тупики советского цивилизационного проекта............36

Вархотова В.А. Историко-политологический подход к изучению идеи вечного мира в политической мысли Европы XVI – XIX вв...............39

Вархотова В.А. Основные тенденции развития идеи вечного мира в истории социально-политической мысли Европы Нового и новейшего времени............42

Ватыль В.Н. Политическое развитие и модернизация: современные конфигурации и проекции............44

Ватыль Н.В. Понятие политико-административной элиты в учении И.А. Ильина............47

Венидиктов С.В. Мобилизационный ресурс электронных СМИ Беларуси............50

Вергейчик Ж.Н. Политологические аспекты анализа проблем государственного управления............53

Веремеев Н.Ю. Многоуровневое управление в Европейском Союзе...........55
Вечер Л.С. Инновационный аспект политического образования государственных и политических деятелей...58
Вонсович Л.В. Основные направления государственной политики Республики Беларусь в трансформационный период..................................61
Габрусевич А.С. Понимание права в работах Б.Н. Чичерина.......................64
Габрусевич А.С. Социально-философские воззрения Б.Н. Чичерина........68
Галубовіч В.У. «Новыя» накірункі гістарычных штудыяў і «старыя» праблемы палітычный навукі...71
Гельберг Я.Л., Баталко Т.И., Виноградова Т.Я. Строительство союзного государства в условиях глобализационных последствий...........73
Головин Ю.А. Развитие политологического образования в Ярославской области..76
Гончаров Н.Н. Личностный аспект национальной безопасности...............79
Гришин О.Е. Политическая наука в России: технологическая ориентация..82
Гусев А.В. Развитие отношений Республики Беларусь с НАТО..................85
Давлатова Е.В. Стиль принятия политического решения лидера.............88
Давыденко С.С. Институализация в общественно-политических процессах Беларуси...91
Дмитриев В.В. Идейные принципы нормотворчества как отражение современных политических идеалов общества.................94
Евстифеев Р.В. Новая генерация глобальных вызовов и судьбы суверенных государств в XXI веке..97
Ерёменко Е.М., Решетникова Н.С. Идеология государства и ее структура....100
Ефимова О.К. Геополитические знания в системе политологического образования..103
Ефимович Е.В. Идеи демократии в истории политической мысли...........106
Журавлева Н.Б. Средства массовой коммуникации в контексте глобализации..109
Зварич Э.П., Скакун Е.В. Наднациональные институты как результат влияния глобализационных процессов на национальный суверенитет...113
Земляков Л.Е. Религиозный фактор национальной безопасности Республики Беларусь...116
Іваноўскі Ю.У. Мясцовы рэферэндум: удакладненні мемарыяльных адзнак да характарыстыкі сістэмнай мадэлі правядзення ў краінах саюзнай дзяржавы..119

Ильина Е.М. Методология анализа политического процесса в условиях построения информационного общества в Республике Беларусь....122

Кавецкий С.Т. Феномен бюрократии через призму тоталитаризма....125

Калюта В.В. О тактике РСДРП в отношениии национальных социал-демократических партий на территории Беларуси в годы первой русской революции....128

Канашевич Н.М. Политическая идеология в эпоху постмодернизма и глобализации....131

Капалыгина И.И., Лапа О.В. Роль современной информации в становлении личности....134

Карпинский В.В. Предпосылки современной антропогенной революции....137

Касьяненко А.П. Региональный туристический кластер и устойчивое развитие Гомельского полесья....141

Кийко Н.Г. Территориальное сотрудничество Европейского Союза и Беларуси в рамках Европейской региональной политики....145

Клицунов А.И. Формирование гражданского общества в Беларуси с эпохи перестройки до середины 1990-х гг....148

Козлова М.М. Столокновение идеологий: Либерализм vs. Демократия....151

Козыренко Н.Н. Влияние политико-культурных тенденций нации на трансформационные процессы (на примере Республики Беларусь, Республики Украина и Российской Федерации)....154

Коктыш Г.И., Коктыш Е.А. Гуманистические основы идеологии белорусского государства на современном этапе....157

Коликова Н.Н. Эволюция взаимоотношений Белорусской Православной Церкви и политических партий в Республике Беларусь....160

Коломийцев А.А. Митрополит Семашко – сановник и политический деятель....163

Комарова И.К. Национальные государства в условиях глобализации....166

Комарова Т.К. Социальные страхи как компонент субъективного «образа общества»....169

Корзенко Г.В., Опимах Н.А., Павлова Н.В. Современная политическая культура белорусского общества (теоретический аспект)....172

Короленок Л.Г. Полевые избирательные технологии....175

Косоруков А.А. Теоретические аспекты анализа внешней политики....178

Котляр И.И. Постигнет ли Беларусь судьба ГДР?....181

Котляров И.В. Белорусские политические партии: состояние бифуркаци и неопределенности....183

Котляров И.В. Политические системы: новый концептуальный подход....186

Кошелева И.В. Социально ориентированное государство: западные образцы и белорусская модель развития....190

Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. Взаимодействие цивилизаций в контексте глобализации....192

Криштапович Е.А. Понятие и структура политической глобалистики....195

Криштапович Л.Е. К проблеме гражданского общества (история, теория, практика)....197

Круглашов А.Н. Политическая наука в Украине и Беларуси: проблемные вопросы развития....200

Кудрицкая Е.Г. Белорусская и российская модели социально-экономического развития в условиях политической модернизации....203

Кузнецова И.А. Неокорпоративистская и сетевая модели в теории принятия политических решений: сравнительный анализ....206

Курьянович А.В. К вопросу об истоках парламентаризма независимой Беларуси (на примере Верховного Совета XII созыва)....209

Лапа О.В. Идеология радикального феминизма как проекция постмодерна....210

Ларионова Н.О. Деятельность государственных органов по противодействию торговле людьми в Республике Беларусь....213

Лешков А.В. Выборы-2010 и персональные сайты кандидатов в президенты Республики Украина....216

Лешков А.В. Тенденции в практике применения Интернет-технологий для информационного обеспечения выборов в местные Советы депутатов (на примере Гомельской области)....219

Лихачёв Н.Е. Региональные аспекты развития социальной инфраструктуры в агрогородках....222

Лихачёва С.Н. Молодежь как объект социальной политики....225

Лукьянова Л.И. Метод компаративистики в исследовании политических процессов современного мира....227

Лученкова Е.С. Ментальность как предпосылка формирования определенного типа политической культуры....230

Лысюк А.И. Политическое лидерство в контексте публичной политики....233

Научное издание

БЕЛОРУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ: МНОГООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ. РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Тезисы докладов
IV международной научно-практической конференции

(Гродно, 13 – 14 мая 2010 г.)

В 2 частях
Часть 1

Ответственные за выпуск: *Н.Н. Красницкая, Е.В. Снежко*
Компьютерная вёрстка: *М.И. Верстак*
Дизайн обложки: *О.В. Канчуга*

Подписано в печать 23.04.2010. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Ризография. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 13,95. Уч.-изд. л. 15,34. Тираж 180 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».
ЛИ № 02330/0549484 от 14.05.2009.
ЛП № 02330/0494172 от 03.04.2009.

Пер. Телеграфный, 15а, 230023, Гродно.

ISBN 978-985-515-271-3